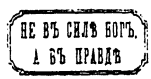
THE BIBLE. Its Origin, Growth and Character.
By J. T. Sunderland.

I. T. СЭНДЕРЛЭНДЪ.

БИБЛІЯ

Ея происхожденіе, развитіе и отличительныя свойства.

Переводъ съ англійскаго
подъ редакціей В. Чертнова.



Изданіе „Свободнаго Слова“.

№ 82.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1904.

1 шк.
Черт.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Об[illegible]х Наук
Академии наук СССР

1503
60

СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЪ.

Стр.

Предисловіе отъ Редакціи VI

Предисловіе автора VII

Гл. I. **Мѣсто Библіи между другими священными книгами.** 1

Библія, какъ священная книга, 1 стр., Священныя книги, выросшія изъ жизни цѣлаго народа, 3. Священныя книги, возникшія изъ ученія какого-либо одного лица, 4. Время освящаетъ, 5. Мнимая непогрѣшимость священной книги, задерживающая прогрессъ, 7. Священныя книги не терпятъ соперничества, 9. Ложные методы толкованія, 10.

Гл. II. **Сходство между Библіей и другими священными книгами.** 14

Сходство религіозныхъ ученій во внѣшнемъ и преходящемъ, 15. Сходство религіозныхъ ученій въ ихъ наиболѣе существенныхъ свойствахъ, 19. Священныя книги индусовъ, 20. Священная книга персовъ, 21. Священныя книги Китая, 23. Священныя книги буддистовъ, 24. Священныя книги магометанъ, 26. Разница въ степени, но не въ сущности, 27. Значеніе этого открытія, 28.

Гл. III. **Іудея и ея обитатели.** 30

Іудея, 30. Еврейскій народъ, 32. Исторія еврейскаго народа въ библейскія времена, 34.

Гл. IV. **Библія, какъ собраніе литературныхъ произведеній.** 39

Ея разнородность, 39. Сложный характеръ Библіи, 40. Неизвѣстность времени и авторовъ библейскихъ писаній, 43. Нехронологическій порядокъ библейскихъ книгъ, 46.

Гл. V. **Пятикнижіе: было-ли оно написано Моисеемъ?** 52

Гл. VI. Пятикнижіе: его разнородный характеръ и истинное происхожденіе. 62
Соединеніе всѣхъ четырехъ писаній въ одно, 69. Время обнародованія книгъ: Бытія, Исхода, Левита, Чиселъ и Второзаконія, 70.
Гл. VII. Еврейскія легенды и исторія; происхожденіе историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта. . 71
Легендарное основаніе всякой древней исторіи, 72. Какой древности достигаетъ достовѣрный историческій періодъ еврейскаго народа? 73. Библейская исторія подлежитъ той же критикѣ, какъ и всякая другая исторія, 75. Историческія книги Ветхаго Завѣта, 76. Книга Іисуса Навина, 77. Книга Судей, 77. Книга Руѳь, 78. 1-ая и 2-ая книги Самуила, (въ русской Библіи: 1-ая и 2-ая книги Царствъ), 78. 1-ая и 2-ая книги Царствъ, (въ русской Библіи: 3-я и 4-я книги Царствъ), 79. 1-ая и 2-ая книги Паралипоменонъ, 80. Книга Ездры, 81. Книга Нееміи, 81. Книга Эсѳирь, 82.
Гл. VIII. Еврейскіе пророки; происхожденіе пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта. 83
Появленіе еврейскихъ пророковъ и характеръ ихъ дѣятельности, 83. Прорицательный элементъ у еврейскихъ пророковъ, 85. Пророческія книги: происхожденіе, время составленія и авторы ихъ, 87. Книги пророковъ Наума, Аввакума и Софоніи, 92.
Гл. IX. Еврейская поэзія: происхожденіе ветхозавѣтныхъ поэтическихъ писаній. . . . 94
Гл. X. Евангелія: ихъ происхожденіе и характеръ. . 105
Самые ранніе документы, 107.
Гл. XI. Евангелія: ихъ происхожденіе и характеръ. II. 111
Легендарный элементъ въ Евангеліяхъ, 115. Достовѣрность евангельской исторіи, 117.
Гл. XII. Павелъ и книга Дѣяній св. апостоловъ . 119
Раздѣленіе среди христіанской церкви, 121.
Гл. XIII. Посланія Павла. 126
Гл. XIV. Другія Посланія и Откровеніе. . . . 133
Гл. XV. Образованіе канона; апокрифическія и другія непризнанныя произведенія литературы. . . 141
Утраченныя книги Ветхаго Завѣта, 141. Писанія, не вошедшія въ каноиъ Новаго Завѣта, 145.
Гл. XVI. Образованіе канона; Ветхій Завѣтъ; Новый Завѣтъ. 149
Каноиъ Ветхаго Завѣта, 149. Каноиъ Новаго Завѣта, 151.
Гл. XVII. Текстъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ; его образованіе и сохраненіе. I. 159
Рукописи Ветхаго Завѣта, 161.

Гл. XVIII. Текстъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ; его образованіе и сохраненіе. II. 170
Греческія рукописи Новаго Завѣта, 170.
Гл. XIX. Нравственный и религіозный прогрессъ отражается въ писаніяхъ Библіи. 176
Прогрессъ въ понятіи о Богѣ, 177.
Гл. XX. Непогрѣшимость Библіи при свѣтѣ новѣйшей науки. I. 185
Противорѣчія въ Евангеліяхъ, 196.
Гл. XXI. Непогрѣшимость Библіи при свѣтѣ новѣйшей науки. II. 199
Гл. XXII. Библія и вдохновеніе. 212
Вдохновеніе, 212.
Гл. XXIII. Неизмѣнная цѣнность Библіи. . . . 219
Заключеніе. 225
Друзья и враги Библіи. Двѣ крайности, 225.

Предисловіе отъ Редакціи.

Этотъ переводъ книги американскаго унитаріанскаго пастора Сэндерланда, «*Библія, ея происхожденіе и развитіе*», былъ исполненъ по нашему порученію и тщательно провѣренъ и исправленъ нами. Напечатанъ онъ на средства, пожертвованныя для этой цѣли Англійскимъ и Американскимъ Унитаріанскими Обществами.

Лицамъ, незнакомымъ съ такъ называемымъ, «унитаріанскимъ» движеніемъ и желающимъ получить о немъ нѣкоторое понятіе, — мы можемъ указать на слѣдующія уже изданныя нами брошюры: *Унитаріанское Христіанство (№ 63). Теодоръ Паркеръ. О вопросахъ религіи. (№ 48). О преходящемъ и вѣчномъ въ Христіанствѣ. Теодора Паркера. (№ 64). Іисусъ: Богъ, или сынъ Божій? (№ 79).*

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что тѣ изъ нашихъ читателей, которые знакомы съ современнымъ положеніемъ русскаго «сектантскаго» движенія и которые вообще сочувствуютъ разумному выясненію религіозныхъ вопросовъ, — согласятся съ тѣмъ, что въ подобной книгѣ имѣется въ настоящее время въ Россіи самая настоятельная потребность.

Съ своей стороны убѣжденные въ томъ, что она можетъ оказать существенную пользу многимъ и многимъ искателямъ истины, мы надѣемся, что намъ будетъ оказана дѣятельная помощь въ доставленіи этой книги въ Россію въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ*).

Редакція «Свободнаго Слова».

10 Ноября 1904 г.

---

*) Кромѣ изданія на толстой бумагѣ для заграничной продажи, имѣется еще другое изданіе на тонкой бумагѣ, спеціально предназначенное для ввоза въ Россію.

Предисловіе Автора.

Предлагаемая книга представляетъ дальнѣйшее развитіе мыслей, высказанныхъ въ болѣе раннемъ моемъ сочиненіи, озаглавленномъ «*Что такое Библія*» и изданномъ въ 1878 г. Но хотя оба сочиненія и сходны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе настоящая книга можетъ считаться вполнѣ самостоятельнымъ трудомъ, такъ какъ она содержитъ много новаго, задается болѣе широкими цѣлями, касается многихъ вопросовъ, вовсе не затронутыхъ въ первой моей книгѣ, и содержитъ гораздо больше фактическаго матеріала.

За тѣ пятнадцать лѣтъ, которыя прошли со времени изданія моей первой книги, библейская критика сдѣлала большіе успѣхи, и, что не менѣе важно, среди читающей публики чрезвычайно усилился интересъ къ изученію Библіи, въ особенности ко всѣмъ вопросамъ, касающимся такъ называемой высшей критики. Въ настоящее время повсюду мыслящіе люди, съ настойчивостью и серьезностью, не извѣстными въ прежнія времена, задаются вопросомъ: Что можетъ сообщить намъ честная, независимая и компетентная библейская критика — критика, изслѣдующая вопросъ въ интересахъ истины, а не въ интересахъ богословскаго догматизма, — что можетъ сообщить намъ такая критика о Библіи, ея происхожденіи и авторахъ, о постепенномъ ростѣ библейскихъ писаній, о ихъ достовѣрности, истинномъ характерѣ, о мѣстѣ Библіи среди другихъ великихъ священныхъ книгъ міра и о ея неизмѣнной цѣнности?

Предлагаемое сочиненіе представляетъ попытку дать полный и вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности краткій отвѣтъ на эти вопросы.

Приготовляя его къ печати, авторъ воспользовался, насколько было возможно, новѣйшими трудами лучшихъ европейскихъ ученыхъ. Онъ старался также выполнить свою задачу въ томъ искренномъ терпимомъ и проникновенномъ духѣ, который подобаетъ такой задачѣ.

I. T. C.

I.

Мѣсто Библіи между другими священными книгами.

Библія, какъ священная книга.

На вопросъ, что̀ такое наша Библія, ученые даютъ, между прочимъ, слѣдующее широкое опредѣленіе: это одна изъ великихъ священныхъ книгъ или библій человѣчества. Всѣ или почти всѣ согласны съ тѣмъ, что эта Библія дѣйствительно превосходитъ всѣ другія. Но какъ бы она ни стояла высоко, по сравненію съ другими священными книгами, несомнѣнно все-таки, что она принадлежитъ къ одному и тому же разряду.

Изъ другихъ великихъ библій человѣчества самыя выдающіяся суть слѣдующія:

1. Книга Ведъ браминовъ.
2. Трипитака — буддистовъ.
3. Зендъ-Авеста парсовъ или персіянъ.
4. Пять Кинговъ или китайскія священныя книги Конфуція.
5. Тао-те-кингъ или китайская священная книга Лао-дзе и
6. Коранъ Магомета.

Кромѣ этого, были и существуютъ еще понынѣ другія священныя книги. Однако названныя — несомнѣнно наиболѣе важныя, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ, которыя дошли до насъ. Не говоря о существующихъ нынѣ, менѣе извѣстныхъ священныхъ книгахъ, намъ извѣстно теперь, что у древнихъ египтянъ было ихъ нѣсколько; изъ нихъ „Книга умершихъ“ была открыта, правда, не вся, но во всякомъ случаѣ значительная часть ея*).

---

*) См. Tiele „History of the Egyptian Religion“, гл. II; Renouf „Religion of Egypt“ („Hibbert Lectures“ за 1879 г.), лекція V; Rawlinson „Ancient Egypt“, т. I, стр. 140 — 144).

Въ Вавилоніи и Ассиріи также были найдены важные отрывки, которые можно, пожалуй, причислить къ священной литературѣ*). Греки не оставили намъ ничего, что можно было бы назвать священной книгой. Поэмы Гомера представляютъ великій народный эпосъ, но онѣ никогда не пользовались тѣмъ „общимъ признаніемъ или санкціей, которая одна, „какъ говоритъ Максъ Мюллеръ, „можетъ придавать книгѣ священный или канонический характеръ". Всѣ тѣ священныя преданія, которыми обладали кельты, германцы и славяне о своихъ богахъ и герояхъ, передаваемыя главнымъ образомъ устно, пропали безъ надежды на возстановленіе. Только отдѣльныя части одной Эдды даютъ намъ понятіе о томъ, въ чемъ состояла религіозная и героическая поэзія скандинавовъ. Такъ что почти съ полной увѣренностью можно сказать, что наиболѣе важныя священныя книги или библіи всего свѣта суть библія браминовъ, библія буддистовъ, библія персовъ, т. е. Зороастра, двѣ китайскія библіи и библія магометанская; къ нимъ слѣдуетъ прибавить еврейскую библію (нашъ Ветхій Завѣтъ) и христіанскую библію (нашъ Ветхій и Новый Завѣты).

Священныя книги или библіи произошли естественнымъ путемъ. Онѣ суть необходимое и неизбѣжное послѣдствіе религіозной природы человѣка. Онѣ могутъ быть раздѣлены на два разряда. Первый разрядъ заключаетъ въ себѣ тѣ священныя книги, которыя суть произведенія жизни цѣлаго народа или націи и которыя потому принадлежатъ болѣе или менѣе неизвѣстнымъ авторамъ, и въ основаніи которыхъ лежатъ легенды и миѳы. Второй разрядъ состоитъ изъ тѣхъ книгъ, которыя произошли прямо отъ великихъ религіозныхъ руководителей или пророковъ и, по большей части, уже въ историческій періодъ.

---

*) Замѣчательные религіозные гимны ассиріянъ (унаслѣдованные ими отъ еще болѣе древняго народа — аккадійцевъ) представляютъ поразительное сходство съ еврейскими Псалмами. Изъ этихъ гимновъ былъ составленъ сборникъ для цѣлей богослуженія, и на нихъ, повидимому, смотрѣли, какъ на произведенія боговдохновенныя. Ленорманъ сравниваетъ ихъ съ Ригъ-Ведой индусовъ. См. Encycl. Brit., т. III, ст. „Babylonia", стр. 191. Болѣе полныя свѣдѣнія можно найти въ сочиненіяхъ Sayce'a „Religion of the Ancient Babylonians" („Hibbert Lectures" за 1887 г.) и „Records of the Past".

1. Священныя книги, выросшія изъ жизни цѣлаго народа.

Въ древнія времена, прежде появленія литературы и даже прежде появленія письменности, существовало всегда огромное количество легендъ и разсказовъ о войнахъ, разныхъ бѣдствіяхъ, замѣчательныхъ и чудесныхъ происшествіяхъ (какъ, напр., потопы, землетрясенія, предполагаемое сотвореніе міра), относительно предковъ, царей, героевъ, т. е. такихъ личностей, о которыхъ предполагалось, что они пользуются особенной милостью боговъ. Самыя замѣчательныя изъ этихъ исторій передавались отъ старшихъ къ младшимъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе и такимъ образомъ съ теченіемъ времени дѣйствительно дѣлались достояніемъ цѣлаго народа. Какъ только были изобрѣтены первобытные музыкальные инструменты, и какъ только люди научились пѣть, эти легенды и разсказы начали слагаться въ болѣе или менѣе опредѣленную форму.

Когда, наконецъ, люди достигли той ступени цивилизаціи, при которой появилась письменность, то, безъ сомнѣнія, эти гимны, баллады и легенды были прежде всего записаны; тогда же были записаны магическія формулы, руководства для колдовства, образцы молитвъ къ богамъ и постановленія религіозныхъ обрядовъ, т. е. все, что̀ произошло одинаково естественно и постепенно и часто въ одинаково ранній періодъ. Все это, вслѣдствіе своего происхожденія отъ почитаемыхъ предковъ, къ тому же окруженное ореоломъ таинственной старины, считалось, естественно, особенно священнымъ. Эти произведенія были зародышемъ будущихъ священныхъ книгъ или библій. Съ теченіемъ времени появились на свѣтъ другія писанія такого же или иного рода, изъ которыхъ нѣкоторыя были преимущественно религіозныя или полурелигіозныя, а нѣкоторыя съ этическимъ направленіемъ. Путемъ естественнаго подбора лучшія изъ нихъ — или тѣ, которыя пользовались наибольшей популярностью, или тѣ, которыя были въ большей гармоніи съ религіознымъ чувствомъ и понятіями народа, — были сохранены и пріобрѣтали постепенно все большій почетъ, тогда какъ другія были преданы забвенію и исчезли совершенно. Тѣ, которыя сохранились такимъ образомъ и заняли почетное мѣсто среди другихъ книгъ, со вре-

менемъ стали пользоваться еще бо̀льшимъ уваженіемъ и мало-по-малу были причислены къ древней священной литературѣ.

Такимъ образомъ библія росла. Эти прибавленія болѣе или менѣе соотвѣтствовали обстоятельствамъ; но въ концѣ концовъ наступило время, когда, вслѣдствіе ли національнаго разгрома или вслѣдствіе остановки интеллектуальной и религіозной жизни, или по какой-либо другой причинѣ, повѣствованіе обрывалось, и священная книга считалась законченной. Все, что̀ писалось въ какое бы то ни было время уже послѣ этого періода, не считалось истинной библіей. Такова вкратцѣ исторія происхожденія *одного разряда* священныхъ книгъ, или библій. Образцами этого класса мы считаемъ Веды, т. е. почти всю священную литературу индусовъ, и нашъ Ветхій Завѣтъ.

2. Священныя книги, возникшія изъ ученія какого-либо одного лица.

Второй разрядъ священныхъ книгъ является результатомъ проповѣди какого-нибудь одного лица. Великій религіозный учитель, появляясь среди народа, производитъ глубокое впечатлѣніе и порождаетъ новое религіозное движеніе или, если хотите, новую религію. Вполнѣ естественно, что результатомъ этого движенія является новая библія. Его послѣдователи, конечно, желаютъ сохранить разсказъ о его жизни и собраніе его поученій. Если онъ самъ пишетъ книгу или серію книгъ, то это и составляетъ библію или, во всякомъ случаѣ, главную и наиболѣе важную часть библіи. Если, однако, онъ послѣ себя ничего не оставляетъ, написаннаго имъ самимъ, тогда, естественно, послѣдователи и почитатели его записываютъ и сохраняютъ отчетъ объ его дѣлахъ и словахъ, какъ только они могутъ лучше; эти записки и ложатся въ основаніе библіи. Какъ примѣръ библій, возникшихъ изъ ученія одного человѣка, можно назвать обѣ библіи Китая, которыя составлены Конфуціемъ и Лао-дзе; буддійскую библію — отъ Сакія-Муни или Будды; Коранъ Магомета; и Новый Завѣтъ, т. е. повѣствованія о жизни Іисуса.*)

---

*) Время возникновенія новыхъ религій и священныхъ книгъ еще не миновало. Вотъ что̀ говоритъ д-ръ J. H. Allen въ:

Объ этихъ великихъ библіяхъ міра, какимъ бы изъ обоихъ указанныхъ способовъ онѣ ни возникли, слѣдуетъ сказать многое.

Время освящаетъ.

Большинство великихъ священныхъ книгъ, которыя только могли быть найдены нами, сдѣлались священными главнымъ образомъ благодаря своей древности. Единственное исключеніе составляютъ нѣкоторыя книги изъ второго разряда, т. е. тѣ, которыя принадлежатъ великимъ религіознымъ учителямъ.*) Книги могли быть оцѣнены съ самаго начала или нѣтъ; но въ самомъ началѣ обыкновенно отсутствовала всякая мысль о томъ, чтобы причислить ихъ къ особой категоріи священныхъ книгъ; и только со временемъ и постепенно люди начинали смотрѣть на нихъ, какъ на святыню. Чѣмъ болѣе книги старѣлись, тѣмъ священнѣе становились онѣ. Чѣмъ больше проходило времени отъ первоначальнаго появленія этихъ книгъ, тѣмъ болѣе и болѣе люди начинали вѣрить въ ихъ сверхъестественное происхожденіе. Ореолъ древности вызывалъ то почитаніе, которое начинало окружать ихъ.

Направленіе человѣческой мысли всегда и вездѣ было во

своемъ сочиненіи „Christian History“ (т. III, стр. 240): „Еще на моей памяти по крайней мѣрѣ въ четырехъ случаяхъ — насколько мнѣ извѣстно, а ихъ могло быть и больше — оказались на лицо всѣ необходимыя условія для возникновенія новой исторической религіи. Я имѣю въ виду религіи мормоновъ и спиритовъ въ Америкѣ, бабизмъ въ Персіи и Брамо Сомаджъ въ Индіи, не говоря уже о „религіи человѣчества“ Конта и о революціонной религіи соціализма. Вѣроятно всѣмъ этимъ религіознымъ движеніямъ суждено погибнуть подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій или же быть поглощенными болѣе крупными религіями. Но при иныхъ условіяхъ каждое изъ этихъ движеній могло бы развиться въ религію, если и не столь важную, то, во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія исторической, не менѣе интересную, чѣмъ парсизмъ, буддизмъ и исламъ“. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что по крайней мѣрѣ одна изъ этихъ религій, упомянутыхъ д-ромъ Алленомъ, произвела вполнѣ выработанную священную книгу или библію. Я имѣю въ виду „Книгу Мормона“, написанную Джозефомъ Смитомъ, основателемъ мормонизма.

*) Коранъ составляетъ одно такое исключеніе, а Книга Мормона — другое.

многомъ одинаковое. Человѣкъ считаетъ дѣтскіе годы золотымъ временемъ; народы тоже считаютъ свое дѣтство золотымъ вѣкомъ. Большинство древнихъ народовъ поклонялись своимъ предкамъ, во всякомъ случаѣ считали ихъ въ нѣкоторомъ отношеніи высшими, чѣмъ человѣкъ, существами. Учрежденія, обычаи, преданія, писанія, наслѣдія всякаго рода, доставшіеся отъ многихъ минувшихъ поколѣній, всѣ неизмѣнно проявляли тенденцію становиться священными въ глазахъ тѣхъ, къ кому они переходили.*) Въ особенности такъ было въ менѣе прогрессивныхъ цивилизаціяхъ востока, откуда собственно и возникли великія библіи всего міра. Едва ли одна изъ этихъ библій, едва ли хоть одно изъ тѣхъ писаній или хоть одинъ изъ отрывковъ, изъ которыхъ составлены библіи, считались, въ истинномъ смыслѣ этого слова, священными во время своего перваго появленія на свѣтъ. То, что отцы цѣнили или уважали, то дѣти почитали, а внуки превозносили, какъ нѣчто чудесное и божественное.

Было бы интересно и поучительно взять нѣсколько упомянутыхъ великихъ священныхъ книгъ и прослѣдить подробно, руководствуясь тѣмъ, что добыто современной наукой, какъ онѣ изъ просто хорошихъ и очень цѣнимыхъ писаній превратились въ священныя книги. Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ ограничиться разсмотрѣніемъ только нашей Библіи. Достаточно сказать, что этотъ переходъ въ нѣкоторыхъ книгахъ со-

---

*) Какъ время освящаетъ всѣ подобныя вещи, прекрасно видно на примѣрѣ символовъ вѣры Апостольскаго (названіе, вводящее въ заблужденіе, такъ какъ символъ этотъ появился уже черезъ нѣсколько столѣтій послѣ смерти апостоловъ — см. Encycl. Brit., ст. „Creeds“; также въ сочиненіи Schaff'a „Creeds of Christendom“ т. I, стр. 14 — 23) и Никейскаго. Оба эти символа вѣры, благодаря долгому употребленію, пріобрѣли въ глазахъ нѣкоторыхъ христіанскихъ сектъ степень святости, мало уступающую той, которая приписывается библіи. Еще вопросъ, не сдѣлаются ли и часословъ и требникъ римской католической церкви и молитвенникъ англиканской церкви священными книгами. Масса уже смотритъ на нихъ съ уваженіемъ, граничащимъ съ суевѣрнымъ обожаніемъ, — съ уваженіемъ во всякомъ случаѣ не меньшимъ, чѣмъ то, съ которымъ относились во времена Христа къ важнѣйшимъ частямъ Ветхаго Завѣта, или чѣмъ то, съ которымъ смотрѣли вначалѣ на любую изъ книгъ Новаго Завѣта.

вершался очень медленно и продолжался цѣлыя столѣтія. Что касается Ведъ и Зендъ-Авесты, для этого потребовалось *много* столѣтій, что̀ относится также по крайней мѣрѣ къ нѣкоторымъ частямъ нашей Библіи.

Что̀ касается нашего Ветхаго Завѣта, — божественное происхожденіе прежде всего было приписано Пятикнижію Моисея или, иначе, „Закону“, но святость даже этихъ книгъ была долгое время подъ большимъ сомнѣніемъ. Часть Ветхаго Завѣта, называемая евреями „Пророки“, была слѣдующей, причисленной къ священной; вся же часть, извѣстная тогда подъ именемъ „Писанія“, заключающая въ себѣ такія книги, какъ Псалмы, Притчи и Іова, которыя обыкновенно цѣнятся теперь выше другихъ книгъ Ветхаго Завѣта, — стала считаться истинно священной лишь незадолго до времени Христа. И дѣйствительно, ко времени Христа эта часть Ветхаго Завѣта пользовалась гораздо меньшимъ авторитетомъ, чѣмъ все остальное.

Что касается Новаго Завѣта, то нѣкоторыя посланія были признаны священными или авторитетными значительно раньше, чѣмъ Евангелія или Дѣянія; но еще долгое время, — быть можетъ цѣлыхъ два столѣтія, — ни одну книгу Новаго Завѣта христіанская церковь не ставила на одинаковый уровень съ Ветхимъ Завѣтомъ. И прошло по крайней мѣрѣ три или четыре вѣка прежде, чѣмъ было окончательно рѣшено, какія книги изъ всего обширнаго матеріала, накопившагося въ теченіе одного или двухъ столѣтій послѣ смерти Іисуса, надо включить въ канонъ Новаго Завѣта, т. е. признать за ними божественный авторитетъ, и какія оставить въ сторонѣ.

Но этотъ вопросъ о составленіи нашего собственнаго канона будетъ разсмотрѣнъ подробнѣе ниже (см. XVII и XVIII главы).

Мнимая непогрѣшимость священной книги, задерживающая прогрессъ.

Слѣдующее, что̀ можно сказать объ этихъ разнообразныхъ священныхъ книгахъ всего свѣта, — это то, что, какъ только люди начинаютъ смотрѣть на книгу, какъ на священную, они дѣлаются слѣпы къ ея недостаткамъ, принимаютъ ее за нѣчто непогрѣшимое, и не желаютъ искать или даже принять что̀-нибудь другое, лучшее. Религія всегда движется и растетъ

до тѣхъ поръ, пока люди не создадутъ для себя священной книги; развивается она и въ тотъ періодъ, въ теченіе котораго эта книга создается, но всякій разъ, какъ только книга закончена, движеніе и ростъ религіи немедленно останавливается. Съ этихъ поръ всѣ взоры обращены не впередъ, а назадъ; съ этихъ поръ всякая вещь считается хорошей или дурной, смотря по тому, согласуется ли она съ ученіемъ *книги*.

На этотъ счетъ можно было бы привести много любопытныхъ иллюстрацій. Такъ, напримѣръ, въ древнія времена употребленіе металла было неизвѣстно, и потому ножи, которые священники употребляли при своихъ обрядахъ, по необходимости были сдѣланы изъ камня. Позднѣе, когда металлъ вошелъ въ употребленіе, мы, естественно, могли бы предположить, что грубый каменный ножъ долженъ уступить мѣсто лучшему, металлическому. Однако нѣтъ! Ножъ, употребляемый при обрядахъ, былъ всегда изъ камня; поэтому и на будущее время не признавалось ничего, кромѣ каменнаго ножа. Тотъ фактъ, что книга попала въ разрядъ священныхъ, совершенно останавливаетъ развитіе религіи, уничтожаетъ возможность будущаго прогресса и совершенствованія, — освящаетъ все грубое и несовершенное, всякій ребяческій обрядъ или церемонію, такъ же, какъ всякую ложную доктрину; все бы это народъ со временемъ отбросилъ, если бы не считалъ книгу священной и непогрѣшимой.

Такъ было въ Индіи съ однимъ изъ текстовъ Ведъ (по всѣмъ вѣроятіямъ ложно истолкованнымъ), который повлекъ за собой сожженіе огромнаго количества вдовъ на могилахъ ихъ мужей. Такъ же и въ христіанствѣ въ настоящее время употребляютъ много религіозныхъ обрядовъ и вѣрятъ во многіе безсмысленные догматы. Этого давно бы не было, если бы только не считали Библіи священной книгой, каждое слово и малѣйшее предписаніе которой должно приниматься и исполняться буквально, какъ нѣчто данное на всѣ времена. Люди никакъ не могутъ разстаться съ каменнымъ ножомъ. Въ этомъ, вѣроятно, заключается причина, почему многія значительныя христіанскія секты такъ настаиваютъ на исполненіи обряда христіанскаго крещенія въ той именно формѣ, въ которой, какъ имъ кажется, это должно было исполняться въ Іудеѣ 18 столѣтій назадъ. Раз-

личія временъ, людскихъ привычекъ, климатъ не принимаются во вниманіе. Въ то время, когда *книга превращалась въ священную,* крещеніе повидимому исполнялось извѣстнымъ образомъ, вслѣдствіе этого оно и въ наши дни должно совершаться въ этой же самой формѣ, хотя бы для этого приходилось дѣлать проруби въ рѣкѣ, чтобы соблюсти форму. Опять все тотъ же каменный ножъ.

Въ этомъ также мы имѣемъ объясненіе того страннаго факта, что многіе прекрасные люди христіанскаго исповѣданія въ Америкѣ не такъ давно еще защищали рабство, какъ нѣчто доброе и справедливое. Случилось такъ, что народъ, который создалъ Ветхій Завѣтъ, составляющій часть нашихъ священныхъ книгъ, владѣлъ рабами и, вмѣстѣ съ большинствомъ другихъ націй міра въ тѣ древнія времена, думалъ, что это правильно. Вѣка, которые протекли съ тѣхъ поръ, двинули міръ впередъ до той точки, когда всѣ передовыя націи увидѣли ясно, что рабство — несправедливость. Но тотъ фактъ, что священная книга санкціонировала рабство, многимъ ослѣплялъ глаза. Вмѣсто того, чтобы спросить себя, *въ чемъ правда?* мужчины и женщины спрашивали, *чему учитъ священная книга?* А это все равно, что спросить, какое понятіе о правдѣ было у народа, стоявшаго на несравненно низшей ступени цивилизаціи, чѣмъ мы, — двѣ, три тысячи лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда книга превращалась въ святыню. Это было страшное заблужденіе, результатомъ котораго было то, что десятки тысячъ совѣстливаго и добраго народа стали на сторону одного изъ самыхъ темныхъ, жестокихъ и по своему духу антихристіанскихъ учрежденій, когда-либо позорившихъ нашъ современный міръ.

Это одинъ изъ примѣровъ зла, которое является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того, что люди придерживаются старины, руководствуются книгой, написанной много вѣковъ тому назадъ и предназначенной *для* давно минувшаго времени, и объявляютъ ее образцомъ для нашего вѣка. Такъ во всемъ мірѣ различные люди относились къ своимъ священнымъ книгамъ или библіямъ, какъ къ непреложной истинѣ на всѣ времена.

Священныя книги не терпятъ соперничества.

Еще другая черта присуща почти всѣмъ великимъ священнымъ книгамъ всего свѣта или, вѣрнѣй, всѣмъ вѣрующимъ въ эти книги:

дѣло въ томъ, что какъ только какая-либо книга попадетъ въ разрядъ священныхъ, или станетъ библіей, всѣ послѣдователи ея начинаютъ смотрѣть на нее, какъ на *единственную* библію, и всѣ остальныя священныя книги всего свѣта отбрасываются, какъ ложныя. Другими словами, процессъ канонизаціи книги или возведенія ея изъ просто хорошей книги въ священную или библію, повидимому, въ то же время есть непремѣнно и процессъ низведенія или осужденія всѣхъ другихъ книгъ и религій. Такимъ образомъ буддисты были всегда злѣйшими врагами браминовъ, магометане — врагами буддистовъ, а христіане — магометанства. Какъ бы то ни было, очевидная правда — въ томъ, что каждая изъ этихъ міровыхъ библій заключаетъ въ себѣ очень много хорошаго въ соединеніи съ болѣе или менѣе ничего не стоющимъ, если даже не положительно дурнымъ. Каждая религія имѣетъ въ себѣ божественный элементъ такъ же, какъ и элементъ вовсе не божественный, и очень жаль, что въ этомъ отношеніи глаза людей остаются слѣпы. Не только очень жаль, что послѣдователи другихъ библій и религій остаются слѣпы по отношенію къ нашимъ христіанскимъ писаніямъ и религіи; но жаль также, что мы сами настолько ослѣплены, что не видимъ все то хорошее, что заключается во всѣхъ другихъ не христіанскихъ писаніяхъ и религіяхъ.

Ложные методы толкованія.

Ложныя толкованія библій обязаны тому, что книги эти считаются священными. Книги эти, вслѣдствіе приписываемой имъ непогрѣшимости, сковываютъ человѣческій разумъ. Но разумъ созданъ, чтобы быть свободнымъ. Можно на время задержать его свободное развитіе, но не навсегда. Разумъ долженъ мыслить и изслѣдовать, слѣдовательно прогрессировать — или умереть. Отсюда мы видимъ, что повсюду и постоянно люди съ огромнымъ упорствомъ силятся освободиться отъ тѣхъ цѣпей прошлаго, которыя властно наложили на нихъ такъ называемыя непогрѣшимыя священныя книги.

Какъ же совершается этотъ процессъ? Обыкновенно человѣчество бываетъ не въ состояніи прямо сбросить оковы и по необходимости пользуется косвенными пріемами. Наиболѣе часто употребляемый методъ заключается въ томъ, что люди прибѣгаютъ къ новому, но — надо сознаться — къ болѣе или

менѣе превратному и ложному толкованію священныхъ книгъ. Люди умышленно упускаютъ изъ виду самыя невѣроятныя и нежелательныя мѣста въ этихъ книгахъ; они развиваютъ въ себѣ удивительную способность устранять противорѣчія и неточности и все то, что не согласуется съ изслѣдованіями науки; при этомъ они придаютъ тысячѣ разныхъ мѣстъ новое значеніе, примѣняя такъ называемое „болѣе глубокое толкованіе“, лишь бы согласовать ученіе книги съ послѣднимъ словомъ науки. То, что въ сущности происходитъ отъ самого читателя, приписывается писавшему автору. Устраняется естественное и простое значеніе словъ; къ тѣмъ или другимъ мѣстамъ примѣняются натянутыя толкованія и насильно навязывается имъ желательный смыслъ. Въ книгахъ оказываются такія утвержденія, ученія и намеки, которые не только не содержатся на ихъ страницахъ, но и совершенно чужды той эпохѣ, когда онѣ были написаны.

Этотъ пріемъ лже-толкованія значительно облегчается большимъ промежуткомъ истекшаго времени. Профессоръ Бенджаминъ Джоуэтъ (Benjamin Jowett) говоритъ: „всѣ націи, имѣвшія древнія письмена, старались прочесть въ нихъ загадки прошлаго. Брамину, повторяющему свои гимны Веды, кажется, что они проникнуты тысячами значеній, дошедшихъ до него путемъ преданія; единственное, неизвѣстное ему, значеніе ихъ есть именно то, которое, какъ мы видимъ, есть единственное вѣрное.“

Максъ Мюллеръ говоритъ: „надъ священными писаніями было произведено рядомъ послѣдовательныхъ толкованій гораздо больше насилія, чѣмъ надъ другими памятниками древней литературы. Идеи растутъ и мѣняются. А каждое поколѣніе старается найти отраженіе своихъ собственныхъ идей на священныхъ страницахъ ихъ древнихъ пророковъ. Изреченія Ведъ и Зендъ-Авесты, не содержащія въ себѣ религіозныхъ или философскихъ доктринъ, обыкновенно объясняются просто и естественно даже позднѣйшими туземными толкователями. Но лишь только является возможность истолковать какое-либо слово или сентенцію въ пользу религіозной доктрины, хотя бы и новѣйшей, или религіознаго предписанія, хотя бы и неправильнаго, то простѣйшія фразы коверкаются и искажаются такъ, что наконецъ изъ нихъ выжимается под-

твержденіе мыслей, совершенно чуждыхъ сознанію авторовъ Ведъ и Зендъ-Авесты. „Этотъ пріемъ — навязывать священнымъ книгамъ то, что, по мнѣнію новѣйшихъ поколѣній, должно въ нихъ заключаться, и вычеркивать все нежелательное, — указали и иллюстрировали на китайскихъ, браминскихъ и буддійскихъ священныхъ книгахъ д-ръ Легъ (Dr. Legge), д-ръ Мьюръ (Dr. Muir), Бюрнуфъ (Burnouf), Максъ Мюллеръ (Max Müller) и другіе*).

По отношенію къ нашей Библіи можно найти еще больше иллюстрацій подобнаго рода. И дѣйствительно вся исторія христіанства полна примѣровъ самой удивительной и неослабной изобрѣтательности при выдумываніи новыхъ толкованій писаній для того, чтобы быть на уровнѣ развитія человѣческой мысли и прогресса знанія и науки.

Почти всякая научная теорія, появляясь на свѣтъ, приходитъ въ столкновеніе, въ томъ или другомъ пунктѣ, съ теологическими воззрѣніями, сложившимися въ давнія, не знавшія науки времена. Но теологи всегда на сторожѣ, и тотчасъ же объявляется война противъ научнаго вторженія. Всѣ правовѣрные призываются для защиты Библіи. Происходитъ яростное столкновеніе, которое не ослабѣваетъ до тѣхъ поръ, пока дѣлается очевиднымъ, что ученые берутъ верхъ, — и что же? Очень скоро теологи дѣлаютъ открытіе, что, несмотря на все, новая теорія оказывается безвредной, и что въ сущности нѣтъ разногласія между нею и Писаніемъ. Предполагаемое разногласіе произошло отъ ложнаго толкованія Писанія.

Никакихъ противорѣчій нѣтъ, и научная теорія на самомъ дѣлѣ подтверждается Библіей**).

---

*) Въ позднѣйшій періодъ греческой исторіи съ такимъ же суевѣрнымъ почитаніемъ относились къ поэмамъ Гомера, которыя истолковывали такъ, что въ нихъ открывали всевозможныя ученія, о которыхъ не могъ и помышлять ихъ авторъ. Такъ напр., „въ нихъ находили нептуническую и вулканическую теоріи, признаніе шарообразности земли и, поочередно, то доктрины Демокрита, то теоріи Геродота, то ученія Сократа и Платона“ (Parker, „Discourse of Religion“).

**) Лишь только наукѣ удастся привлечь въ пользу одного изъ своихъ открытій общественное мнѣніе, хотя бы доказать, что въ томъ или другомъ частномъ случаѣ на ея сторонѣ больше правды, — теологическій міръ всегда торопится объявить, что

И такъ мы видимъ замѣчательное сходство методовъ, которыми пользуются обыкновенно люди въ различныхъ частяхъ міра для толкованія своихъ священныхъ книгъ. Всюду мы видимъ, съ какой удивительной легкостью „сводится на нѣтъ“ все то, что считается неудобнымъ, а другимъ мѣстамъ дается толкованіе, соотвѣтствующее новому времени, новѣйшимъ открытіямъ человѣческой мысли. Съ одной стороны, конечно, все это унизительно; съ другой — заслуживаетъ одобренія. Это показываетъ, что деспотизмъ священныхъ книгъ не мо-

---

предыдущія толкованія Писаній были ошибочны, и что это новое открытіе науки есть какъ разъ то самое, чему съ поконъ вѣковъ учила священная книга, къ несчастью, невѣрно понятая до сихъ поръ. 6 дней творенія въ первой главѣ Бытія никогда не обозначали обыкновенныхъ сутокъ, состоящихъ изъ 24 часовъ; это были цѣлыя геологическія эпохи. Адамъ, сотворенный за 4000 лѣтъ до Христа, не былъ, конечно, первымъ человѣкомъ, но лишь прототипомъ избранной высшей расы. Потопъ былъ мѣстнымъ наводненіемъ или геологическимъ переворотомъ въ сосѣдствѣ Каспійскаго моря, и т. д. и т. д. Какъ люди каждаго изъ минувшихъ вѣковъ находили въ Библіи свои излюбленныя теоріи — во времена Тертулліана теорію матеріальности души, во времена Августина утвержденіе плоскости земли — такъ и современные толкователи и комментаторы Библіи съ не меньшей изобрѣтательностью стараются согласовать боговдохновенную лѣтопись до мельчайшихъ подробностей со всякимъ новѣйшимъ научнымъ открытіемъ или съ модными научными теоріями. Самопроизвольное зарожденіе, говорятъ они, явно утверждается въ книгѣ Бытія. Принципъ эволюціи былъ предвосхищенъ Моисеемъ, а Дарвинъ и Іовъ, очевидно, имѣли тѣ же самыя идеи...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Джонъ Вейсъ (John Weiss) заявилъ: „скоро будетъ трудно найти какого-либо ортодоксальнаго мыслителя, который не причислялъ бы себя къ послѣдователямъ Дарвина; дожили же мы до того, что услышали, какъ старомодные Виги говорятъ про себя, будто они всегда были настоящими Гаррисоніанцами — аболиціонистами“.

„Ученіе объ эволюціи почти вездѣ торжествуетъ; противникамъ ея остался одинъ выходъ — объявить ея полное согласіе съ тѣми теологическими догматами, съ которыми они не хотятъ разстаться. И это уже совершается на нашихъ глазахъ. Толкователи очень ловки. Священные тексты очень податливы. Метафизическія теоріи гибки, растяжимы. Не безпокойтесь! Мы были бы очень ограниченными, еслибъ не признали въ первой главѣ Бытія сжатое изложеніе Дарвиновской теоріи“. (Летурно, „Біологія“ („Biology“, p. 303).

жетъ вѣчно длиться. Рано или поздно правильно мыслящій человѣческій разумъ возстанетъ противъ него. Въ настоящее время возмущеніе это глубже и серьезнѣе, чѣмъ когда бы то ни было прежде. Наука, пресса, школа, духъ свободнаго изслѣдованія, который проникаетъ современный міръ, суть могущественные освободители. Священныя книги не будутъ отброшены прочь: онѣ содержатъ въ себѣ истину слишкомъ большой цѣнности и занимаютъ по отношенію къ религіозной исторіи и образованію слишкомъ выдающееся мѣсто; но все указываетъ на то, что, по крайней мѣрѣ въ христіанскихъ странахъ, онѣ все больше и больше будутъ приближаться къ своему настоящему мѣсту и, переставъ сковывать умъ и стѣснять проявленія жизни, сдѣлаются истинными слугами человѣка.

II.

Сходство между Библіей и другими священными книгами.

Чтобы понять надлежащимъ образомъ, какое мѣсто занимаетъ наша Библія среди другихъ великихъ священныхъ книгъ человѣчества, необходимо, хотя бы вкратцѣ, указать на тѣ сходства, которыя существуютъ между ея ученіемъ и ученіями другихъ священныхъ книгъ. Догматики каждой религіи обыкновенно утверждаютъ, что только ихъ вѣра истинная, и что только ихъ священное писаніе есть истинное, божественное откровеніе. Христіанская церковь также не была свободна отъ подобнаго утвержденія. Но такой догматизмъ закрываетъ людямъ глаза на возможность болѣе широкаго и надлежащаго пониманія всѣхъ религій міра и собственныхъ священныхъ книгъ.

Тотъ, кто знаетъ одну только свою религію, не знаетъ никакой. Тотъ, кто знаетъ одну только священную книгу, не знаетъ въ сущности ни одной. Всѣ священныя книги находятся въ родствѣ. Всѣ великія историческія религіи сестры между собой. Объ этомъ уже говорилось въ предыдущей главѣ. Цѣль настоящей главы выяснить это еще болѣе.

Всѣ священныя книги имѣютъ много общаго. Это вѣрно какъ по отношенію внѣшней и наименѣе существенной сто-

роны ихъ ученій, — какъ напримѣръ: ихъ легендъ, миѳовъ, ихъ разсказовъ о чудесныхъ происшествіяхъ, ихъ обрядовъ и церемоній, — такъ и по отношенію къ болѣе глубокимъ и важнымъ вопросамъ: сущности ихъ нравственнаго ученія и ихъ общественныхъ и религіозныхъ постановленій.

1. Сходство религіозныхъ ученій во внѣшнемъ и преходящемъ.

Сперва остановимся на внѣшней сторонѣ различныхъ религіозныхъ ученій и на тѣхъ духовныхъ понятіяхъ, которыя измѣнялись по мѣрѣ умственнаго развитія человѣчества. Несмотря на разнообразіе въ этомъ отношеніи существуетъ удивительно много сходства и даже тожества.

Жертвоприношенія и *дары* богамъ общи почти всѣмъ религіямъ, и потому законы и установленія о нихъ занимаютъ большое мѣсто въ міровыхъ священныхъ книгахъ. Насъ учили, что еврейскій способъ жертвоприношенія былъ спеціальнымъ откровеніемъ Бога своему избранному народу. Но изученіе другихъ религій человѣчества показываетъ, что способъ этотъ очень мало рознился отъ способовъ многихъ языческихъ народовъ. Не только понятіе о жертвѣ и искупленіи перешло въ христіанство изъ Іудейства, но достовѣрно извѣстно, что оба понятія перешли въ Іудейство изъ язычества.

Обрѣзаніе получило свое начало не у евреевъ; оно употреблялось и въ Египтѣ задолго до существованія еврейскаго народа.

Обрядъ крещенія, оказывается, существовалъ задолго до временъ Христа, и не только въ Палестинѣ, но и во многихъ другихъ частяхъ свѣта.

Крестъ, какъ священный символъ, гораздо древнѣе христіанства и употреблялся во многихъ другихъ странахъ.

Причастіе, или Евхаристія, или тайная вечеря встрѣчается въ главныхъ чертахъ въ другихъ религіяхъ.

Идея божественнаго воплощенія, дѣвственнаго зачатія и дѣвственно рожденныхъ боговъ находится во многихъ религіяхъ и библіяхъ. Въ миѳологіи грековъ и римлянъ очень часто разсказывается о дѣтяхъ боговъ, рожденныхъ отъ человѣческихъ матерей. Египетскій Озирисъ считался воплощеніемъ божества. Будда изображается рожденнымъ безъ отца-человѣка. Конфуцій и Лао-

дзе оба имѣютъ чудесное рожденіе. Зороастръ былъ зачатъ отъ луча божественнаго Разума. Позднѣйшія индусскія священныя книги представляютъ Бога Вишну воплощавшимся 9 разъ. Седьмой и восьмой разъ онъ воплощался въ лицѣ индусскихъ героевъ — Рамы и Кришны. Девятый разъ онъ принялъ образъ великаго учителя — Готама-Будды*).

Идея о *Мессіи* находится не только въ нашихъ, но и въ другихъ священныхъ книгахъ. Китайскія и Индусскія писанія заключаютъ въ себѣ пророчества о пришествіи Мессіи.

Чудеса — присущи большинству библій и даже чудеса одинакаго рода, какъ напримѣръ воскресеніе мертвыхъ, исцѣленіе слѣпыхъ и хромыхъ; голоса, говорящіе съ неба, обращенные къ личностямъ, пользующимся расположеніемъ Бога; духъ святой, являющійся въ видѣ голубя и т. д.

Томасъ В. Хиггинсонъ (Thomas W. Higginson) въ своей превосходной маленькой монографіи: „Сходства между религіями“ очень ясно показываетъ это, говоря: „Мы безпрестанно встрѣчаемъ среди различныхъ религій міра тѣ же самыя *религіозныя учрежденія*: монахи, миссіонеры, священнослужители, богомольцы; тѣ же самые *обряды*: молитвы, богослуженія, жертвы; тѣ же самыя *церковныя принадлежности*: благовонія, свѣчи, св. вода, мощи, ладонки, обѣты; тѣ же самые *символы*: крестъ, змѣя, всевидящее око, сіяніе лучей; тѣ же самыя *пророчества и чудеса*: воскресеніе мертвыхъ и изгнаніе злыхъ духовъ; тѣ же самые *праздники*, потому что Пасха и Рождество существовали, какъ весенній и осенній праздники, цѣлые вѣка раньше нашей эры у египтянъ, персовъ, саксовъ, римлянъ; тѣ же самыя *изображенія* — потому что изображеніе матери съ младенцемъ находится не только въ европейскихъ храмахъ, но и въ аравійскихъ, египетскихъ и тибетскихъ храмахъ“.

Многіе изслѣдователи буддизма обращаютъ вниманіе на любопытное сходство между легендами о Буддѣ и Христѣ. Оба,

*) „Мы постоянно встрѣчаемся съ любопытнымъ стремленіемъ преданныхъ учениковъ и послѣдователей приписывать чудесное рожденіе основателямъ и проповѣдникамъ новыхъ религій, — какъ будто бѣдный человѣческій разумъ способенъ выдумать нѣчто болѣе чудесное, чѣмъ естественное рожденіе и естественная смерть“. (Müller's „Natural Religion“, стр. 546).

вакъ Будда, такъ и Іисусъ, изображаются происходящими отъ царской линіи; оба рождены отъ дѣвственныхъ матерей; рожденіе обоихъ было возвѣщено небесными посланниками; князья и мудрецы разыскиваютъ младенца для того, чтобы поклониться и принести ему богатые дары. Придя въ возмужалый возрастъ, оба они подвергаются сверхъестественнымъ искушеніямъ прежде, чѣмъ выступить учителями на общественное поле дѣятельности; при смерти того и другого происходитъ землетрясеніе и т. д. И пожалуй еще болѣе замѣчательное сходство, существующее между обрядами, церемоніями и іерархическими системами буддизма и христіанства, по крайней мѣрѣ, христіанства римско-католическаго. Rhys Davids (въ своихъ „Hibbert Lectures“) говоритъ: „буддизмъ и христіанство оба превратились въ продолженіе 15-ти столѣтій въ жреческія, основанныя на таинствахъ религіи, каждая съ ея колоколами, четками, иконами и ср. водой; каждая съ ея службами на мертвомъ языкѣ, съ хорами и процессіями, съ символами вѣры и благовоніями; въ обѣихъ изъ нихъ міряне суть только зрители; каждая съ ея мистическими обрядами и церемоніями, исполняемыми бритыми священниками въ роскошныхъ одѣяніяхъ; каждая съ аббатами, монахами и монахинями различныхъ степеней; каждая съ ихъ поклоненіемъ дѣвамъ, святымъ и ангеламъ, ихъ обожаніемъ Дѣвы съ Младенцемъ, съ ихъ исповѣдями, постами и чистилищами, съ ихъ идолами, мощами, символами и свящ. изображеніями; съ ихъ алтарями и путешествіями къ святымъ мѣстамъ; съ ихъ огромными монастырями и роскошными храмами; съ ихъ могущественной іерархіей и богатыми кардиналами; каждая даже управляется папой съ тройной тіарой на головѣ и съ скипетромъ свѣтской власти въ рукѣ“*).

Все это сходство очень удивительно. Говорятъ, что, когда наши первые христіане миссіонеры пришли къ буддистамъ, они не могли объяснить себѣ это сходство иначе, какъ предположивъ, что діаволъ предупредилъ ихъ, придя туда раньше ихъ и давши людямъ поддѣльную религію, чрезвычайно похожую на христіанскую.

Въ позднѣйшее время не разъ старались объяснить эти

*) Hibbert Lectures, 1881, стр. 193.

сходства тѣмъ, что одна религія заимствовала у другой. Но тщательныя изслѣдованія ученыхъ сдѣлали почти достовѣрнымъ, что тутъ если и было заимствованіе, то очень мало, такъ что почти въ каждой религіи эти черты развивались независимо другъ отъ друга. Доказано также, что сходство, существующее между разсказами о Буддѣ и Іисусѣ, присуще также въ значительной степени разсказамъ о Кришнѣ, Конфуціи, Лаодзе, Зороастрѣ, Озирисѣ, Моисеѣ, Магометѣ и многихъ другихъ религіозныхъ легендарныхъ и реальныхъ дѣятеляхъ, и не только мы находимъ поразительное сходство между христіанскими и буддійскими церемоніалами и обрядами, но то же самое и еще въ болѣе яркой степени относится и къ другимъ религіямъ*). Должно быть, вѣрно то, что всѣ онѣ развивались самостоятельно. Какъ при одинаковыхъ обстоятельствахъ у разныхъ народовъ экономическое и соціальное развитіе происходитъ въ одинаковомъ направленіи, точно такъ же

---

*) Такъ, напр., можно указать на не меньшее, можетъ быть, сходство іудаизма и христіанства съ религіей древняго Египта. Проф. J. P. Mahaffy въ своемъ сочиненіи „Prolegomena to Ancient History“ (стр. 416) говоритъ слѣдующее: „едва ли есть въ іудаизмѣ и въ христіанской религіи хоть одна великая и плодотворная идея, нѣчто аналогичное которой нельзя было бы найти въ вѣрѣ египтянъ. Проявленіе единаго Бога въ Троицѣ; воплощеніе Божества, являющагося посредникомъ, отъ дѣвы и безъ участія отца; его борьба съ темными силами и его временное пораженіе; его частичная побѣда (ибо врагъ не уничтоженъ); его воскресеніе и основаніе имъ вѣчнаго царства, которымъ онъ правитъ вмѣстѣ съ праведниками, достигшими святости; его отличность и вмѣстѣ съ тѣмъ тождество съ несотвореннымъ, непостижимымъ Отцомъ, форма котораго неизвѣстна и который живетъ въ храмахъ нерукотворенныхъ — всѣми этими теологическими понятіями проникнута древнѣйшая религія Египта. Точно такъ же и контрастъ и даже явное противорѣчіе между нашими нравственными и теологическими взглядами — объясненіе грѣха и виновности то нравственной слабостью, то вмѣшательствомъ злыхъ духовъ, и, подобнымъ же образомъ, объясненіе праведности то нравственными заслугами, то помощью добрыхъ геніевъ и ангеловъ; безсмертіе души и страшный судъ; чистилище, муки осужденныхъ — со всѣмъ этимъ мы встрѣчаемся въ текстахъ, описывающихъ египетскіе обряды, и въ египетскихъ нравственныхъ трактатахъ“.

у нихъ появляются однѣ и тѣ же религіозныя идеи, учрежденія, миѳологіи и обряды*).

2. Сходство религіозныхъ ученій въ ихъ наиболѣе существенныхъ пунктахъ.

Не только во внѣшней, не существенной части религіозныхъ ученій заключается много подобія; оно еще сильнѣе проявляется въ томъ, что̀ есть болѣе глубокаго и жизненнаго въ различныхъ библіяхъ — въ этическихъ и духовныхъ ученіяхъ.

Максъ Мюллеръ говоритъ: „Нѣтъ религіи, — по крайней мѣрѣ я не знаю таковой — которая не говорила бы: *дѣлай добро, избѣгай зла.* Я хотѣлъ бы“, продолжаетъ онъ, „прочесть вамъ выдержки, выбранныя мною изъ священныхъ книгъ древняго міра; крупицы истины, которыя драгоцѣннѣе для меня крупицъ золота; тамъ такія простыя и такія правдивыя молитвы, что мы всѣ могли бы присоединиться къ нимъ“. Приведя затѣмъ въ переводѣ молитву изъ Ведъ, онъ прибавляетъ: „Я ясно вижу недостатки этой древней молитвы, но я вижу и ея красоты и, я думаю, вы согласитесь, что стоитъ потрудиться и цѣлую жизнь, чтобъ открыть хотя бы одну такую поэму между гимнами Ригъ-Веды и доказать, что она была составлена по крайней мѣрѣ за три тысячи лѣтъ тому назадъ и притомъ безъ какого-либо особеннаго вдохновенія, кромѣ того, которое доступно всѣмъ, ищущимъ истины. Это доказываетъ, что человѣкъ никогда (къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ) не былъ покинутъ Богомъ“.

Было бы легко наполнить цѣлый томъ выдержками изъ различныхъ великихъ священныхъ книгъ міра, показывающими сходство въ существенныхъ пунктахъ между заключающимися въ нихъ ученіями о самыхъ глубокихъ вопросахъ религіи и жизни. Но я приведу только нѣсколько примѣровъ.

---

*) Желающіе познакомиться подробнѣе съ этимъ вопросомъ могутъ обратиться къ слѣдующимъ сочиненіямъ: Pfleiderer „Philosophy of Religion“, т. т. III и IV; Réville „Prolégomènes de l' Histoire des Religions“; Tylor „Primitive Culture“; Brinton „The Religious Sentiment“; „The Sacred Books of the East“, переводъ подъ редакціей Макса Мюллера, или другія изданія священныхъ книгъ, и вообще къ лучшимъ сочиненіямъ по сравнительному изученію религій и миѳологій и къ монографіямъ объ отдѣльныхъ религіяхъ.

Священныя книги индусовъ.

Вотъ одинъ гимнъ изъ Ригъ-Веды, который не можетъ не напомнить самыхъ возвышенныхъ мѣстъ изъ нашихъ книгъ „Іова“ и „Исаіи“:

„Кто есть Богъ, которому мы должны приносить наши жертвы?

Тотъ, кто даетъ жизнь; тотъ, кто даетъ силу; передъ чьимъ повелѣніемъ благоговѣютъ всѣ свѣтлые боги; чья тѣнь есть безсмертіе.

Кто есть Богъ, которому мы должны приносить наши жертвы?

Тотъ, кто благодаря своему могуществу есть единственный царь надъ дыханіемъ и пробужденіемъ міра, кто управляетъ всѣмъ — человѣкомъ и животнымъ.

Кто есть Богъ, которому мы должны приносить наши жертвы?

Тотъ, чье величіе прославляютъ эти снѣжныя горы и моря; тотъ, кто зажегъ свѣтъ на небѣ, и сдѣлалъ твердой землю.

Тотъ, кто создалъ небеса, самыя высшія небеса.

Тотъ, на кого взираютъ небо и земля, утвержденныя Его волей.

Кто есть Богъ, которому мы должны приносить наши жертвы?

Тотъ, кто свое могущество простираетъ даже за облака, — облака, которыя даютъ силу и зажигаютъ жертву.

Тотъ, кто есть единственный богъ надъ всѣми богами“.*)

Въ слѣдующемъ гимнѣ, тоже изъ Ригъ-Веды, стоитъ только замѣнить слова „Варуна“ словомъ „всемогущій“ и мы получимъ гимнъ для христіанскаго богослуженія:

„Не заставляй меня еще, Варуна, сойти въ могилу;
Будь милосерденъ, всемогущій, будь милосерденъ.
Если я иду и дрожу, какъ облако, гонимое вѣтромъ,
Будь милосерденъ, всемогущій, будь милосерденъ!
Отъ недостатка силъ, о могущественный и свѣтлый
Богъ, пошелъ я по направленію къ ложной цѣли,
Будь милосерденъ, всемогущій, будь милосерденъ.
Когда же мы, люди, о Варуна, наносимъ оскорбленіе небес-
[нымъ духамъ;
Когда мы нарушаемъ законъ вслѣдствіе нашей легкомыслен-
[ности, не наказывай насъ, о Боже, за наши грѣхи“.**)

---

*) Ригъ-Веда, X. 121 (сокращено).
**) Ригъ-Веда, VII. 89.

Почти каждая строчка слѣдующаго отрывка изъ двухъ гимновъ Веды напоминаетъ намъ нѣкоторыя мѣста изъ еврейскихъ псалмовъ:

„Великій Господь этихъ міровъ видитъ все, какъ будто онъ вездѣсущъ. Если человѣкъ думаетъ, что онъ идетъ тайкомъ, — боги знаютъ обо всемъ. Стоитъ ли человѣкъ, идетъ ли, или скрывается, ложится ли онъ или встаетъ, царь Варуна знаетъ это;

Если двое, сидя вмѣстѣ, шепчутся, царь Варуна знаетъ ихъ тайну, ибо онъ третій среди нихъ.

Эта земля тоже принадлежитъ Варунѣ-царю, какъ и это обширное небо. Тотъ, кто захочетъ полетѣть далеко за небо, не ускользнетъ отъ Варуны. Его посланники, сходя съ небесъ, проходятъ черезъ этотъ міръ. Тысячеглазый Варуна видитъ насквозь всю землю.

Морганія человѣческаго глаза сосчитаны имъ.

Обширны и могущественны дѣла того, кто отдѣлилъ небо отъ земли. Онъ поднялъ высоко свѣтлыя и славныя небеса. Онъ распростеръ звѣздное небо надъ землей. Могу ли я сказать это о себѣ самомъ? Какъ я могу приблизиться къ Варунѣ? Пожелаетъ ли онъ принять мою жертву? Когда я со спокойнымъ разумомъ увижу его умилостивленнымъ?

О, освободи насъ отъ грѣховъ нашихъ отцевъ и отъ тѣхъ, которые мы сотворили нашей собственной плотью!

Покровительствуйте намъ, боги, всегда своимъ благословеніемъ“.*)

Священная книга персовъ.

Вотъ нѣсколько изреченій изъ Авесты, персидской библіи, одной изъ самыхъ древнихъ и возвышенныхъ по духу священныхъ книгъ:

---

*) Изъ Атарва-Веды, IV. 16 и Ригъ-Веда, VII. 86. На покаянный и этическій характеръ многихъ гимновъ Веды указывали очень часто. Проф. Tiele говоритъ: „нѣкоторые изъ этихъ гимновъ и, въ особенности, обращенные къ Варунѣ, проникнуты глубокимъ чувствомъ виновности, и вѣра необходима, чтобы приблизиться къ могучему Индрѣ. Ученіе о безсмертіи показываетъ этическій характеръ религіи Ведъ“. („History of Religion“, стр. 117).

„Воля Господа есть законъ святости“.*)

„Святость есть лучшее изъ всѣхъ благъ“.**)

Зороастръ спрашиваетъ Всевѣдущаго: „Какая изъ похвалъ, воздаваемыхъ тебѣ, стоитъ всего существующаго между небомъ и землей?“ И Всевѣдущій отвѣтилъ: „Только та, праведный Зороастръ, которую произноситъ человѣкъ, отказываясь отъ злыхъ помысловъ, злыхъ словъ и злыхъ дѣяній“.†)

Вотъ аллегорія, достойная занять мѣсто въ Новомъ Завѣтѣ. Она имѣетъ въ виду выставить вліяніе совѣсти послѣ смерти: „Въ концѣ третьей ночи (послѣ смерти), когда начинаетъ разсвѣтать, душѣ вѣрующаго кажется, будто его собственная совѣсть идетъ на встрѣчу къ нему въ видѣ дѣвы прекрасной, свѣтлой, въ бѣломъ одѣяніи, сильной, стройной, благородной, съ горделивой осанкой и такой прекрасной, какъ только можно представить себѣ. И когда душа вѣрующаго обратилась къ ней съ вопросомъ: „кто ты, дѣва, самая прекрасная изъ всѣхъ, какую я когда-либо видѣлъ?“ то она отвѣтила ему: „О, ты, юноша, мыслившій только о добромъ, говорившій и дѣлавшій только доброе и благочестивое, я — твоя собственная *совѣсть*. Всѣ любили тебя за твое величіе, доброту, нѣжность, побѣдоносную силу и свободу отъ печалей, такою же я являюсь тебѣ. Когда ты видѣлъ человѣка, насмѣхающагося [надъ святыней] и занимающагося идолопоклонствомъ, или отталкивающаго бѣднаго и запирающаго дверь отъ него, тогда ты садился, воспѣвая псалмы и прославляя сына Господа и милостыней радуя ближняго и дальняго. Меня любили, ты сдѣлалъ меня еще милѣе, я была прекрасна, ты сдѣлалъ меня еще прекраснѣй своими добрыми мыслями, добрыми словами и добрыми дѣлами твоими. И отнынѣ люди поклоняются мнѣ за то, что я была въ долгомъ общеніи съ Господомъ вездѣсущимъ... Первый шагъ, который сдѣлала душа вѣрующаго человѣка, ввелъ его въ рай добрыхъ мыслей; второй — въ рай добрыхъ словъ; третій — въ рай добрыхъ дѣлъ, а четвертый — въ рай Безконечнаго Свѣта“.††)

---

*) Яштъ XXIII.

**) Яштъ XXIV. (Это изреченіе повторяется въ этомъ Яштѣ восемь разъ; оно встрѣчается также и въ другихъ мѣстахъ).

†) Яштъ XXI. 16, 17.

††) Яшты XXII и XXIV. (Слегка сокращено).

Мы должны ограничиться еще только одной цитатой изъ Авесты. Она представляетъ изъ себя молитву, столь возвышенную и чистую, какую только можетъ выразить душа:

„Награду, которую ты далъ людямъ, живущимъ по твоему закону, о Всевѣдущій, дай тоже намъ. Да достигнемъ же мы этого единенія съ твоею чистотой на вѣки“.*)

Священныя книги Китая.

Лао-дзе училъ своихъ послѣдователей „платить добромъ за обиды“**), достигая въ этомъ отношеніи высшаго христіанскаго уровня.

Конфуцій за много вѣковъ до Христа проповѣдовалъ нравственный законъ взаимности. Законъ этотъ много разъ встрѣчается въ „Аналектахъ“ (Бесѣдахъ), въ „Ученіи о срединѣ“ и въ „Великомъ ученіи“. Тце-Кунгъ однажды спросилъ Конфуція: „Есть ли такое слово, которымъ можетъ каждый руководиться во всей своей практической жизни?“ — Конфуцій отвѣчалъ: „Не есть ли *взаимность* такое слово? чего ты не желаешь для себя, не дѣлай того другимъ“†). Часто говорятъ, что это отрицательное правило нравственности и потому гораздо ниже положительной заповѣди Христа. Но развѣ дѣйствительно нѣтъ ничего положительнаго въ словѣ „взаимность“? Болѣе того, профессоръ Дугласъ въ своей книгѣ „Конфуціанство и Таоизмъ“ указываетъ (стр. 103), что Конфуцій даетъ въ одномъ мѣстѣ правило, выраженное въ положительной формѣ, именно:

„Въ стремленіи высшаго человѣка есть четыре вещи, изъ которыхъ я ни одной еще не достигъ: служить своему отцу такъ, какъ бы я хотѣлъ, чтобъ сынъ мой служилъ мнѣ; служить моему государю такъ, какъ бы я хотѣлъ, чтобъ мой слуга служилъ мнѣ; служить своему старшему брату такъ, какъ бы я хотѣлъ, чтобы младшій братъ мой служилъ мнѣ; и давать друзьямъ то, что я хотѣлъ бы получить отъ нихъ“.††)

Другія поученія Конфуція таковы:

---

*) Ясна XI.
**) Тао-тэ-Кингъ, гл. 63.
†) Лунъ-ю, XV. 23.
††) Чунгъ-юнгъ, XIII. 4.

„Сыновнее почтеніе есть начало добродѣтели, а братская любовь ея продолженіе“.

„Счастливый союзъ съ женой и дѣтьми подобенъ музыкѣ на лютняхъ и арфахъ; а когда существуетъ согласіе между братьями, тогда гармонія дѣлается прекрасной и прочной“.

„Нѣтъ выше добродѣтели, какъ любовь ко всѣмъ людямъ и нѣтъ болѣе возвышенной цѣли для правителей, какъ быть полезнымъ всѣмъ людямъ“.*)

„Считай вѣрность и искренность первыми своими правилами. Я не знаю, какъ человѣкъ можетъ жить безъ вѣрности. Какъ можетъ быть сдѣлана телѣга безъ ярма, чтобъ впрягать въ него быковъ?“**)

„Преклоняйся передъ Божествомъ такъ, какъ будто бы оно присутствовало“.

„Книга поэзіи“ состоитъ изъ трехсотъ частей, но смыслъ всѣхъ ихъ можетъ быть выраженъ однимъ изреченіемъ: Остерегайся дурныхъ мыслей“.

„Небо проникаетъ до дна нашихъ сердецъ, какъ свѣтъ въ темную комнату. Мы должны стремиться привести себя въ гармонію съ нимъ, пока мы не станемъ подобны двумъ музыкальнымъ инструментамъ, настроеннымъ на одинъ и тотъ же тонъ. Наши страсти закрываютъ дверь нашей души для Бога“.

Священныя книги буддистовъ.

Слѣдующіе отрывки изъ библіи буддистовъ достойны бы были занять мѣсто въ нашемъ Ветхомъ или Новомъ Завѣтѣ:

„Если бы человѣкъ прожилъ сто лѣтъ, посвящая все свое время исполненію религіозныхъ обязанностей и совершенію жертвоприношеній богамъ, жертвуя слоновъ и лошадей (жертвоприношенія наиболѣе цѣнимыя), то все это не можетъ сравниться съ заслугой того, кто, побуждаемый чувствомъ любви, спасетъ чью-либо жизнь“.

„Ни въ небесномъ пространствѣ, ни въ глубинѣ морской, ни на скалистыхъ утесахъ горъ, — нигдѣ и никакими средствами не укроется человѣкъ отъ послѣдствій своихъ злыхъ дѣлъ“.

„Человѣку, который безразсудно дѣлаетъ мнѣ зло, я дамъ

*) Шу-кингъ.
**) Лунъ-ю.

взамѣнъ мою щедрую любовь. Чѣмъ больше зла онъ мнѣ дѣлаетъ, тѣмъ бо́льшимъ добромъ я отплачу ему".

„Ненависть никогда не уничтожается ненавистью, ненависть прекращается любовью".

„Все, что мы представляемъ изъ себя, есть результатъ нашихъ мыслей; все основано на нашихъ мысляхъ, все создано изъ нихъ. Когда человѣкъ говоритъ или дѣйствуетъ, помышляя злое, его преслѣдуетъ страданіе, какъ колесо слѣдуетъ по пятамъ того, кто тащитъ телѣжку".

„Какъ пчела собираетъ медъ и улетаетъ, не причиняя вреда цвѣтку, такъ пусть и мудрый живетъ на землѣ".

„Эти сыновья принадлежатъ мнѣ, и это богатство мое! — такими мыслями озабоченъ безумный. Онъ самъ не принадлежитъ себѣ, а тѣмъ менѣе сыновья и богатство!".

„Пусть человѣкъ не помышляетъ легкомысленно о дурномъ, говоря въ сердцѣ своемъ: „это не коснется меня". Пусть человѣкъ не помышляетъ легкомысленно о добромъ, говоря въ сердцѣ своемъ: „отъ этого мнѣ не будетъ пользы", ибо капли, падая одна за другой, наполняютъ сосудъ".

„Тотъ, чьи злыя дѣла пересиливаются добрыми дѣлами, сіяетъ въ этомъ мірѣ, какъ луна, когда она выплываетъ изъ-за облаковъ".

„Пусть человѣкъ побѣждаетъ гнѣвъ любовью, зло — добромъ, жаднаго — щедростью, лжеца — правдой"*).

Вотъ пять заповѣдей изъ буддійской библіи:

1) Не убій.
2) Не укради.
3) Не прелюбодѣйствуй и не распутствуй.
4) Не лги.
5) Не опьяняй себя.

„Восемь ступеней", которыя, согласно Буддѣ, ведутъ къ высшему счастію, суть:

Правильные взгляды, добрыя мысли, добрыя рѣчи, добрыя дѣла, правильный образъ жизни, правильныя усилія, истинная память, истинное самосозерцаніе.

---

*) Эти отрывки взяты изъ Даммапады, одной изъ книгъ Трипитаки. Первые три отрывка цитированы по переводу съ китайскаго, сдѣланному Самьюэлемъ Билемъ (Samuel Beal), а остальные по переводу Макса Мюллера съ палійскаго языка („Sacred Books of the East", т. X).

Священныя книги магометанъ.

Кораиъ — библія Магомета — говоритъ:

„Ни одинъ изъ васъ не можетъ быть истинно-вѣрующимъ, пока онъ не будетъ желать для брата своего того, чего онъ желаетъ для самого себя".

Слѣдующая выдержка изъ корана по мнѣнію Эмануила Дейча (Emanuel Deutsch) лучше всего характеризуетъ сущность этой священной книги:

„Праведность не въ томъ, чтобы обращаться лицомъ къ востоку или къ западу, потому что Богъ — и на востокѣ, и на западѣ; истинно праведенъ лишь тотъ, кто вѣритъ въ Бога, въ день суда, въ ангеловъ, въ Писаніе и въ пророковъ; кто во имя Божіе раздастъ свои богатства ближнимъ своимъ, сиротамъ, бѣднымъ, бездомнымъ и всѣмъ нуждающимся; кто тратитъ деньги на освобожденіе заключенныхъ, кто бодрствуетъ въ молитвѣ, кто даетъ милостыню, кто твердо держитъ свое слово, разъ онъ далъ его; и тотъ, кто терпѣливъ въ бѣдствіяхъ, въ трудностяхъ, не унываетъ въ дни испытанія. Такіе люди праведные и богобоязненные"*).

А вотъ другое мѣсто изъ корана:

„Есть только одинъ Богъ — Богъ вѣчный. Онъ не родитъ никого и ни отъ кого не рожденъ; и нѣтъ никого подобнаго ему"**).

Такъ я могъ бы привести чрезвычайно много цитатъ изъ всѣхъ этихъ различныхъ библій; и такъ похожи другъ на друга тѣ нравственныя и духовныя ученія, которыя даетъ каждая изъ нихъ, что никто не могъ бы сказать, откуда я беру цитату — изъ браминской, буддійской, персидской, китайской библіи Конфуція или Лао-дзе или изъ магометанской, еврейской и христіанской библіи.

Однимъ словомъ, если бы мы продолжали наше изученіе, мы нашли бы, что совершенно правъ по существу Higginson, который говоритъ: „Ни вѣра, ни любовь, ни правда, ни безкорыстіе, ни прощеніе, ни терпѣніе, ни миръ, ни равенство, ни просвѣщеніе, ни усердіе миссіонеровъ, ни молитва, ни чест-

*) Сура II.
**) Сура CXII.

ность, ни чувство братства, ни уваженіе къ женщинѣ, ни духъ смиренія, ни подвиги мученичества и никакія другія хорошія понятія не составляютъ монополіи какой бы то ни было вѣры. Всѣ религіи болѣе или менѣе исповѣдуютъ эти принципы. Всѣ отчасти подтверждаютъ ихъ, отчасти противорѣчатъ имъ*).

Разница въ степени, но не въ сущности.

Конечно, ошибочно было бы думать будто я утверждаю, что великія священныя книги всего міра стоятъ на одномъ уровнѣ, или что ихъ ученія тождественны. Онѣ не стоятъ на одномъ уровнѣ, ученія ихъ отличаются другъ отъ друга въ очень многихъ отношеніяхъ. Сказать, что наша библія, и въ особенности Новый Завѣтъ, значительно превосходитъ библіи такъ называемыхъ языческихъ народовъ, значитъ просто подтвердить сужденіе всѣхъ ученыхъ и религіозныхъ критиковъ; но различіе здѣсь только въ степени, а не по существу. Надо помнить, что приведенныя выше выдержки суть избранныя мѣста — нравственные и духовные перлы, добытые изъ обширной области лите-

*) „Sympathy of Religions“, стр. 25. Желающимъ заняться болѣе спеціально сравнительнымъ изученіемъ нравственныхъ и духовныхъ ученій, содержащихся въ священныхъ книгахъ различныхъ народовъ, рекомендуемъ прежде всего обратиться, конечно, къ самимъ этимъ священнымъ книгамъ, большинство которыхъ теперь доступны въ хорошихъ переводахъ (см. напр. серію „Sacred Books of the East“); а также къ монографіямъ лучшихъ спеціалистовъ объ отдѣльныхъ религіяхъ. Слѣдующія книги болѣе общаго характера также могутъ быть полезны: Tiele, „History of Religion“; De la Saussaye, „Manual of the Science of Religion“; Clark, „Ten Great Religions“; „Hibbert Lectures“, въ особенности серія лекцій, читанныхъ Мюллеромъ (Müller), Ренуфомъ (Renouf), Дэвидсомъ (Davids), Кюненомъ (Kuenen) и Сэйсомъ (Sayce); „Gifford Lectures“, серія краткихъ и дешевыхъ сочиненій, носящихъ общее заглавіе „Non-christian Religious Systems“, куда принадлежатъ книги Дэвидса о Буддизмѣ, Биля (Beal) о буддизмѣ въ Китаѣ, Дёгласа (Douglas) о конфуціанствѣ и таоизмѣ, Уилльямса (Williams) объ индуизмѣ, Стобата (Stobat) объ исламѣ и его основателѣ, Мьюра (Muir) о коранѣ; Johnson „Oriental Religions“; сочиненія Макса Мюллера; Barth, „Religions of India“; Rawlinson, „Religions of the Ancient World“; „The Faiths of the World“ (St. Giles Lectures); „ Religious Systems of the World“ (South Place Institute Lectures). (Первая часть послѣдняго сочиненія есть въ русскомъ переводѣ. *Прим. пер.)*

ратуры, въ которой гораздо больше безплоднаго и дурного по качеству, чѣмъ могутъ представить себѣ тѣ, кто ограничиваются прочтеніемъ только одной нашей библіи. Въ священныхъ книгахъ всего міра можно найти самыя различныя вещи, начиная съ тѣхъ перловъ, которые мы процитировали, и кончая самыми низменными суевѣріями, страшнѣйшими пошлостями и дѣтскими глупостями. Поэтому, сравнивая нехристіанскія библіи съ нашей собственной, намъ нужно помнить это, если мы желаемъ, чтобы наше сравненіе было вѣрно и безпристрастно. И насколько мы будемъ честны и безпристрастны въ нашемъ сравненіи, настолько ясно намъ откроются двѣ истины: первая — та, что всѣ великія священныя книги человѣчества (включая и нашу) въ общемъ содержатъ много суевѣрій и много поверхностнаго, преходящаго и недостойнаго, такъ что ни одна священная книга въ концѣ концовъ не можетъ сказать: „я совершенна, или я вполнѣ отъ Бога“; другая истина та, что всѣ онѣ содержатъ въ общемъ довольно много мыслей глубокихъ и возвышенныхъ и вѣчно истинныхъ, такъ что ни одна изъ нихъ не можетъ сказать другой: „ты не годна, или же вполнѣ отъ человѣка, или отъ дьявола“.

Мэтью Арнольдъ (Matthew Arnold) прекрасно говоритъ:

„Сыны человѣческіе! Невидимая сила, чей взоръ всегда слѣдитъ за человѣчествомъ, ни на одну изъ религій, когда-либо созданныхъ людьми, не взираетъ презрительно. Какая изъ нихъ не показала человѣку со слабой волей, на что онъ способенъ? Какая изъ нихъ не падала дождемъ на изсохшее сердце? Какая изъ нихъ не взывала къ павшему, изнемогшему человѣку: ты долженъ возродиться“.

Такъ что, на вопросъ, который поставленъ въ началѣ этой книги: „что такое наша библія?“ мы можемъ дать пока слѣдующій отвѣтъ: это, безъ сомнѣнія, въ общемъ лучшая и высшая, но все же *одна изъ шести или восьми великихъ священныхъ книгъ или библій человѣчества.*

Значеніе этого открытія.

Нѣкоторые станутъ увѣрять насъ, что подобное заключеніе враждебно религіи. Но это далеко отъ истины. Скорѣе это помогаетъ намъ видѣть, что религія есть нѣчто гораздо болѣе широкое и, слѣдовательно, гораздо болѣе богатое, чѣмъ то, что

въ ней видѣли евреи, христіане или язычники*). Народы всегда заявляли притязанія на монополію въ дѣлѣ религіи; они всегда отрицали все то, что̀ не исходило отъ ихъ собственныхъ пророковъ и жрецовъ и изъ ихъ собственныхъ священныхъ книгъ. Но въ свѣтѣ современной научной критики мы теперь видимъ, какой это узкій и дѣтскій взглядъ. Религія не менѣе универсальна, чѣмъ солнечный свѣтъ, любовь и Божество. Источникъ ея существуетъ во всякой странѣ. Пророки ея встрѣчаются подъ каждымъ небомъ. Она дала человѣчеству не одну, а много священныхъ книгъ.

Мы не можемъ болѣе вѣрить, чтобы Богъ избралъ одинъ маленькій, обособленный народъ изъ всего міра, давъ только ему откровеніе о спасеніи, забывъ о всѣхъ другихъ народахъ на землѣ**). Изученіе великихъ міровыхъ религій, быстро подвигающееся впередъ, даетъ начало болѣе достойной вѣрѣ, что Богъ есть Богъ всей земли. Какъ Whittier говоритъ:

„Всѣ души, борющіяся и стремящіяся, сердца молящихся озарены Тобой и, — смутно или ясно, — Твое сіяніе видно въ далекомъ прошломъ“.

---

*) Люди пріобрѣли болѣе широкое и болѣе возвышенное понятіе о Богѣ, когда они узнали, что земля есть лишь одно изъ многихъ тѣлъ, вращающихся вокругъ солнца, и что само наше солнце есть лишь одна изъ безчисленныхъ звѣздъ, разсѣянныхъ по небу; и (если смотрѣть на дѣло правильно) когда мы узнаемъ, что наша религія есть лишь одна изъ многихъ религій и что нѣтъ нигдѣ народа, совершенно лишеннаго понятія о Богѣ, то это вселяетъ въ насъ большее довѣріе и большую любовь къ Богу, а вѣдь потребность вѣрить глубоко заложена въ природу человѣка. Прибѣгая къ нѣсколько грубому сравненію, можно сказать, что религіи подобны человѣческимъ лицамъ, которыя всѣ имѣютъ много общаго, всѣ обладаютъ носомъ, ушами, ртомъ и т. д.; и въ то же время всѣ они отличны другъ отъ друга — одни болѣе, другіе менѣе красивы. Но гдѣ бы мы ни встрѣтились съ религіей, глубоко коренящейся въ жизни народа, мы можемъ быть увѣрены, что она содержитъ истины, служившія людямъ духовной лищей и что стоитъ потрудиться, чтобы открыть ихъ; ибо духовный голодъ такъ же мало можетъ быть утоленъ ложью, какъ голодъ физическій — камнями“. (Clodd, „Childhood of Religions“, стр. 8, 9).

**) См. Kuenen, „Religion of Israel“ т. I, стр. 5 — 12; Samuel Johnson, отдѣлъ „India“ (въ сочиненіи его „Oriental Religions“), введеніе стр. 1 — 34.

Апостолъ Петръ возвѣщаетъ: „Богъ не лицепріятенъ (т. е. не имѣетъ любимцевъ и фаворитовъ среди своихъ человѣческихъ дѣтей); но всякій народъ, боящійся Его и поступающій по правдѣ, пріятенъ Ему".

III.

Іудея и ея обитатели.

Другой отвѣтъ компетентныхъ ученыхъ на вопросъ о томъ, что есть Библія, состоитъ въ слѣдующемъ: Библія не *одна* книга, она состоитъ изъ многихъ книгъ; она, собственно говоря, даже вовсе не книга, а *собраніе литературныхъ произведеній*, или маленькая *библіотека*.

Слово Библія происходитъ отъ греческаго слова τὰ βιβλία (множественное число), что значитъ *книги*, или *книжечки*. Такъ что уже одна этимологія этого слова свидѣтельствуетъ о томъ, что библія состоитъ изъ *многихъ отдѣльныхъ писаній*.

Подобно тому, какъ индусскія свящ. книги состоятъ изъ собранія самыхъ раннихъ произведеній религіозной литературы индусовъ, а Зендъ Авеста или персидская священная книга — изъ собранія первыхъ произведеній религіозной литературы персовъ, такъ же точно и нашъ Ветх. Завѣтъ есть собраніе самыхъ раннихъ произведеній религіозной литературы Еврейскаго народа, а Новый Завѣтъ — собраніе произведеній религіозной литературы того же народа, но болѣе поздняго времени.

Если мы хотимъ составить себѣ вѣрное представленіе объ этой двойной коллекціи свящ. писаній, мы предварительно должны познакомиться съ тѣми условіями, среди которыхъ возникла и выросла Библія.

Іудея.

Прежде всего сдѣлаемъ краткое описаніе самой страны Іудейской.

Если хоть отчасти справедлива теорія, по которой физическая среда какого-нибудь народа оказываетъ извѣстное вліяніе на ходъ его умственнаго и нравственнаго развитія, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, то насъ не должно удивлять, что мы находимъ ея подтвержденіе и въ исторіи Евреевъ.

Обширнѣйшую площадь суши земного шара занимаютъ три

материка его восточнаго полушарія. Почти въ самомъ центрѣ этихъ трехъ материковъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они слились бы въ одно цѣлое, если бы только берега Европы и Африки сошлись ближе — находится Палестина. Она составляетъ лишь маленькую точку на картѣ земного шара, и однако нѣтъ ни одной страны, которая имѣла бы такое огромное значеніе въ нравственно-религіозной жизни всего человѣчества, какъ именно она. Не вѣроятно ли поэтому, что самое ея мѣстоположеніе, буквально центръ міра, должно было играть при этомъ не маловажную роль?

Физическія условія Палестины были таковы, что они, естественно, содѣйствовали развитію сильнаго и самостоятельнаго народа. Это была страна холмовъ, долинъ, быстрыхъ потоковъ, плодородныхъ равнинъ, живописныхъ скалистыхъ горъ, омываемая съ одной стороны моремъ. Такая страна должна была произвести людей сильныхъ духомъ, любящихъ природу. Обитатели горныхъ странъ обыкновенно отличаются свободолюбіемъ. Не удивительно, если мы и здѣсь встрѣчаемъ расу могучую, независимую.

Палестина страна совершенно замкнутая. На сѣверѣ она ограничена высокими хребтами Ливанскихъ горъ, на востокѣ — обширной Сирійской пустыней, на югѣ — другой пустыней, а на западѣ обширнымъ моремъ съ побережьемъ, почти лишеннымъ гаваней. Итакъ это была именно такого рода страна, гдѣ могъ развиться народъ замкнутый, способный жить вполнѣ самостоятельной жизнью и создать себѣ великое будущее. Но, будучи такой изолированной и защищенной отъ силъ, способныхъ нарушить ея самобытное развитіе, страна эта вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе, чѣмъ какая либо другая, приходила въ соприкосновеніе со всѣми умственными и политическими движеніями, имѣвшими міровое значеніе.

За узкой полосой южной пустыни находился Египетъ, искусство, ученость, вся культура котораго славились во всемъ древнемъ мірѣ.

По ту сторону восточной пустыни — могущественный Вавилонъ и Ассирія. Съ сѣверо-запада къ ней примыкала Финикія, передовая торговая нація древности. Къ западу, за моремъ находилась славная Греція и всепокоряющій Римъ. Всѣ эти страны не могли не имѣть вліянія и на тихую Палестину. И дѣйстви-

тельно, не разъ она должна была покориться силѣ армій своихъ могущественныхъ сосѣдей. Въ мирное же время она служила проѣзжею дорогою для огромныхъ каравановъ, развозившихъ народныя богатства между Месопотаміей, Персіей и Индіей на востокѣ и Египтомъ, Тиромъ и всѣми городами и странами по побережью Средиземнаго моря на западѣ.

Такимъ образомъ она находилась по близости, можно даже сказать, — въ самомъ фокусѣ величайшихъ государствъ и центровъ цивилизаціи древняго міра. Но сама она не принадлежала къ ихъ числу. Она была сильно, глубоко затронута вліяніемъ всѣхъ этихъ странъ, но достаточно изолирована, чтобы сохранить и отстоять свою собственную внутреннюю жизнь, ставшую лишь болѣе возбужденной, болѣе широкой и глубокой, благодаря этому чужеземному вліянію. Слѣдовательно, это была именно такая страна, которая должна была развить самую интенсивную и въ извѣстномъ смыслѣ самую узкую религію, — но въ то же время религію, предназначенную развиться въ самую широкую, мало того — единственно универсальную религію всего міра.

Вотъ тѣ *подмостки*, сцена и декораціи, среди которой разыгрывалась великая драма, записанная въ Библіи. Теперь перейдемъ къ *дѣйствующимъ лицамъ* этой драмы.

Еврейскій народъ.

Какой народъ былъ дѣйствующимъ лицомъ драмы Ветхаго и Новаго Завѣтовъ? Изъ расовыхъ группъ, на которыя распадается человѣчество, особенно выдѣляются двѣ: группа Арійская или Индо-Европейская и Семитическая. Къ Арійской семьѣ принадлежатъ индусы и персы въ Азіи; греки, римляне, русскіе, германцы, англичане, французы и другіе менѣе значительные народы — въ Европѣ. Къ Семитической семьѣ принадлежатъ евреи и родственныя имъ племена, каковы: вавилоняне, ассирійцы, арамеяне или сирійцы, финикіяне, хананеяне и арабы.

Мѣсто происхожденія Семитической группы еще не совсѣмъ установлено. Вѣроятнѣе всего, что оно находилось на возвышенностяхъ Центральной Аравіи. Отсюда нѣсколько переселеній направилось къ сѣверо-востоку въ долину Ефрата и Тигра

за 2500 или 3000 лѣтъ до Р. Х.*) Переселенцы эти, вѣроятно, сдѣлались родоначальниками Вавилонянъ и Ассирійцевъ. Немного позже другіе переселенцы направились на сѣверо-западъ къ берегамъ Средиземнаго моря, гдѣ они положили основаніе Тиру и Сидону, а также финикійской націи. И въ то же время другія Семитическія племена проложили себѣ дорогу въ Палестину, гдѣ они и водворились, вытѣснивъ предшествующихъ имъ обитателей. Народъ, вытѣсненный евреями, назывался хананеянами. Было еще нѣсколько переселеній, направившихся въ разныя страны. Непосредственными предками евреевъ, вѣроятно, были жители Месопотаміи, страны, лежавшей между двумя великими рѣками Тигромъ и Ефратомъ.

Первое переселеніе евреевъ въ Палестину могло имѣть мѣсто приблизительно за 2000 лѣтъ до Р. Х. Мы находимъ кое-какія указанія на это событіе въ преданіи объ Авраамѣ.

Позже, насколько намъ извѣстно, израильтяне, одно изъ племенъ еврейскаго народа, нѣкоторое время жили въ Египтѣ, откуда они подъ предводительствомъ Моисея около 1330 г. до Р. Х. вернулись въ Палестину, гдѣ и водворились на постоянное жительство. Собственно съ этого-то времени и начинается исторія еврейскаго народа. Наше изслѣдованіе о происхожденіи и ростѣ Библіи будетъ состоять въ изслѣдованіи исторіи этого народа на протяженіи приблизительно 15 вѣковъ.

Изученіе это покажетъ намъ, что евреи были замѣчательнымъ народомъ. Правда, они ни чѣмъ не выдавались ни въ войнахъ, ни въ искусствѣ, ни въ философіи, ни въ свѣтской литературѣ. Среди ихъ-же семитическихъ соплеменниковъ Финикія далеко превосходила ихъ торговлей и промышленной предпріимчивостью, а ассирійцы и вавилоняне своими завоеваніями и основаніями новыхъ государствъ. За то ихъ религіозный геній не имѣлъ себѣ равнаго. И мы можемъ сказать безъ преувеличенія, что въ древности евреи въ области религіи достигли такой же высоты среди всѣхъ народовъ, жившихъ вокругъ Средиземнаго моря, какой достигли, напр., древніе греки въ области искусствъ, философіи и наукъ, а римляне — въ войнахъ и управленіи.

*) Самый ранній годъ, упоминаемый въ вавилонскихъ (аккадійскихъ) памятникахъ — 3800 г. до Р. Х.

Но они достигли этой высоты только постепенно, — доросли до нея. Освоиться съ этой мыслью очень важно, иначе мы никогда не будемъ въ состояніи понять Библію. Подобно грекамъ и римлянамъ евреи не сразу заняли свое высокое положеніе въ религіи. Оно явилось результатомъ долгаго и медленнаго процесса роста ихъ религіознаго генія, начиная съ самыхъ примитивныхъ и грубыхъ его проявленій. Такъ же точно, какъ мы можемъ прослѣдить исторію Греціи до того времени, когда въ ней еще не было ни искусствъ, ни науки, ни философіи, или исторію Рима до того момента, когда народъ его представлялъ лишь горсть необузданныхъ варваровъ, — такъ мы можемъ прослѣдить и исторію евреевъ до такого примитивнаго и низкаго уровня ихъ религіознаго развитія, когда они еще не были монотеистами и обоготворяли силы природы; когда кровавыя жертвы составляли главную часть ихъ религіознаго культа и даже существовали человѣческія жертвоприношенія; словомъ, когда религія ихъ едва ли чѣмъ-нибудь отличалась отъ религіи другихъ окружающихъ ихъ семитическихъ племенъ.

Библія есть многообразное, многостороннее, часто совершенно безсознательное, но отъ этого еще болѣе удивительное повѣствованіе объ этомъ развитіи Израильскаго народа, начиная съ самыхъ низкихъ его ступеней и кончая такимъ блестящимъ расцвѣтомъ нравственной и духовной религіи, какой мы застаемъ во время Іисуса и Павла. Только благодаря заслугамъ высшей библейской критики послѣднихъ 50 лѣтъ, былъ установленъ вполнѣ ясно и неоспоримо самый фактъ этого духовнаго роста израильскаго народа, а также указаны ступени этого замѣчательнаго развитія.

Исторія еврейскаго народа въ библейскія времена.

Исторія еврейскаго народа въ библейскія времена естественно дѣлится на шесть періодовъ. Намѣтимъ ихъ вкратцѣ слѣдующимъ образомъ.

1) *Образовательный періодъ.* Періодъ этотъ начинается самыми ранними преданіями и достигаетъ приблизительно конца 9-го вѣка до Р. Х. Въ теченіе этого времени происходитъ медленное сліяніе всѣхъ отдѣльныхъ племенъ въ одну націю съ однимъ управленіемъ и одной медленно развивающейся религіей. Они низвергаютъ нѣсколькихъ боговъ, которымъ

прежде поклонялись, и своимъ національнымъ божествомъ провозглашаютъ одного Іегову. Они еще не вѣрятъ въ единаго Бога: — боги другихъ народовъ для нихъ реальныя существа и они нерѣдко присоединяются къ культу боговъ ханаанеянъ; но Іегову они уже признаютъ Богомъ однихъ израильтянъ исключительно и поклоняются ему, какъ таковому. Они учреждаютъ и поддерживаютъ у себя духовенство и строятъ храмы. Ихъ нравственныя понятія, ихъ нравы и обычаи находятся еще на очень низкомъ уровнѣ, въ нихъ еще много насилія и жестокости, но уже замѣтенъ прогрессъ. Они основываютъ монархію, которая черезъ 100 лѣтъ распадается на двѣ части: — сѣверное царство израильское и южное царство іудейское.

Ни одна изъ книгъ Ветхаго Завѣта не принадлежитъ цѣликомъ этому періоду; отъ него дошли до насъ лишь нѣкоторые отрывки, попавшіе въ разныя части нашей Библіи.

2) *Періодъ пророковъ.* Этотъ періодъ длится отъ конца 9-го до начала 6-го вѣка до Р. Х. Сѣверное царство просуществовало всего два съ половиной столѣтія, до 720 г. до Р. Х., послѣ чего страна была разорена, и ея жители уведены въ плѣнъ ассирійцами. Южное царство продержалось приблизительно на 125 лѣтъ дольше, но затѣмъ оно также было завоевано вавилонянами, а столица его, Іерусалимъ, разрушена Навуходоносоромъ, при чемъ большинство его обитателей было уведено въ плѣнъ въ 587 г. до Р. Х. Періодъ этотъ, слѣдовательно, есть періодъ политическихъ бѣдствій.

Но въ религіозномъ отношеніи это было самое славное и блестящее время во всей еврейской исторіи. Къ этому періоду относится замѣчательная по своимъ результатамъ дѣятельность пророковъ, имѣвшая послѣдствіемъ разрушеніе всѣхъ культовъ, кромѣ культа Іеговы, и поднявшая національную религію до степени истиннаго монотеизма — монотеизма этическаго. Поэтому періодъ этотъ по справедливости называется періодомъ, „свѣжей творческой юности Израиля“. Религіозный геній евреевъ, дѣйствительно, никогда не проявлялся съ такой силой и свободой, какъ въ эти нѣсколько замѣчательныхъ столѣтій. Этотъ періодъ произвелъ пророчества Амоса, Осіи, первыя пророчества Исаіи, Михея, Наума, Софоніи, Аввакума, вѣроятно книгу Второзаконія, значительное

число религіозно-лирическихъ твореній или псалмовъ и часть притчъ.

3) *Переходный періодъ плѣненія еврейскаго народа.* Полагаютъ что этотъ періодъ длился около 70-ти лѣтъ, но, говоря точнѣе, онъ продолжался лишь 50 или 51 годъ, именно отъ паденія Іерусалима въ 587 г. до Р. Х. до возвращенія евреевъ въ Ханаанъ въ 536 г. до Р. Х. Онъ обладаетъ всѣми характеристическими чертами предшествующаго ему періода, что видно изъ того, что онъ производитъ такія важныя пророческія писанія, какъ книги Іереміи, Іезекіиля, Авдія и вторую часть книги пророчествъ Исаіи. Но условія, породившія эти пророчества, быстро мѣняются, и пророчества мало-по-малу умолкаютъ. Нація отъ будущаго обращается къ прошлому. Мы находимся на рубежѣ вѣка, высшія стремленія котораго направлены на сохраненіе, а не на созиданіе. Разсудочность беретъ верхъ надъ непосредственностью чувства, и совершенно безсознательно люди отворачиваются отъ живыхъ пророчествъ ихъ собственной души и ищутъ себѣ опоры въ писанныхъ пророчествахъ.

Плодомъ плѣненія еврейскаго народа поэтому являются не только вышеупомянутыя книги пророковъ и многіе псалмы, но также книги: плачъ Іереміи, Судей, Руѳь, Самуила и Царствъ.

4) *Священническій періодъ* — начинается съ возвращенія евреевъ изъ Вавилона и достигаетъ второго вѣка до Р. Х., когда были написаны послѣднія книги Ветхаго Завѣта. Какъ только евреи вернулись на родину, они съ жаромъ принялись за перестройку Іерусалимскаго храма, за возсозданіе своей общественной жизни. И, однако, начиная съ этого времени, они, за исключеніемъ краткаго блестящаго періода независимости при героическихъ Маккавеяхъ (во второмъ столѣтіи), стали народомъ порабощеннымъ, послѣдовательно несшимъ часто тяжкое и всегда унизительное иго персовъ, грековъ, сирійцевъ, египтянъ и римлянъ.

Но отголоски прежняго пророческаго духа слышатся еще и въ этомъ періодѣ. Раздается проповѣдь Аггея и Малахіи. Но въ общемъ господствуетъ духъ священническій и строго-законническій. „Израиль искалъ единаго Бога и нашелъ его, и нынѣ считаетъ своимъ долгомъ служить ему и заслужить его

милость, слѣдуя установленнымъ закономъ *правиламъ*“*). Священники становятся все могущественнѣе; скоро и книжники пріобрѣтаютъ авторитетъ; обрядамъ придается все большее и большее значеніе. Въ предыдущемъ періодѣ, періодѣ плѣненія еврейскаго народа, священники начали составлять своды церковныхъ предписаній (какъ видно изъ книги Іезекіиля). Трудъ сведенія законовъ продолжается и въ этомъ періодѣ и завершается составленіемъ Левитскаго закона, вѣроятно, немного раньше 400 лѣтъ до Р. Х.

Полагаютъ, что въ это время были составлены слѣдующія писанія Ветхаго Завѣта: книги пророковъ Аггея и Малахіи, Пятикнижіе (въ его окончательной формѣ), книги Паралипоменонъ, пророка Іоиля, Эсеирь, Даніила, Псалмы, Притчи Соломона (въ законченномъ видѣ), Экклезіастъ и Пѣснь пѣсней.

5) *Промежуточный періодъ между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ.* Переходя отъ Ветхаго Завѣта къ Новому, мы должны перескочить черезъ цѣлыхъ 150 лѣтъ. Обыкновенно думаютъ, что этотъ періодъ не представляетъ важности и является какъ бы пробѣломъ въ исторіи еврейскаго народа. Но это заблужденіе. Именно въ этомъ періодѣ былъ окончательно составленъ канонъ Ветхаго Завѣта. Въ это же время были основаны тѣ знаменитыя школы еврейской учености, плодомъ которыхъ позднѣе явились писанія Талмуда. И, что еще важнѣе, это было время, когда Палестина буквально кишѣла соціальными, политическими и религіозными идеями такъ, какъ никогда раньше; когда идеи о Мессіи, идеи апокалиптическія и соціально-религіозныя повсюду носились въ воздухѣ; когда существовало не только широко распространенное недовольство господствомъ Рима, но и все возроставшее недовѣріе къ обрядности и узости государственной религіи евреевъ, и когда усилились горячія упованія на нѣчто лучшее, долженствовавшее наступить въ близкомъ будущемъ. Теперь для насъ очевидно, что все это было просто предзнаменованіемъ наступающаго христіанства, новаго Іудейства, выроставшаго въ самыхъ нѣдрахъ старой церкви и нетерпѣливо выжидавшаго момента своего появленія на свѣтъ.

6) *Періодъ Новаго Завѣта.* Начало этого періода мы мо-

*) Тоу, „History of the Religion of Israel“, стр. 3.

жемъ отнести къ рожденію Христа, хотя ни одна изъ книгъ Новаго Завѣта не была написана раньше 60 г. послѣ Р. Х., когда появились первыя посланія Павла. Закончить же этотъ періодъ надлежитъ, повидимому, послѣдней книгой Новаго Завѣта, такъ наз. 2-мъ посланіемъ ап. Петра, появившимся, вѣроятно, около 170 г. по Р. Х. Весь этотъ періодъ заключаетъ, слѣдовательно, около 175 лѣтъ.

Первыя 30 или 35 лѣтъ этого періода занимаетъ жизнь Іисуса. Въ немъ духъ еврейскаго пророчества проявляется съ новой силой и достигаетъ своего наивысшаго выраженія. Поколѣніе, слѣдующее за Іисусомъ, распространяетъ новое ученіе исключительно путемъ устной проповѣди; затѣмъ начинается записываніе тѣхъ преданій и воспоминаній объ учителѣ, которыя пользуются наибольшимъ одобреніемъ; въ то же время появляются письма и самыя цѣнныя писанія учениковъ Христа и близкихъ къ нимъ людей, и нѣкоторыя изъ нихъ сохраняются молодыми христіанскими церквами. Мало-по-малу наилучшія изъ этихъ писаній собираются вмѣстѣ; мало-по-малу имъ приписывается святость и наконецъ они образуютъ новую священную книгу — Новый Завѣтъ, который еврейскимъ народомъ въ общемъ отвергается, но христіанами ставится наравнѣ съ Ветхимъ Завѣтомъ, какъ вторая божественная книга.

Въ теченіе этого же періода былъ дважды разрушенъ Іерусалимъ, разрушенъ до самаго основанія, а евреи, послѣ невыразимыхъ страданій, разсѣяны по лицу земли и лишены навсегда своего родного убѣжища, страны своихъ предковъ, своихъ святилищъ. И тѣмъ не менѣе въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ столѣтій ничто не было въ состояніи поколебать ихъ вѣру. И въ настоящее время евреи остались такимъ же замѣчательнымъ и совершенно особеннымъ народомъ, какимъ они были 2000 лѣтъ тому назадъ въ Палестинѣ и такимъ же страстно преданнымъ своей религіи, какъ въ дни ихъ національнаго величія.

Однако христіанству, какъ и родственной ему религіи еврейской, не суждено было утвердиться въ Палестинѣ. Главная сила его еще задолго до составленія Новаго Завѣта сосредоточилась въ языческихъ странахъ, и въ нихъ оно продолжало распространяться все дальше. Теперь христіанство — міровая религія: но величайшія побѣды оно одержало не въ той

странѣ, которая его породила, и даже не среди другихъ семитическихъ народовъ, но среди грековъ, римлянъ, франковъ, германцевъ, славянъ, жителей Скандинавіи, англо-саксовъ и вообще тѣхъ народовъ, которые составляютъ европейскую вѣтвь великой Арійской семьи.

IV.

Библія, какъ собраніе литературныхъ произведеній.

Мы уже знаемъ теперь, что Библія собраніе литературныхъ произведеній. Разсмотримъ отличительныя черты ея именно съ этой точки зрѣнія.

Ея разнородность.

Въ нашей священной книгѣ, быть можетъ, ничто такъ не бросается въ глаза, какъ разнообразіе ея содержанія. Въ этомъ она превосходитъ всѣ остальныя священныя книги. Разнообразіе это является слѣдствіемъ того факта, что Библія дѣйствительно есть собраніе литературныхъ произведеній, а не богословскій или церковный трактатъ или какое бы то ни было другое цѣльное произведеніе. Будучи произведеніемъ не одного, а многихъ десятковъ и сотенъ умовъ, не одного, а многихъ вѣковъ, она является воплощеніемъ самой жизни еврейскаго народа и потому не можетъ не быть такой же многосторонней, какъ сама человѣческая жизнь. Не удивительно поэтому, что мы находимъ ее такой разнообразной, не только по формѣ, содержанію и литературнымъ достоинствамъ, но также и по нравственнымъ и духовнымъ качествамъ.

Едва ли найдется какой-нибудь родъ литературы, который не былъ бы представленъ въ Библіи. Въ самомъ началѣ ея мы, подъ названіемъ исторіи, находимъ обширную группу легендъ, преданій и свѣдѣній о лицахъ и событіяхъ по большей части фиктивныхъ. Далѣе слѣдуютъ писанія, имѣющія дѣйствительное историческое значеніе, но и они такъ проникнуты легендарнымъ элементомъ, что только съ помощью большой тщательности можно отдѣлить въ нихъ дѣйствительные факты отъ вымысла. Затѣмъ въ Библіи есть различныя поэтическія произведенія — лирическія, дидактическія, драматическія, воинственныя пѣсни, нѣжныя любовныя пѣсни, возвышенныя описанія природы, благочестивые религіозные гимны. Мы нахо-

димъ въ ней біографіи, краткія и обширныя; своды законовъ, государственные документы, лѣтописи и родословныя; собранія мудрыхъ изреченій; описанія религіозныхъ учрежденій и обрядовъ; романы, притчи; размышленія о прошломъ, апокалиптическія предвидѣнія будущаго; письма, самыя разнообразныя религіозныя мысли, принадлежащія проповѣдникамъ, реформаторамъ, мудрецамъ и пророкамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писаній сами по себѣ мало цѣнны и пользуются почетомъ только благодаря мѣсту, занимаемому ими въ этомъ священномъ сборникѣ; тогда какъ другія могутъ быть причислены къ самымъ благороднымъ литературнымъ и религіознымъ произведеніямъ человѣчества.

Сложный характеръ Библіи.

Другая, быть можетъ, наиболѣе характерная черта Библіи, послѣ ея разнообразія, состоитъ въ сложности ея строенія. Сложность эта, правда, съ перваго взгляда незамѣтна, но для изучающаго Библію она обнаруживается почти повсюду. Въ исторіи и біографіяхъ, пророчествахъ и поэзіи мы вездѣ одинаково находимъ слѣды компиляціи, исправленій и передѣлокъ.

Мало такихъ книгъ, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, которыя бы не носили слѣдовъ того, что онѣ прошли черезъ руки болѣе чѣмъ одного автора. Мэтью Арнольдъ говоритъ о раннихъ историческихъ книгахъ слѣдующее: „Не мало древнихъ книгъ вложило свои сокровища въ эти историческія коллекціи съ тѣмъ, чтобы самимъ исчезнуть навсегда. Не мало голосовъ — неизвѣстныхъ голосовъ, раздававшихся на самой зарѣ культуры, — вѣроятно слилось въ нихъ вмѣстѣ“. Оксфордскій профессоръ Драйверъ говоритъ: „Авторы еврейскихъ историческихъ книгъ — за исключеніемъ кратчайшихъ, Руѳи и Эсѳири — не излагаютъ предметъ своими собственными словами, какъ это дѣлаютъ современные намъ историографы; пользуясь какимъ-нибудь древнимъ источникомъ, они выбираютъ изъ нихъ тѣ отрывки, которые считаютъ годными для своей цѣли, и вставляютъ ихъ цѣликомъ въ свой трудъ, иногда прибавляя къ нимъ кое-что отъ себя, но еще чаще видоизмѣняя ихъ внѣшнюю форму лишь постольку, поскольку это бываетъ

необходимо для соединенія этихъ различныхъ мѣстъ и для приведенія ихъ въ извѣстную систему. Еврейскіе исторіографы, насколько они извѣстны намъ, въ сущности только *компиляторы*, приводящіе въ связь уже существующіе документы, а не оригинальные авторы“ *).

Профессоръ Робертсонъ Смитъ говоритъ: Когда современный намъ писатель собирается составить исторію съ помощью древнихъ источниковъ, онъ старается овладѣть этимъ матеріаломъ и затѣмъ пишетъ совершенно новую книгу. Не такъ поступаетъ восточный историкъ. Если мы возьмемъ для примѣра знаменитыхъ арабскихъ историковъ, скажемъ: Табари, Ибнъ-Эль-Атхира, Ибнъ-Халдуна и Абулфеда — мы у всѣхъ часто находимъ одни и тѣ же отрывки слово въ слово. Всѣ они прямымъ или косвеннымъ образомъ пользовались одними и тѣми же источниками и дѣлали изъ нихъ буквальныя выписки въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ цѣли и размѣрамъ ихъ собственныхъ трудовъ. Этимъ объясняется, почему нѣкоторыя книги, принадлежащія къ сравнительно позднему періоду, обладаютъ такой свѣжестью и живостью красокъ, какъ будто онѣ были написаны современникомъ описываемыхъ событій, и въ нихъ еще можно отдѣлить заимствованное изъ древнихъ источниковъ отъ позднѣйшей обработки. Тоже самое можно сказать и о Библіи. Именно, благодаря такому способу составленія библейская исторія отличается такой большой живостью и интересомъ, несмотря на ея необыкновенную краткость, сравнительно съ тѣмъ огромнымъ періодомъ времени, который она обнимаетъ**). Профессоръ Смитъ говоритъ еще: „Геній семитическихъ народовъ не отличается способностью систематическаго построенія. Въ архитектурѣ, какъ и въ поэзіи и исторіи, евреи прибавляютъ частичку къ частичкѣ вмѣсто того, чтобы систематически развивать одну и ту же идею. Храмъ ихъ представлялъ совокупность множества келій, самый длинный ихъ псаломъ — акростихъ, и длиннѣйшее библейское историческое повѣствованіе представляетъ точно также рядъ послѣдовательныхъ наслоеній“. „Какъ въ поэтическихъ, такъ и въ исто-

*) „Introduction to the Literature of the Old Testament“, стр. 3.

**) „Old Testament in the Jewish Church“, стр. 325 — 326.

рическихъ книгахъ большинство писаній — анонимно; наравнѣ съ этимъ замѣчается вольность, съ какой читатели и переписчики не только измѣняли слова текстовъ, которыми они пользовались, но часто сплетали цѣлыя поэмы изъ отдѣльныхъ отрывковъ. Такъ въ Псалтирѣ чья-то позднѣйшая рука во многихъ мѣстахъ замѣнила слово Іегова словомъ Элогимъ. Еще болѣе замѣчательны тѣ измѣненія, которымъ подвергалась книга Іова, въ которой связность изложенія положительно нарушается рѣчами Еліуя, которыя почти всѣми критиками приписываются позднѣйшему автору*).

Въ нѣкоторыхъ пророческихъ писаніяхъ открыты слѣды даже трехъ различныхъ авторовъ. Всѣ разсказы Ветхаго Завѣта — компиляціи, нѣкоторые изъ нихъ компиляціи, составленныя по компиляціямъ. Пятикнижіе, какъ мы увидимъ ниже, составлено изъ различныхъ писаній, переплетающихся между собой, какъ пряди веревки.

Обычай компилированія древнихъ документовъ проявляется отчасти и въ Новомъ Завѣтѣ. Профессоръ Смитъ говоритъ о евангеліяхъ:

„Всѣ свидѣтельства, находимыя въ древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ первыхъ вѣковъ христіанства, заставляютъ думать, что синоптическія евангелія написаны не апостолами, а представляютъ лишь изложенія изустнаго и письменнаго апостольскаго преданія и что древніе матерьялы были систематизированы лишь постепенно, путемъ повторныхъ опытовъ“. „Человѣкъ, переписывавшій какую-нибудь древнюю книгу, могъ выпускать или прибавлять къ ней, что ему хотѣлось, и онъ нисколько не считалъ себя обязаннымъ различать старое отъ новаго. Если же въ его руки попадали двѣ книги, которыя казались ему равными по достоинству, онъ дѣлалъ изъ обѣихъ пространныя извлеченія и соединялъ ихъ въ стройное цѣлое съ помощью такихъ измѣненій и прибавленій, какія считалъ нужными“. „Точно такимъ же способомъ соединялись вмѣстѣ и многіе мелкіе разсказы“. Слово „наслоеніе“ лучше всего опредѣляетъ тотъ процессъ, благодаря которому большинство книгъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ стали тѣмъ, что онѣ есть въ настоящее время. Про Пятикнижіе кто-то ска-

*) Encycl. Brit., статья „Bible“.

залъ очень мѣтко, что оно есть произведеніе не Моисеево а *мозаичное.**)

Неизвѣстность времени и авторовъ библейскихъ писаній.

Проф. Чарльзъ А. Бригсъ (Charles A. Briggs) говоритъ: „Одинъ изъ достовѣрныхъ результатовъ высшей библейской критики тотъ, что мы теперь знаемъ, что Моисей не былъ авторомъ Пятикнижія и книги Іова, что Ездра не былъ авторомъ Паралипоменонъ, книгъ Ездры и Нееміи, что Іеремія не написалъ книгъ Царствъ и плача Іереміи, что Давидъ не составилъ всего Псалтиря, а всего нѣсколько отдѣльныхъ псалмовъ, что Соломонъ не былъ авторомъ Пѣсни пѣсней и Экклезіаста, а написалъ только одну часть Притчъ, что Исаія не написалъ и половины той книги, которая названа по его имени. Большая часть ветхозавѣтныхъ писаній были написаны авторами, имена и связь которыхъ съ ихъ писаніями затерялись въ глубокой древности“**).

Профессоръ Смитъ говоритъ: „Значительная часть ветхозавѣтныхъ писаній анонимна. Всѣ книги историческаго содержанія, анонимны, за исключеніемъ лишь одной“†).

Докторъ Вашингтонъ Гладденъ (Gladden) (всѣ эти имена мы приводимъ, потому что они принадлежатъ консервативнымъ и „правовѣрнымъ“ ученымъ) пишетъ слѣдующее по поводу книгъ Самуила††): „Книги эти обыкновенно приписываются Самуилу. Это ложное представленіе можетъ служить намъ образчикомъ того некритическаго отношенія къ преданію, которое принуждено было проявлять общественное мнѣніе христіанскихъ странъ. Мы имѣемъ столько же основанія приписывать эти книги Самуилу, сколько и считать Одиссею произведеніемъ Улисса, или Энеиду — сочиненіемъ Энея, или „Bruc's Address“

---

*) Въ англійскомъ текстѣ здѣсь не передаваемая на русскомъ языкѣ игра словъ: M o s a i c означаетъ и „Моисеево“ и „мозаика“. *(Прим. пер.)*

**) Вступительная рѣчь, произнесенная 20-го января 1891 г. См. также сочиненіе того же автора „Biblical Study“, стр. 222 и слѣд.

†) „Old Testament in the Jewish Church“, стр. 107.

††) Въ русской Библіи онѣ называются первой и второй книгами Царствъ. *(Прим. пер.)*

сочиненіемъ Брюса, „Paracelsus“ — произведеніемъ Парацельза, книгу „св. Симеонъ Столпникъ“ — произведеніемъ самого Симеона. Да и когда рѣчь идетъ о Библіи, мы вѣдь не считаемъ, что книга Эсѳирь написана Эсѳирью, или книга Руѳи — Руѳью, или книга Іова — Іовомъ, или книги Тимофея — Тимофеемъ. Тотъ фактъ, что книга Самуила названа по имени этого пророка, еще не доказываетъ, что онъ былъ ея авторомъ. Она могла быть названа книгой Самуила потому, что начиналась разсказомъ о Самуилѣ“*).

Въ чемъ же причина неизвѣстности авторовъ и времени составленія библейскихъ писаній? Неизвѣстность эта происходитъ отчасти вслѣдствіе обычной литературной небрежности древнихъ народовъ, отчасти же вслѣдствіе указаннаго нами компилятивнаго характера библейской литературы. И въ самомъ дѣлѣ, если книга составляется только постепенно — трудно обозначить время ея появленія. Если она компилируется изъ двухъ или трехъ книгъ, то спрашивается: должна ли она быть обозначена временемъ составленія компилятивной работы или же временемъ появленія какого-нибудь изъ оригинальныхъ писаній? Если книга подвергается многократнымъ пересмотрамъ и измѣненіямъ, то не удивительно, что точное время нѣкоторыхъ или всѣхъ этихъ измѣненій просто забывается**).

То же самое относится и къ авторамъ. Если книга имѣетъ двухъ или трехъ авторовъ, то какимъ собственно именемъ должна она быть обозначена? — И легко можетъ случиться, что не сохранится ни одно имя.

Но этимъ дѣло еще не ограничивается. Древне-еврейская литература по большей части была анонимна, мало того, она даже часто бывала псевдонимна. Наши современныя понятія о литературной собственности, какъ видно, въ тѣ времена совершенно отсутствовали. Если кто-нибудь писалъ книгу,

*) „Who Wrote the Bible?“ стр. 86 — 87.

**) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что хронологическія данныя, приведенныя на поляхъ англійскихъ изданій Библіи, совсѣмъ недостовѣрны. Въ т. наз. „Revised Version“ (т. е. въ новомъ, пересмотрѣнномъ изданіи) эти данныя опущены, а всѣ ученые уже давно признали ихъ недостовѣрность. О ветхозавѣтной хронологіи см. Kuenen, „Religion of Israel“, т. I, стр. 159 — 187.

онъ дѣлалъ это для того, чтобы она содѣйствовала осуществленію его завѣтныхъ цѣлей, но отнюдь не для того, чтобы прославить свое имя. Чаще всего книги появлялись безъ всякаго обозначенія автора. Если же онѣ обозначались какимъ-нибудь именемъ, то имя это обыкновенно принадлежало какому-нибудь выдающемуся лицу прежняго столѣтія. Подобный образъ дѣйствія въ наше время, конечно, заслужилъ бы строгое порицаніе; но онъ, очевидно, нисколько не противорѣчилъ нравственнымъ понятіямъ объ этомъ предметѣ древнихъ народовъ, или, по крайней мѣрѣ, древнихъ евреевъ. Такъ многія изъ библейскихъ писаній, приписанныхъ Моисею, Давиду, Соломону, Даніилу и нѣкоторымъ апостоламъ положительно не могли быть написаны этими лицами, такъ какъ совершенно очевидно, что они произведенія позднѣйшаго времени*).

*) Что касается нравственнаго значенія такого обозначенія писаній чужими именами, Чадвикъ (J. W. Chadwick) въ своемъ произведеніи „Bible of To-day“ обращаетъ наше вниманіе на самые *мотивы* писателей, которые, безъ сомнѣнія, обыкновенно были безкорыстны и высоки. Онъ говоритъ: „Въ пользу тѣхъ, которые, подобно авторамъ книги „Даніила“ или „Второзаконія“, выдавали свои сочиненія за произведенія великихъ людей, жившихъ задолго до нихъ, мы во всякомъ случаѣ можемъ сказать слѣдующее: они дѣйствовали такимъ образомъ не во имя своей собственной славы или авторитета, но единственно въ интересахъ тѣхъ идей, которыя они хотѣли выразить, того дѣла, которому они хотѣли служить. Лишь бы преуспѣвало это дѣло, сами же они были готовы остаться неизвѣстными навсегда. И таковыми они дѣйствительно остались до сегодняшняго дня. Авторы книгъ Самуила†), Царствъ, Паралипоменонъ всѣ неизвѣстны намъ. Величайшій изъ пророковъ есть и навсегда долженъ остаться Великимъ Неизвѣстнымъ (Исаія XL — LVI), и то же относится къ Пятикнижію. Іеговистъ, Элогистъ††) и составитель Второзаконія (Deuteronomist) — люди, создавшіе или, по крайней мѣрѣ, собравшіе литературныя произведенія, имѣвшія большее вліяніе на судьбы человѣчества, чѣмъ всѣ остальныя книги міра, и бывшія главными источниками іудейства, христіанства и ислама, — всѣ неизвѣстны намъ. Они умерли для славы, ради того, чтобы Израиль могъ жить праведно, во славу своего Бога“. (Стр. 94 — 95).

†) 1-ой и 2-ой книги Царствъ. *(Прим. пер.).*

††) Объясненіе этихъ терминовъ смотри далѣе въ главѣ VI. *(Прим. пер.).*

Конечно эта неизвѣстность времени, происхожденія и авторовъ библейскихъ писаній является однимъ изъ самыхъ серьезныхъ препятствій для правильнаго пониманія Библіи и самой религіи, изложенной въ ней. Но трудности эти не должны обезкураживать насъ. Тьма уже разсѣивается; много свѣта уже пролито на вопросъ. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ успѣховъ современной библейской критики именно въ томъ, что многое изъ знанія, казавшагося утраченнымъ навсегда, возстановлено; мы въ этомъ убѣдимся, когда въ слѣдующихъ главахъ займемся изученіемъ каждой изъ книгъ Библіи въ отдѣльности. Здѣсь же будетъ достаточно сказать, что составленіе древнѣйшихъ книгъ Библіи почти съ полной достовѣрностью можетъ быть отнесено къ 8-му вѣку до Р. Х., хотя въ нихъ есть отрывки, которые имѣютъ гораздо болѣе древнее происхожденіе — нѣкоторые относятся ко времени Моисея или даже къ періоду болѣе раннему. Съ этого времени потокъ литературныхъ произведеній не прекращался — за исключеніемъ развѣ одного важнаго перерыва между Ветхимъ и Новымъ Завѣтами, и продолжается до конца второго столѣтія послѣ Р. Х., когда была написана послѣдняя книга Новаго Завѣта. Въ нашемъ свящ. писаніи слѣдовательно есть такія книги, которыя появились еще на самой зарѣ еврейской цивилизаціи, тогда какъ другія могли сложиться лишь послѣ того, какъ еврейскій народъ прошелъ черезъ долгія и разнообразныя испытанія, черезъ періоды благоденствія и народныхъ бѣдствій, при чемъ онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ богатѣйшими цивилизаціями древняго міра.

Нехронологическій порядокъ библейскихъ книгъ.

Чтобы понять Библію, намъ необходимо обратить вниманіе на обстоятельство, имѣющее почти такую же важность, какъ и всѣ вышеприведенныя. Дѣло въ томъ, что порядокъ, въ которомъ расположены книги Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, не соотвѣтствуетъ ни времени ихъ составленія, ни историческому ходу развитія религіи, изложенной въ нихъ; порядокъ этотъ вполнѣ произвольный и только вводитъ въ заблужденіе. Для поясненія возьмемъ нѣсколько примѣровъ сначала изъ Ветхаго Завѣта.

а) Въ самомъ началѣ Библіи помѣщена книга, называемая

„Бытіе“. Такъ какъ она помѣщена первой и имѣетъ цѣлью дать свѣдѣнія о сотвореніи міра и первыхъ вѣкахъ человѣческой жизни, мы считаемъ, конечно, что она древнѣйшая книга Библіи. Но мы ошибаемся, — это одна изъ позднѣйшихъ книгъ.

b) Далѣе, почти въ концѣ Ветхаго Завѣта мы находимъ небольшія книги пророчествъ Михея, Осіи и Амоса. Мы естественно думаемъ, что книги эти были написаны сравнительно позже, иначе зачѣмъ было ихъ помѣщать въ концѣ Ветхаго Завѣта. Но мы опять ошибаемся. Въ дѣйствительности это одни изъ древнѣйшихъ писаній Библіи; они были составлены за нѣсколько столѣтій до книги Бытія.

c) Въ серединѣ Библіи есть книга, называемая Псалтыремъ. Слѣдуя общему мнѣнію, мы полагаемъ, что передъ нами собраніе писаній, вышедшихъ изъ-подъ пера Давида приблизительно въ 1000 г. до Р. Х. Но и это опять-таки невѣрно. Еврейскій Псалтырь, или книга пѣсней, есть собраніе или, вѣрнѣе, цѣлый рядъ собраній религіозныхъ гимновъ, изъ которыхъ только немногіе — можетъ быть даже ни одинъ — были написаны самимъ Давидомъ или въ его время; большинство изъ нихъ составлено неизвѣстными, давно забытыми авторами, жившими въ слѣдовавшія за Давидомъ столѣтія почти до 150 г. до Р. Х.

d) Непосредственно за псалмами слѣдуютъ три книги, называемыя „Притчи, Экклезіастъ и Пѣснь пѣсней“. Согласно преданію мы предполагаемъ, что эти писанія принадлежатъ перу царя Соломона. Но библейская критика положительно отрицаетъ это. Единственная изъ книгъ, которая могла находиться въ нѣкоторой, и то весьма слабой, связи съ Соломономъ, есть книга Притчъ; обѣ другія были написаны гораздо позже авторами, имена которыхъ остались неизвѣстными.

e) За такъ называемой „Пѣснь пѣсней“ Соломона слѣдуетъ довольно объемистая книга, называемая книгой Исаіи. Писаніе это, по преданію, приписывается великому пророку того же имени, жившему въ 8-мъ столѣтіи до Р. Х. Ставъ на эту точку зрѣнія, мы принимаемся за чтеніе этой книги. Сначала все идетъ хорошо, но по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ концу, несоотвѣтствія хронологическихъ данныхъ и различныхъ событій повергаютъ насъ все въ большее недоумѣніе.

Въ чемъ же дѣло? А просто въ томъ, что это не одна книга, а двѣ, написанныя одна послѣ другой съ большимъ промежуткомъ времени. Ученые пришли къ тому заключенію, что Исаія 8-го вѣка составилъ только первыя 39 главъ, тогда какъ остальныя 27 были написаны пророкомъ, жившимъ во времена Вавилонскаго плѣненія почти на 200 лѣтъ позже.

f) Немного дальше мы находимъ пророческое писаніе, именуемое книгой Даніила. По общераспространенному мнѣнію его относятъ къ періоду времени между 607 и 534 г. г. до Р. Х., но ученыя изслѣдованія показываютъ намъ, что эту книгу почти съ полной достовѣрностью можно отнести приблизительно къ 170 г. до Р. Х.

g) Приведемъ послѣдній, но самый важный примѣръ. Первыя пять книгъ Библіи называются книгами Моисея, или Пятикнижіемъ. Онѣ между прочимъ содержатъ совершенно выработанный сводъ законовъ, касающихся организаціи еврейской націи и совершенія религіозныхъ обрядовъ. Читая Пятикнижіе, намъ съ перваго поверхностнаго взгляда кажется, что Моисей дѣйствительно написалъ этотъ кодексъ законовъ, и что общественное устройство и культъ евреевъ дѣйствительно были организованы по этому предначертанному плану. Съ этой же точки зрѣнія мы продолжаемъ читать остальную часть Ветхаго Завѣта и стараемся понять ее. Но тутъ мы на каждомъ шагу наталкиваемся на недоразумѣнія. По мѣрѣ того, какъ мы читаемъ, мы замѣчаемъ, какъ все спутывается и перемѣшивается: нѣтъ болѣе ни порядка, ни послѣдовательности историческихъ событій, ни роста, ни прогресса. Прочитавъ такъ называемыя пять книгъ Моисея, въ которыхъ духовное и гражданское управленіе описывается уже вполнѣ установившимся, мы переходимъ къ историческимъ книгамъ Іисуса, Судей и Самуила. Книги эти описываютъ жизнь народа 300 лѣтъ послѣ того, какъ было организовано управленіе по Моисеевымъ Законамъ. Но, къ удивленію нашему, мы не находимъ и слѣдовъ такой организаціи. Сначала и до конца всего длиннаго періода Судей мы едва ли видимъ что-нибудь, кромѣ политическаго и церковнаго хаоса. О государственномъ устройствѣ, почитаемомъ священнымъ и обязательнымъ для всѣхъ, нѣтъ и помину. „Законъ Господа“ представляется не писаннымъ закономъ, но живымъ словомъ, пребывавшимъ въ сердцахъ и на

устахъ людей. Священники вмѣсто того, чтобы быть всемогущими, имѣютъ лишь незначительную власть. Власть сосредоточилась въ рукахъ главъ отдѣльныхъ семей и племенъ, наблюдавшихъ за культомъ и назначавшихъ и низлагавшихъ священниковъ по своему усмотрѣнію. Идея теократическаго строя, описанная въ книгахъ Исходъ и Левитъ, какъ видно, не привилась ни къ кому. Читаемъ дальше и видимъ, какъ появляются первые слѣды гражданскаго порядка; разрушенныя племена начинаютъ стягиваться вмѣстѣ, преимущественно въ видахъ самозащиты противъ общихъ враговъ; гражданскіе законы замѣняютъ все болѣе и болѣе право сильнѣйшаго. Мало-по-малу народъ объединился настолько, что явилась необходимость въ царской власти. Тогда установилась наслѣдственная монархія, управляемая одной, а затѣмъ двумя династіями въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Но во все это время нѣтъ и тѣни того теократическаго управленія, которое якобы было организовано Моисеемъ, нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы кто-нибудь зналъ о законодательствѣ, изложенномъ въ книгѣ Левитъ. Такимъ образомъ эта идея утвердившагося государственнаго порядка только сбиваетъ насъ съ толку.

Переходимъ къ позднѣйшему времени, времени первыхъ пророковъ, но положеніе все то же. Передъ нами писанія нѣкоторыхъ изъ этихъ пророковъ, но мы не находимъ въ нихъ и намека на Левитскій законъ; напротивъ, всѣ они написаны такъ, какъ будто бы и не существовало никакихъ подобныхъ законовъ.

Далѣе мы доходимъ до періода еврейской исторіи, слѣдующаго за Вавилонскимъ плѣненіемъ, и передъ нами внезапно появляется Левитская система. Начиная съ этого времени, эта система составляетъ центръ всего. Съ этого времени писанный законъ Моисея пріобрѣтаетъ значеніе авторитета, къ которому обращаются во всѣхъ случаяхъ; все начинаетъ вращаться вокругъ священниковъ и левитовъ. Говоря языкомъ корана, евреи отнынѣ становятся „народомъ Книги“, и религіозный культъ съ его жертвами всесожженія и искупительными жертвоприношеніями, его обрядами очищенія и постами, съ его празднествами и шабашами, строго соблюдаемыми по всѣмъ предписаніямъ закона, становится главнымъ дѣломъ жизни.

Какъ же объяснить все это? — Объясненіе одно: Левит-

скій законъ не могъ быть данъ еврейскому народу Моисеемъ; настоящее время его происхожденія относится къ періоду болѣе позднему, приблизительно ко времени Вавилонскаго плѣненія. Это открытіе, важнѣйшее изъ всѣхъ, сдѣланныхъ библейской критикой послѣдняго столѣтія, является какъ бы ключемъ, открывающимъ намъ истинный смыслъ Ветхаго Завѣта. При первомъ своемъ появленіи эта революціонная идея, конечно, не преминула вызвать самый горячій отпоръ со всѣхъ сторонъ. Но постепенно передовые ученые Германіи, Голландіи, Франціи, а затѣмъ и Англіи, и Америки были принуждены признать ея справедливость, и теперь едва-ли найдется хотя одинъ извѣстный ученый, который рѣшился бы отрицать ее. Литература о Ветхомъ Завѣтѣ — введеніе къ нему и экзегезисъ*) быстро переработывается въ свѣтѣ этой блестящей мысли, которая для изученія Ветх. Завѣта безъ сомнѣнія является такой же важной, какъ и Дарвинова идея о переживаніи наиболѣе приспособленнаго, или Ньютонова идея о тяготѣніи въ области физическихъ законовъ. Путаница, царившая на протяженіи исторіи всего Ветхаго Завѣта и превращавшая всѣ библейскія писанія, начиная съ книги Бытія до книги Малахіи, въ одно сплошное недоразумѣніе, — уже начинаетъ разъясняться. Какъ только мы отрѣшились отъ традиціоннаго взгляда, будто Левитскіе законы были написаны во время исхода и съ самаго начала исторіи еврейскаго народа, — такъ мы увидѣли порядокъ, послѣдовательность, ростъ и прогрессъ; увидѣли, что вполнѣ выработанная церковная система позднѣйшаго іудаизма появилась на свѣтъ только тогда, когда для нея созрѣлъ народъ, благодаря причинамъ, которыя мы можемъ ясно прослѣдить въ его исторіи. Теперь іудаизмъ занялъ свое мѣсто среди другихъ религій человѣчества, какъ извѣстная ступень религіозной эволюціи, и мы можемъ понять значеніе Ветхаго Завѣта.**)

---

*) „Экзегезисъ“ значитъ „толкованіе“. (*Прим. пер.*)

**) Профессоръ Pfleiderer такъ сопоставляетъ старый, традиціонный взглядъ на исторію народа израильскаго, — признающій, что Левитскіе законы исходили отъ Моисея и что авторитетъ ихъ признавался еврейскимъ народомъ съ самаго начала его пребыванія въ Палестинѣ, — съ новымъ взглядомъ, считающимъ эти законы продуктомъ позднѣйшаго развитія:

Переходя къ Новому Завѣту мы видимъ, что здѣсь, какъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ, книги расположены въ неправильномъ хронологическомъ порядкѣ. Для иллюстраціи приведемъ два или три примѣра:

a) Писанія Новаго Завѣта въ настоящее время печатаются въ такомъ порядкѣ, что первымъ помѣщены евангелія. Хронологически они должны бы быть помѣщены значительно дальше.

b) Посланіямъ Павла теперь отведено мѣсто во второй половинѣ Новаго Завѣта. Но они были написаны раньше всѣхъ остальныхъ новозавѣтныхъ книгъ и, слѣдовательно, по хронологическому порядку должны бы стоять въ началѣ.

c) Евангеліе, называемое отъ Іоанна, слѣдуетъ непосредственно за Матеѣмъ, Маркомъ и Лукой, но настоящее мѣсто его, по всей вѣроятности, въ концѣ Новаго Завѣта.

d) Затѣмъ мы въ самомъ концѣ находимъ странную книгу, принадлежность которой къ Библіи всегда считалась весьма сомнительной. Это Откровеніе или Апокалипсисъ. Эта книга, — если только ей вообще суждено остаться въ числѣ библейскихъ писаній, — во всякомъ случаѣ не сохранитъ за собой своего теперешняго мѣста, такъ какъ всѣ библейскіе критики согласно утверждаютъ, что она не была написана позже другихъ новозавѣтныхъ книгъ.

„Тамъ (согласно старому взгляду), говоритъ онъ, мы имѣемъ передъ собой съ начала до конца (еврейской исторіи) рядъ загадокъ и психологическихъ и историческихъ непослѣдовательностей; здѣсь (т. е. въ свѣтѣ новаго взгляда) все становится понятнымъ. Передъ нами послѣдовательное развитіе аналогичное исторіи всѣхъ другихъ народовъ; мы видимъ постоянное согласіе и плодотворное взаимодѣйствіе внѣшняго хода историческихъ событій и внутренняго развитія религіознаго самосознанія; и хотя исторія еврейскаго народа и не представляетъ собою непрерывнаго прогресса цѣлаго народа, она все же является упорной борьбой его лучшихъ представителей высшей истины противъ тупой массы, борьбой, въ которой такъ драматически чередуются успѣхи и пораженія, но въ которой сами неудачи только способствуютъ развитію идеи и очищенію ея отъ всего того, что первоначально затемняло ее. Такова исторія человѣчества, удивительная и исполненная божественнаго откровенія, но въ то же время нигдѣ не прерываемая чудесами или внезапными непонятными переходами.“ (Development of Theology, стр. 274.)

Этимъ двойнымъ недостаткомъ хронологическаго и логическаго порядка — ибо тутъ отсутствуетъ какъ тотъ, такъ и другой — страдаетъ весь или почти весь Новый Завѣтъ, что производитъ значительную путаницу.

Это фактъ, съ которымъ мы должны освоиться прежде всего, иначе мы не будемъ въ состояніи понять Новый Завѣтъ, какъ не были бы въ состояніи понять Ветхій Завѣтъ, не признавъ и въ немъ того же отсутствія порядка. Къ счастью, библейская критика въ своемъ изслѣдованіи какъ того, такъ и другого, проявила настойчивость и проницательность не останавливающуюся ни предъ какими препятствіями. Въ результатѣ она не только разрушила ложные старые взгляды, но сдѣлала многое для выработки новаго лучшаго пониманія. Наконецъ намъ данъ истинный порядокъ, въ которомъ были написаны книги Новаго Завѣта. Порядокъ этотъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ установленъ, правда, еще не съ полной достовѣрностью, но, по крайней мѣрѣ, съ большой и все возрастающей вѣроятностью.

Знанія эти при изученіи Новаго Завѣта имѣютъ неоцѣненную важность. Они составляютъ какъ бы ключъ ко всѣмъ безчисленнымъ недоразумѣніямъ и затрудненіямъ, встрѣчаемымъ въ Новомъ Завѣтѣ. Благодаря этому ключу является порядокъ и послѣдовательность въ Новомъ Завѣтѣ подобно тому, какъ это было раньше съ ветхозавѣтными писаніями. Мы снова находимся въ мірѣ, подчиненномъ закону причинности. Теперь мы можемъ открыть какъ строгій порядокъ въ ходѣ событій, такъ и логическую послѣдовательность въ развитіи воззрѣній на всемъ протяженіи этого періода, писанія котораго раньше представляли такой непроходимый лабиринтъ.

И только теперь въ первый разъ сдѣлается для насъ понятнымъ происхожденіе Новаго Завѣта и христіанства.

V.

Пятикнижіе: было ли оно написано Моисеемъ?

Если мы вернемся къ началу нашей Библіи, мы въ ней прежде всего найдемъ книгу Бытія, составляющую первую часть такъ называемыхъ „пяти книгъ Моисея“. За ней слѣдуютъ остальныя 4 книги, а именно: Исходъ, Левитъ, книга Чиселъ и Второзаконіе, — называемыя также, „Второй“, „Третьей“, „Четвертой“ и „Пятой книгой Моисея“. Если мы перенесемся во

времена Іисуса, мы узнаемъ, что евреи объ этихъ пяти книгахъ говорили какъ объ одной, называя ихъ Закономъ, или Тора. За одно или два столѣтія до Р. Х. книги эти были переведены на греческій языкъ и тогда онѣ получили названіе „Пятикнижія“. Именемъ этимъ онѣ часто обозначаются и въ наше время. Но какимъ бы именемъ мы ни называли ихъ, онѣ, какъ въ понятіяхъ массы, такъ и въ обыкновенномъ изданіи Библіи, всегда тѣсно связаны съ именемъ Моисея.

А такъ какъ онѣ приписываются перу великаго еврейскаго законодателя и трактуютъ о событіяхъ глубокой древности, даже о самомъ сотвореніи міра, то онѣ вполнѣ естественно почитаются древнѣйшими священными книгами и помѣщаются въ самомъ началѣ Библіи. Но, какъ мы уже упомянули въ предыдущей главѣ, представленіе это совершенно ложно: произведенія эти, какъ сказано, не только не были написаны Моисеемъ, но появились много столѣтій послѣ его смерти. Это открытіе такъ противорѣчитъ общепринятому взгляду, такъ поразительно по своей смѣлости, такъ революціонно по своимъ послѣдствіямъ, что намъ необходимо хоть вкратцѣ объяснить тѣ основанія, на которыхъ оно построено. Какъ сказано, этотъ взглядъ получилъ право гражданства среди лучшихъ библейскихъ критиковъ всего міра; и не потому, чтобы кто-нибудь предрѣшилъ, что такъ должно быть, а потому, что медленное, но терпѣливое и благоговѣйное изученіе Библіи въ теченіе цѣлаго столѣтія открыло такую подавляющую массу фактовъ, ведущихъ къ одному и тому же заключенію, что наконецъ признаніе вывода, вытекающаго изъ нихъ, сдѣлалось неизбѣжнымъ. Въ подтвержденіе вышесказаннаго мы приведемъ слова профессора Іэльскаго (Yale) университета, Джорджа Т. Лэддъ (Ladd), очень осторожнаго и консервативнаго писателя, котораго едва ли можно заподозрить въ преувеличеніи. Въ своемъ послѣднемъ произведеніи о Библіи профессоръ Лэддъ говоритъ: „За очень немногими исключеніями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и почти безъ исключенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Ветхій Завѣтъ изучается съ наибольшей свободой и широтой пониманія, ученый міръ отрѣшился отъ древней традиціи, будто Пятикнижіе въ его настоящемъ видѣ было составлено Моисеемъ“.*) Есть, ко-

*) „What is the Bible?“ стр. 299 — 300.

нечно, ретроградное „правовѣріе“, которое съ негодованіемъ начинаетъ бить въ набатъ, какъ только что-нибудь грозитъ поколебать устарѣлые взгляды, и которое упрямо отказывается идти впередъ. Но этого и слѣдовало ожидать. Подобный отпоръ встрѣчаетъ на своемъ пути каждое движеніе впередъ; такъ было въ прошломъ, такъ, вѣроятно, будетъ и въ будущемъ. И это не должно насъ смущать.

Вотъ вкратцѣ важнѣйшіе изъ фактовъ, на которые опирается новый взглядъ.*)

---

*) Критика Пятикнижія или Шестикнижія (многими учеными книга Іисуса относится къ одному разряду съ Пятикнижіемъ, и эти книги разсматриваются вмѣстѣ подъ общимъ названіемъ Шестикнижія — Hexateuch) разрослась въ обширную литературу и представляетъ почти отдѣльную науку. Размѣры этой книги позволяютъ коснуться лишь вкратцѣ наиболѣе важныхъ пунктовъ и заключеній этой критики. Желающимъ познакомиться съ этимъ предметомъ болѣе подробно укажемъ на нѣсколько цѣнныхъ и легко доступныхъ сочиненій. На англійскомъ языкѣ наилучшія по полнотѣ, основательности и талантливости сочиненія слѣдующія: Kuenen, „Hexateuch“, переводъ съ голландскаго и Wellhausen, „History of Israel“, переводъ съ нѣмецкаго. Затѣмъ укажемъ на болѣе обширное по программѣ сочиненіе Kuenen'a „Religion of Israel“. Изъ краткихъ трактатовъ несравненнымъ по достоинствамъ произведеніемъ является статья „Pentateuch“ въ Encycl. Britannica, принадлежащая перу Wellhausen'a. Профессоръ Драйверъ (Driver) въ своей книгѣ “Introduction to the Literature of the Old Testament“ посвящаетъ Шестикнижію 150 страницъ, написанныхъ безпристрастно и талантливо. „Book of Beginnings“ R. Heber Newton'a популярное сочиненіе на ту же тему, написанное со знаніемъ дѣла и интересно. Слѣдующія сочиненія прослѣживаютъ исторію критики Пятикнижія: Pfleiderer, Development of Theology“ (1890), Lichtenberger, „History of German Theology in the Nineteenth Century“ (1899) и C. H. H. Wright „Introduction to the Old Testament“ (1890). Въ „Genesis of Genesis“ W. Bacon'a есть прекрасныя главы объ анализѣ документовъ, исторической критикѣ, анализѣ Пятикнижія; далѣе въ этомъ же сочиненіи перепечатанынецѣликомъ три главные документа, лежащіе въ основѣ всей книги Бытія; они напечатаны различными шрифтами, чтобы выдѣлить ихъ и облегчить сравнительное изученіе ихъ. Подобное же сочиненіе озаглавленное „The Composition of the Book of Genesis“ и принадлежащее перу E. I. Fripp'a недавно было издано въ Англіи. „The Documents of the Hexateuch“ W. E. Addis'a — прекрасное сочиненіе въ томъ же родѣ, трактующее о всемъ Шести-

Неосновательное преданіе. Мнѣніе, по которому Пятикнижіе составлено самимъ Моисеемъ, просто есть преданіе и притомъ довольно поздняго происхожденія и не имѣющее никакого историческаго основанія. Профессоръ Робертсонъ Смитъ говоритъ, что преданіе это произошло отъ излагаемой Іосифомъ*) древне-еврейской теоріи, состоявшей въ томъ, что каждый вождь израильскаго народа по божественному вдохновенію долженъ былъ записывать событія своего времени; такъ что вся священная исторія являлась какъ-бы лѣтописью, пополняемой съ теченіемъ времени. Но этому описанію не отвѣчаетъ ни одна изъ частей Библіи, и Пятикнижіе такъ же мало, какъ и другія.**)

Въ самомъ Пятикнижіи не содержится никакихъ указаній на авторство Моисея. Тотъ фактъ, что имя Моисея фигурируетъ въ заголовкахъ всѣхъ пяти первыхъ книгъ англійской библіи, еще не даетъ имъ права на это имя; ибо, какъ хорошо извѣстно ученымъ, заголовковъ этихъ въ оригинальномъ текстѣ вовсе не было. Во всемъ Пятикнижіи мы не встрѣчаемъ ни одного намека на то, чтобы эти книги, или хотя бы одна изъ нихъ, вышли бы изъ подъ пера великаго основателя еврейской націи. Нѣкоторыя части ихъ, т. е. только отдѣльные отрывки, вставленные въ книги, когда онѣ уже были составлены окончательно, — дѣйствительно приписываются Моисею. Но и только. Нигдѣ не намекается на то, чтобы цѣлая книга или тѣмъ менѣе всѣ пять книгъ принадлежали его

книжіи. Въ книгѣ профессора Robertson Smith'a „Old Testament in the Jewish Church“ есть цѣнныя главы, посвященныя Пятикнижію.

*) Здѣсь имѣется въ виду еврейскій историкъ Іосифъ Флавій. (*Прим. пер.*)

**) „The Old Testament in the Jewish Church“, стр. 321. О находящемся въ Талмудѣ (Bàbà bàthra 14) утвержденіи, что „Моисей написалъ книгу, носящую его имя, и отдѣлы о Валаамѣ и Іовѣ“, профессоръ Driver говоритъ: „Все это мѣсто очевидно лишено всякой исторической цѣнности. Оно не только принадлежитъ позднему періоду, но и самый характеръ содержанія дискредитируетъ его “ — („Introduction to the Literature of the New Testament“, стр. XXXIX). Критику преданія объ авторствѣ Моисея см. въ сочиненіи Bacon'a Genesis of Genesis,“ стр. 33 — 36.

перу.*) Правда, въ различныхъ частяхъ Библіи встрѣчаются ссылки на Законъ Моисея и на книгу Закона. Но изъ этого обстоятельства мы, по мнѣнію компетентнѣйшихъ ученыхъ, вправѣ вывести только то заключеніе, что самое ядро заключающагося въ Пятикнижіи законодательства принадлежало Моисею, хотя мы не можемъ сказать ничего положительнаго ни о размѣрахъ, ни о томъ, насколько опредѣленно оно было выражено. Моисей былъ какъ бы исходной точкой органически сложившейся исторіи Израиля. Первичное законодательство, положившее начало опредѣленной религіозной и національной жизни Израиля, несомнѣнно исходитъ отъ него.

Не естественно ли поэтому, что воспользовались его высокимъ авторитетомъ и для освященія всѣхъ послѣдующихъ законовъ, подобно тому, какъ воспользовались авторитетными именами Давида и Соломона для освященія всѣхъ псалмовъ и притчъ.**) Перейдемъ къ доказательствамъ болѣе положительнаго характера.

---

*) Д-ръ Heber Newton въ своемъ сочиненіи „Book of the Beginnings“ тщательно изслѣдуетъ этотъ вопросъ и резюмируетъ выводъ, къ которому онъ приходитъ, въ слѣдующихъ словахъ: „Мы нашли, что изъ содержанія книгъ, какъ историческихъ, такъ и законоположительныхъ, *все* что *приписывается* перу Моисея, сводится къ слѣдующему: краткій разсказъ о битвѣ въ Исходѣ (XVII. 8—13), перечень мѣстъ, гдѣ израильтяне останавливались лагеремъ, въ книгѣ Числъ (XXXIII, 3—49), Десятисловіе (Исходъ XXXIV, 28) и книга Второзаконія — вся или часть ея. Пятикнижіе, какъ цѣлое, повидимому, сочиненіе анонимное. Этотъ фактъ самъ по себѣ уже долженъ считаться рѣшающимъ. Ибо, если эти книги дѣйствительно были написаны Моисеемъ, то мыслимо ли, чтобы онъ не засвидѣтельствовалъ этого? (Стр. 34 — 35). Профессоръ Robertson Smith говоритъ: „Въ историческомъ разсказѣ нигдѣ не утверждается, чтобы онъ былъ написанъ Моисеемъ, а лишь отмѣчается время отъ времени, что Моисей записалъ то-то и то-то. (Исх. XVII 04, XXIV. 4, XXXIV. 27; книга Числъ XXXIII. 2; Втор. XXXI. 9, 22, 24).“ (Old Testament in the Jewish Church, стр. 320). Профессоръ Driver говоритъ: „Въ Ветхомъ Завѣтѣ составленіе Пятикнижія нигдѣ не приписывается Моисею и даже не относится къ его времени.“ (Introduction to the Literature of the Old Testament,“ Стр. 117.)

**) Въ объясненіе кажущагося намъ такимъ страннымъ обычая евреевъ приписывать всѣ свои законы Моисею профессоръ Robertson Smith говоритъ слѣдующее: „изъ ранней

Мѣста, изобличающія участіе позднѣйшихъ авторовъ въ составленіи Пятикнижія. Все Пятикнижіе усѣяно мѣстами, доказывающими, что въ составленіи его принимали участіе другіе позднѣйшіе, чѣмъ Моисей, авторы. Если мы обратимся къ Второзаконію XXXIV, 5 — 6, мы тамъ найдемъ описаніе смерти и похоронъ Моисея. Это мѣсто врядъ ли могло быть

исторіи законодательства всѣхъ народовъ извѣстно, что при необходимыхъ измѣненіяхъ старыхъ законовъ обыкновенно прибѣгаютъ къ тому, что юристы называютъ *юридической фикціей*. Названіе это, пожалуй, можетъ ввести въ заблужденіе; ибо юридическая фикція не обманъ, а подчиненіе извѣстнымъ условностямъ, что понимается всѣми заинтересованными сторонами. Находятъ болѣе удобнымъ представить новый законъ въ такой формѣ, которая позволяла бы смотрѣть на него какъ на неотъемлемую часть древняго законодательства. Такъ въ римской юриспруденціи предполагалось, что всякій законъ долженъ быть выводимъ изъ Закона Двѣнадцати Таблицъ (Maine, „Ancient Law", стр. 33 и слѣд.), точно такъ же, какъ у евреевъ считалось, что всѣ законы выводятся изъ ученія Моисея. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не имѣли въ виду прибѣгнуть ко лжи или обману. Цѣль, преслѣдуемая при этомъ, состояла лишь въ томъ, чтобы сохранить ненарушенной цѣльность юридической системы .... При современномъ состояніи общества юридическія фикціи являются пріемомъ уже устарѣлымъ; въ англійскомъ законодательствѣ онѣ уже давно представляютъ лишь антикварный хламъ. Но законъ Израилевъ былъ данъ древнему народу и имѣлъ въ виду его практическія нужды; поэтому необходимо было придать ему ту форму, которая, какъ намъ прекрасно извѣстно, наиболѣе понятна примитивнымъ народамъ,.... Въ Индіи, когда правительство проводитъ воду въ какую-нибудь деревню, мѣстныя власти устанавливаютъ извѣстныя правила для пользованія ею и распредѣленія ея; но „правила эти не обосновываются на личномъ авторитетѣ ихъ автора или авторовъ; всегда существуетъ извѣстная фикція, согласно которой предполагается, что извѣстные обычаи, касающіеся распредѣленія воды, существовали съ глубочайшей древности, хотя, въ дѣйствительности, тогда еще и не думали объ искусственномъ снабженіи водой." Точно также и новыя узаконенія, вошедшія въ сводъ Левитскихъ законовъ, приписываются Моисею, хотя, когда они были опубликованы, всѣ знали, что это невѣрно, и хотя самъ Ездра говоритъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ объ установленіяхъ пророковъ." („Old Testament in the Jewish Church," стр. 385—387). Профессоръ Той (Toy) говоритъ: „Въ тѣ времена существовалъ обычай ссылаться на мудрость и авторитетъ древнихъ мудрецовъ". („History of the Religion of Israel," стр. 67).

написано самимъ Моисеемъ; люди не дѣлаютъ описаній своей собственной смерти и погребенія. Толкуютъ это мѣсто такимъ образомъ, что Моисей написалъ о своей смерти впередъ, подъ вліяніемъ чудеснаго вдохновенія. Но такое объясненіе совершенно уничтожается смысломъ тѣхъ словъ, которыми оканчивается описаніе, именно: „и никто не знаетъ мѣста погребенія его даже до сего дня.“ До какого дня? Развѣ Моисей, описывая заблаговременно свое погребеніе, выразился бы такимъ образомъ: „и никто не знаетъ мѣста его погребенія даже до сего дня?“ Очевидно, что писавшій эти строки, жилъ многимъ позже Моисея и что подъ словомъ „сегодня“ онъ разумѣлъ то время, въ которомъ жилъ самъ, т. е. позднѣйшее время. Есть и другія мѣста въ Пятикнижіи, гдѣ употребляется то же самое выраженіе „до сего дня“, что показываетъ, что и они также были написаны сравнительно поздно.

Въ описаніи перехода Израильскаго народа черезъ пустыню встрѣчаются такіе историческіе пробѣлы, что совершенно немыслимо, чтобы оно было сдѣлано самимъ вождемъ этого движенія. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, пропущено 38 лѣтъ, какъ будто ихъ вовсе и не было. Мы открываемъ книгу Чиселъ (XX, I) и читаемъ: „и пришли сыны израилевы, все общество, въ пустыню Синъ въ первый мѣсяцъ, и остановился народъ въ Кадесѣ.“ И нѣсколькими стихами дальше въ той же главѣ (послѣ того какъ упоминаются два случая, происшедшіе въ Кадесѣ (XX, 22) мы читаемъ: „И отправились сыны израилевы изъ Кадеса, и пришло все общество къ горѣ Оръ.“ — Ничто не можетъ быть проще и естественнѣе такого повѣствованія и ничто, повидимому не можетъ быть связнѣе его. Но на самомъ дѣлѣ мы вдругъ очутились на 38 лѣтъ позже, чѣмъ были въ началѣ разсказа. Мы перескочили отъ 1-го мѣсяца 3-го года послѣ Исхода къ 5-му мѣсяцу 40-го года. Такимъ образомъ не только пропущено болѣе трети столѣтія, но пропущено это время между 2 стихами одной и той-же главы безъ малѣйшаго намека на этотъ пропускъ, и это послѣ тщательнаго перечисленія всѣхъ остановокъ во время перехода Израильскаго народа въ Кадесъ. Развѣ Моисей написалъ бы исторію своей жизни такимъ образомъ? Развѣ тотъ, кто самъ принималъ участіе въ исторіи исхода, описалъ бы ее съ такими пробѣлами?

Въ книгѣ Чиселъ XII, 3 попадается такое мѣсто: „Моисей же былъ человѣкъ кротчайшій изъ всѣхъ людей на землѣ.“ Похоже ли это мѣсто на то, чтобы оно было написано самимъ Моисеемъ? Такъ ли говорятъ о себѣ кроткіе люди?

Въ книгѣ Бытія XXXVI, 31 говорится: „вотъ цари, царствовавшіе въ землѣ Эдома *прежде царствованія царей у сыновъ израилевыхъ*.“ Когда это написано? — Безъ сомнѣнія, уже послѣ того, какъ были цари у сыновъ Израилевыхъ, и написать это могъ только кто-нибудь изъ знавшихъ объ этихъ царяхъ. Конечно, это не могло быть написано во времена Моисея, когда еще не только не было такихъ царей, но даже еще не мечтали о нихъ. Еслибъ мы теперь нашли какой нибудь историческій документъ неизвѣстно изъ какого времени, который заключалъ бы въ себѣ описаніе какого-либо событія, предшествовавшаго президентству Авраама Линкольна въ Соединенныхъ Штатахъ, то развѣ кто-нибудь могъ бы убѣдить насъ, что документъ этотъ былъ написанъ въ послѣднемъ столѣтіи? Упоминаніе президентства Линкольна само опредѣляетъ то время, раньше котораго онъ не могъ быть составленъ. Такъ и упоминаніе о царяхъ израильскихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что это мѣсто книги Бытія не могло быть написано раньше, чѣмъ царствовали эти цари, т. е. только 300 лѣтъ послѣ Моисея.

Въ книгѣ Бытія XII, 6 мы читаемъ въ связи съ тѣмъ, что разсказывается о поселеніи Авраама въ Палестинѣ, что „въ этой землѣ тогда жили хананеи. Могло ли это мѣсто быть написано кѣмъ-нибудь другимъ, чѣмъ человѣкомъ, жившимъ *послѣ* того, какъ хананеи *покинули* свою страну, т. е. послѣ Моисея? Если мы въ какомъ-нибудь историческомъ сочиненіи прочтемъ слѣдующую фразу: „британцы тогда еще владѣли Новой Англіей“, то не будемъ ли мы въ правѣ изъ этого вывести то заключеніе, что эта вещь была написана послѣ революціонной войны, т. е. *послѣ* того, какъ Великобританія *потеряла* Новую Англію?

Такой же хронологическій указатель мы находимъ и въ книгѣ Чиселъ XV, 32. Разсказъ о человѣкѣ, собиравшемъ дрова въ день субботній, начинается словами: „когда сыны Израилевы были въ пустынѣ.“ Конечно это могло быть написано только послѣ того, какъ *кончились* дни ихъ странствованія.

Приведемъ послѣдній примѣръ: во Второзаконіи XXXIV, 10 мы читаемъ: „и не было болѣе у Израиля пророка такого, какъ Моисей.“ Едва-ли нужно спрашивать, могло ли это мѣсто принадлежать перу самого Моисея.

Изъ всѣхъ мѣстъ Пятикнижія, изобличающихъ позднѣйшія авторства, чѣмъ авторство Моисея, мы привели только небольшое количество. Но главное и пріобрѣтающее все бо́льшую важность доказательство того, что приписываемыя Моисею книги не могутъ принадлежать ему, состоитъ въ томъ, что за послѣднее столѣтіе, съ тѣхъ поръ какъ библейская критика усовершенствовала свои методы и углубила свои изслѣдованія, собрано множество фактовъ, указывающихъ на то, что Пятикніжіе есть компилятивный трудъ, или, точнѣе, рядъ компиляцій болѣе поздняго происхожденія, составленныхъ изъ писаній различныхъ эпохъ. Благодаря тщательнымъ изслѣдованіямъ, ученые теперь въ состояніи прослѣдить сплетеніе этихъ различныхъ документовъ точно такъ же, какъ можно прослѣдить отдѣльныя нити ткани.

Ученые всегда приходили въ недоумѣніе отъ многаго изъ того, что они находили въ Пятикнижіи. Такъ было съ Іеронимомъ, единственнымъ крупнымъ библейскимъ критикомъ, выдвинутымъ церковью первыхъ вѣковъ. Такъ было съ многими изъ наиболѣе ученыхъ протестантскихъ реформаторовъ XVI-го вѣка. Такъ было и съ многими еврейскими учеными различныхъ вѣковъ и позже съ христіанскими учеными, находившими все больше и больше затрудненій.

Мысль о томъ, что Пятикніжіе должно быть компилятивнымъ трудомъ, составленнымъ на основаніи болѣе древнихъ документовъ, которые могутъ быть отличены другъ отъ друга, впервые пришла въ голову Astruc'у, выдающемуся ученому профессору медицины въ Парижѣ, въ 1753 году. Идея эта оказалась ключемъ, позволяющимъ разрѣшить всѣ недоразумѣнія.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ элементы Пятикнижія, которые такъ затрудняютъ пониманіе его сложнаго характера:

1. Двойное и даже тройное повѣствованіе тѣхъ же самыхъ событій безъ всякой видимой причины для ихъ повторенія. Таковое встрѣчается чаще всего.

2. Противорѣчія и историческія разногласія всякаго рода.

3. Рѣзкіе переходы и перерывы въ повѣствованіи, замѣтные

и въ англійской Библіи, но еще болѣе бросающіеся въ глаза въ еврейскомъ оригиналѣ.

4. Внезапныя перемѣны въ слогѣ, какъ будто бы говорило нѣсколько человѣкъ, при чемъ начало и конецъ различныхъ рѣчей ничѣмъ не обозначаются.

5. Непонятная смѣна различныхъ именъ при обозначеніи Бога въ еврейскомъ текстѣ: здѣсь на протяженіи многихъ стиховъ и даже главъ — исключительное употребленіе слова *Элогимъ*, тамъ — слова *Яве (Іегова)*,*) а черезъ нѣсколько страницъ снова — Элогимъ, безъ малѣйшаго къ тому повода.

6. Законодательство, очевидно разсчитанное на болѣе ранній и грубый періодъ, странно перемѣшанное съ законодательствомъ, явно разсчитаннымъ на болѣе развитое и просвѣщенное время.

7. Религіозныя и нравственныя поученія, врядъ ли превышающія варварское пониманіе, политеистическія и фетишистическія представленія о Богѣ, бокъ о бокъ съ самымъ возвышеннымъ и чистымъ религіознымъ и нравственнымъ ученіемъ и понятіемъ о Богѣ.

8. Странная смѣсь древне-еврейскаго нарѣчія съ новѣйшимъ еврейскимъ языкомъ, анахронизмы, состоящіе въ томъ, что законы и событія, относящіеся къ XIV и XV вѣкамъ, изложены на языкѣ V столѣтія до Р. Х.

Всѣ эти трудности и противорѣчія, сбивавшія насъ съ толку и казавшіяся намъ совершенно неразрѣшимыми, пока мы придерживались теоріи авторства Моисея, легко объясняются при новомъ взглядѣ. И теперь намъ понятно, что всѣ они были неизбѣжны для произведенія, составленнаго тѣмъ способомъ какимъ составлено Пятикнижіе.

---

*) Имя „Іегова“ неправильно. Настоящее произношеніе этого имени, было, вѣроятно, Ягве. См. приложеніе въ концѣ „History of Israel“ Ewald'a, т. II) принадлежащее перу Russel Martineau. Настоящее произношеніе было утрачено вслѣдствіе того, что имя это долго изображалось при помощи однѣхъ только согласныхъ (древніе евреи всегда пользовались при письмѣ только согласными), такъ что со временемъ забыли, какія именно гласныя должны были добавляться при произнесеніи этого слова. Большинство наиболѣе авторитетныхъ ученыхъ признаютъ правильнымъ произношеніе Ягве.

VI.

Пятикнижіе; его разнородный характеръ и истинное происхожденіе.

Относительно происхожденія и образованія Пятикнижія теперь уже многое приведено въ извѣстность, хотя еще и не все. Что же достовѣрно извѣстно? По крайней мѣрѣ, слѣдующіе важнѣйшіе пункты:

1. Что Пятикнижіе есть произведеніе, состоящее изъ разнородныхъ частей.

2. Что оно по большей части составлено изъ различныхъ „документовъ."

3. Что эти документы можно прослѣдить въ немъ почти съ начала и до конца.

4. Что важнѣйшихъ документовъ, которые легче прослѣдить, четыре.

5. Что Второзаконіе написано раньше, (а не позже, какъ обыкновенно полагаютъ), чѣмъ всѣ остальныя части Пятикнижія.

6. Что законодательство, заключающееся въ Пятикнижіи, по крайней мѣрѣ въ той законченной формѣ, въ которой оно дошло до насъ, было составлено позже всего *)

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть главнымъ образомъ, къ какому именно времени относятся эти 4 документа. Что это за документы? Врядъ ли найдется какой-нибудь изъ первоклассныхъ самостоятельныхъ изслѣдователей, который не прослѣдилъ бы и другихъ дополнительныхъ элементовъ Пятикнижія, кромѣ этихъ четырехъ; нѣкоторые даже утверждаютъ, что они открыли слѣдъ 8-ми — 10-ти такихъ второстепенныхъ документовъ. Относительно этихъ послѣднихъ между учеными еще не установилось полное согласіе. Но въ чемъ согласны всѣ ученые безъ исключенія, это то, что важнѣйшихъ документовъ, или составныхъ частей Пятикнижія — 4, и что всѣ остальные сравнительно не важны.**)

---

*) Со всѣми этими положеніями согласны даже такіе консервативные ученые, какъ DeLizsch и Dillman.

**) Профессоръ C. A. Briggs говоритъ: „Насколько мнѣ извѣстно, на европейскомъ континентѣ нѣтъ ни одного профессора

Эти 4 документа различными учеными обозначаются различными именами.

Мы выбираемъ слѣдующія обозначенія, какъ наиболѣе употребительныя въ послѣднее время, а именно: *Явистическій или Іеговистическій* (Jahvistic or Jehovistic) *и Элогистическій* (Elohistic) документы, *Второзаконіе* (Deuteronomic) и *Священническій* (Priestly) документъ, соотвѣтственно обозначаемые буквами „J“, „E“, „D“, „P“. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ отдѣльно.

Явистическій или *Іеговистическій* документъ получилъ это названіе вслѣдствіе того, что въ немъ для обозначенія Божества почти исключительно употребляется слово „Яве“ (Jahveh, Jahweh), или Іегова. Документъ этотъ имѣетъ много общаго съ Элогистическимъ документомъ, — такъ много, что нѣкоторые выдающіеся ученые не дѣлаютъ между ними различія. Лучше однако разсматривать ихъ каждый отдѣльно и, помня ихъ существенныя сходныя черты, не забывать о томъ, что наибольшая разница не между ними обоими, а между ними и слѣдующими двумя — Второзаконіемъ и Священническимъ документами, особенно съ послѣднимъ. Явистическій документъ почти весь состоитъ изъ повѣствованій. Онъ полонъ движенія и дѣйствующихъ лицъ. Слогъ его живописенъ, и изображенія жизни и характеровъ — превосходны. Это наиболѣе *интересная* часть Пятикнижія. Она содержитъ множество этическихъ и религіозныхъ поученій, но они обыкновенно имѣютъ характеръ естественный и простой, приложимый къ жизни, а не догматичный. На излюбленныхъ священныхъ мѣстахъ авторъ

еврейскаго языка, который бы отрицалъ вѣрность анализа, разлагающаго Пятикнижіе на четыре отдѣльныхъ главныхъ документа. Профессора еврейскаго языка въ Оксфордскомъ, Кэмбриджскомъ и Эдинбургскомъ университетахъ и тюторы многихъ теологическихъ колледжей также раздѣляютъ этотъ взглядъ. Весьма значительное число профессоровъ американскихъ университетовъ держатся того же мнѣнія. Есть, правда, нѣсколько профессіональныхъ ученыхъ, держащихся традиціоннаго взгляда; но они въ ничтожномъ меньшинствѣ. Едва ли есть какой-либо другой научный вопросъ, относительно котораго существовало бы большее согласіе между учеными, чѣмъ относительно этого вопроса объ анализѣ Шестикнижія.“ (Presbyterian Review, April, 1887, стр. 340).

останавливается особенно долго. Наиболѣе антропоморфическія представленія о Богѣ встрѣчаются именно въ этой части Пятикнижія: таково, напримѣръ, гуляньe Бога по саду въ прохладѣ дня,[1]) его приходъ къ башнѣ, воздвигаемой людьми, чтобы смѣшать ихъ языки,[2]) его встрѣча съ Моисеемъ на ночлегѣ и стараніе убить его,[3]) его клятвы,[4]) раскаяніе[5]) и гнѣвъ.[6]) Это писаніе имѣетъ положительно „пророческій“ характеръ и рѣзко отличается отъ „священническаго“. Что касается времени его происхожденія, то мнѣнія нѣсколько различны. Обыкновенно его относятъ къ позднѣйшему времени, чѣмъ Элогистическое писаніе, но Кюненъ и Вельгаузенъ считаютъ его болѣе раннимъ, и ихъ мнѣніе теперь является преобладающимъ. Согласно этому мнѣнію, оно было написано между 850 и 750 г. г. до Р. Х.,[7]) авторомъ же его склонны признать одного изъ пророковъ южнаго царства Іудейскаго.

2. Названіе *Элогистическаго* документа происходитъ отъ еврейскаго слова Elohim, почти исключительно употребляемаго въ этой части Пятикнижія для обозначенія Бога. Эта часть, какъ и Явистическая, состоитъ главнымъ образомъ изъ повѣствованій[8]). Характеръ пророческій, хотя, быть можетъ, и не въ такой высокой степени, какъ въ другихъ частяхъ Пятикнижія. Языкъ живой, содержаніе полное жизни и интереса; способъ изложенія болѣе объективный, чѣмъ въ Явистическомъ документѣ. Оба документа могутъ быть названы исторической частью

---

[1]) Быт. III. 8.
[2]) Быт. XI. 7.
[3]) Исходъ IV. 24.
[4]) Быт. XXIV. 7.
[5]) Быт. VI. 6.
[6]) Исходъ IV. 14.
[7]) Reuss, H. Schulz, Dillman, Kittel, Riehm, Stade, Wellehausen, Kuenen и многіе другіе перворазрядные критики согласно утверждаютъ это.
[8]) Однако же не вполнѣ. Законодательный элементъ (занимающій наиболѣе видное мѣсто въ Священническомъ кодексѣ) не вполнѣ отсутствуетъ и въ документахъ, принадлежащихъ перу Іеговиста и Элогиста. Можно даже сказать, что *древнѣйшее* законодательство, изложенное въ Пятикнижіи, *все цѣликомъ* содержится въ этихъ документахъ. См. Исходъ XX, XXI—XXIII, XXXIV.

Пятикнижія. Въ нихъ содержатся почти всѣ разсказы книги Бытія и Исхода, столь любимые дѣтьми. Такъ какъ авторъ этихъ разсказовъ видимо отдаетъ предпочтеніе сѣвернымъ мѣстностямъ и сѣвернымъ жителямъ Палестины, то изъ этого можно вывести заключеніе, что онъ долженъ былъ быть уроженцемъ сѣвернаго царства Израильскаго. Время составленія Элогистическаго писанія относится къ 800 — 750 г. г. до Р. Х.[1])

3. Третье писаніе заключается въ книгѣ Второзаконія, которая критиками обозначается буквою „D". Оно отличается отъ другихъ документовъ тѣмъ, что все цѣликомъ находится въ одномъ мѣстѣ, тогда какъ цѣлость другихъ писаній была нарушена позднѣйшими издателями и компиляторами, и отрывки ихъ переплетаются съ другими матерьялами въ различныхъ мѣстахъ Пятикнижія. Составлено Второзаконіе, вѣроятно, между 650 и 629 г. г. до Р. Х.[2]) Это, безъ сомнѣнія, та самая книга, которую нашелъ священникъ Хелкія во время перестройки храма. — Преподнесенная и прочтенная царю Іосіи, она побудила его произвести ту великую религіозную реформу, которая описана въ XXII и XXIII главахъ 2-ой книги Царствъ и которая впослѣдствіи почти положила конецъ идолопоклонству іудеевъ. Такимъ образомъ книга эта составляетъ эпоху въ религіозной исторіи израильскаго народа.

При составленіи Второзаконія авторъ, очевидно, пользовался болѣе древними источниками[3]); тѣмъ не менѣе трудъ его ско-

[1]) По Dillmann'y, Kittel'ю и Riehm'y въ 900 — 850 г. до Р. Х.. По Wellhausen', Kuenen'y и Stade около 750 г. до Р. Х.

[2]) Проф. Драйверъ (Driver) говоритъ: „если бы даже было ясно, что первыя четыре книги Пятикнижія были написаны Моисеемъ, то все же было бы трудно утверждать, что Моисей авторъ Второзаконія. Ибо, уже не говоря о замѣчательной разницѣ въ стилѣ, Второзаконіе находится въ такомъ противорѣчіи съ Законодательствомъ Исхода, Левита, и книги Чиселъ, что невѣроятно, чтобы авторомъ обоихъ законодательствъ могло бы быть одно и то же лицо." (Introduction to the Literature of the Old Testament, стр. 77). Составленіе Второзаконія относится Эвальдомъ, Киттелемъ, Робертсонъ-Смитомъ и Драйверомъ ко времени царствованія Манассіи (697 — 642 г.), а Рейсомъ, Кюненомъ, Вельгаузеномъ и Тойемъ (Toy) ко времени царствованія Іосіи (639 — 609 г.).

[3]) Мы видѣли, что документы, составленные Іеговистомъ и Элогистомъ, существовали уже лѣтъ за 156 — 200 до этого

рѣе долженъ быть отнесенъ къ оригинальнымъ, чѣмъ къ компилятивнымъ произведеніемъ, такъ какъ на немъ отпечатлѣлся геній одного человѣка и въ немъ несравненно меньше передѣлокъ и дополненій, чѣмъ въ другихъ частяхъ Пятикнижія. Авторъ этотъ остался неизвѣстнымъ, но книга его свидѣтельствуетъ, что это долженъ былъ быть человѣкъ религіозный и просвѣщенный, горячо сочувствовавшій пророкамъ VIII вѣка и ихъ дѣлу религіозной реформы. Книга написана съ большимъ умѣніемъ и силой и мѣстами положительно краснорѣчива. Ея нравственныя и религіозныя наставленія принадлежатъ къ возвышеннѣйшимъ поученіямъ Ветхаго Завѣта. Особенно интересной она представляется въ томъ отношеніи, что она составляетъ какъ бы исходную точку движенія, завершившагося законодательствомъ Пятикнижія. Составленная скорѣе въ пророческомъ, чѣмъ священническомъ духѣ, она тѣмъ не менѣе породила то церковное движеніе Израиля, которое повело къ сосредоточенію національнаго культа въ Іерусалимѣ, возвысило значеніе духовенства до небывалаго могущества, заставило народъ искать божественныя откровенія въ прошломъ и завершилось вполнѣ выработаннымъ сводомъ Левитскаго закона.

4. Священническій документъ („P“), состоящій изъ такъ называемаго Священническаго Кодекса вмѣстѣ съ связанными съ нимъ историческими разсказами и другими добавленіями — самый обширный и самый важный, и въ то же время несомнѣнно древнѣйшій изъ документовъ, вошедшихъ въ составъ Пятикнижія*).

Большую часть его составляетъ Левитскій или обрядовый законъ, выдаваемый за законъ, данный Моисеемъ на Синаѣ. Все остальное въ немъ подчинено этой главной части. Но она не могла быть изложена отдѣльно; надо было снабдить ее

времени. Вѣроятно также, что около 800 или 750 г. до Р. Х. былъ составленъ простой сборникъ гражданскихъ и религіозныхъ законовъ. Есть указанія на то, что авторъ Второзаконія пользовался обоими этими источниками.

*) Проф. Driver утверждаетъ, что документъ этотъ „позднѣйшій изъ источниковъ, которыми пользовались при составленіи Шестикнижія,“ и что онъ относится „приблизительно къ періоду плѣненія Вавилонскаго“ („Introduction to the Literature of the Old Testament,“ стр. 129.)

подходящимъ введеніемъ и дать ей извѣстную историческую рамку. Поэтому-то писаніе это начинается краткимъ очеркомъ исторіи міра или, вѣрнѣе, предковъ еврейскаго народа отъ Адама до Моисея. Въ немъ мы находимъ тѣ длиннѣйшія таблицы Пятикнижія, которыя такъ утомляютъ читателя и такъ смущаютъ историка. Въ этотъ вступительный разсказъ введены различные частные законы или „завѣты", пріуроченные къ наиболѣе выдающимся эпохамъ, какъ напримѣръ: почитаніе субботняго дня (при сотвореніи міра), законъ о кровопролитіи, данный Ною, (кн. Бытія IX), обрѣзаніе (Бытіе XVII), праздникъ Пасхи (Исходъ XII) и т. д., которые составляютъ какъ бы предвѣстниковъ великаго договора на Синаѣ, увѣнчавшаго собою все законодательство. За вступительной частью слѣдуетъ длинное синайское законодательство, занимающее вторую половину Исхода, весь Левитъ и большую часть книги Чиселъ; и въ заключеніе повѣствованіе о предполагаемомъ распредѣленіи по жребію Ханаанской земли различнымъ племенамъ Израиля и исторія завоеванія страны, содержащаяся въ концѣ книги Чиселъ и въ книгѣ Іисуса Навина.*)

Этотъ до мелочей разработанный и страшно растянутый Священническій документъ (какъ самый сводъ, такъ и повѣствованія) въ высшей степени сухъ по изложенію. Въ немъ нѣтъ ни поэзіи, ни жизни. Онъ многословенъ, искусственъ, полонъ повтореній и скученъ — особенно сводъ законовъ. Его историческая часть всецѣло основана на данныхъ, заимствованныхъ изъ документовъ „J" и „E"; но, подвергнутыя новой обработкѣ, повѣствованія эти теряютъ всю свою образность, естественность и жизненность. Сначала и до конца въ разсказѣ преслѣдуется одна цѣль: показать божественное предначертаніе въ исторіи еврейскаго народа; предначертаніе это состоитъ въ учрежденіи еврейской теократіи согласно образцу, открытому Моисею на Синаѣ. Когда и гдѣ было составлено Священническое писаніе? Оно несомнѣнно сложилось только постепенно. Мы имѣемъ

*) Книга Іисуса Навина органически связана съ Пятикнижіемъ. Три главные документа „J", „E" и „P", лежащіе въ основѣ Пятикнижія, проходятъ черезъ всю книгу Іисуса; въ виду этого среди ученыхъ все болѣе и болѣе замѣтна тенденція разсматривать первыя *шесть* книгъ Ветхаго Завѣта подъ одной рубрикой, подъ общимъ названіемъ „*Шестикнижія*".

неопровержимыя доказательства того, что надъ его составленіемъ потрудились не мало головъ и сердецъ, какъ прямымъ, такъ и косвеннымъ образомъ. Благодаря толчку, данному Второзаконіемъ религіозному развитію Израильскаго народа, развитіе это, какъ мы уже видѣли, не остановилось, а пошло далѣе по новому направленію. Слѣдующему поколѣнію евреевъ пришлось пережить плѣненіе Вавилонское, благодаря которому еще болѣе возвысилось значеніе священниковъ. Священники въ то время уже были хранителями многихъ устныхъ преданій, цѣлью которыхъ было устройство религіозной и гражданской жизни народа, его частнаго и публичнаго богопочитанія. Преданія эти всѣми считались священными и воплощеніе ихъ въ письменную форму было только вопросомъ времени. Священники были увѣрены, что они сумѣютъ развить заключающіеся въ нихъ зачатки церковнаго ритуала, тѣмъ болѣе, что чувствовалась дѣйствительная потребность въ болѣе организованномъ религіозномъ культѣ, такомъ культѣ, который бы могъ служить истиннымъ выраженіемъ объединяющей вѣры и глубокой религіозной жизни еврейскаго народа. Въ достиженіи этой цѣли и заключается главный смыслъ новаго движенія.

Мѣстомъ составленія Священническаго документа — если не всего, то, по крайней мѣрѣ, большей части его — несомнѣнно былъ Вавилонъ. Пророкъ и священникъ Іезекіиль, быть можетъ, не имѣлъ ни какого прямого отношенія къ этому произведенію; но его видѣніе возстановленнаго Іерусалимскаго храма съ его выработаннымъ церковнымъ культомъ, сложившейся Торой или Закономъ и его новой славой, возвѣщенное приблизительно на 14-омъ году плѣненія, (въ 572 г. до Р. Х.) должно было послужить сильнымъ толчкомъ для составленія Священническаго свода. Все это писаніе (какъ самый сводъ законовъ, такъ и его историческое повѣствованіе), вѣроятно было составлено цѣлой школой священниковъ (предвѣстниковъ позднѣйшихъ книжниковъ), возникшей въ Вавилонѣ вскорѣ послѣ Іезекіиля. Сколько времени имъ нужно было, чтобы покончить этотъ трудъ, намъ неизвѣстно. Мы достовѣрно знаемъ лишь то, что онъ уже былъ оконченъ во время Ездры, вавилонскаго священника и книжника, пришедшаго въ Іерусалимъ изъ Вавилона во главѣ цѣлаго отряда ревностныхъ евреевъ въ 444 году. Намъ повѣствуютъ, что, собравъ вокругъ себя большую толпу, Ездра изо дня въ

день читалъ „Новую книгу Закона“, называемую „Закономъ Бога“, или „Закономъ Моисея“, и что вслѣдъ затѣмъ собраніе, побуждаемое къ тому Ездрой, произнесло торжественный обѣтъ слѣдовать одному этому закону. Книга эта, впервые обнародованная среди евреевъ, безъ сомнѣнія и была Священническимъ документомъ*).

Соединеніе всѣхъ четырехъ писаній въ одно.

Послѣ того какъ мы описали происхожденіе и характеръ каждаго изъ 4-хъ писаній Пятикнижія въ отдѣльности, намъ остается прибавить нѣсколько словъ о томъ, когда и какимъ образомъ они были соединены въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ.

Полагаютъ, что двѣ древнѣйшія рукописи — Явистическая и Элогистическая въ теченіе долгаго времени (быть можетъ столѣтія или двухъ) циркулировали каждая отдѣльно, подвергаясь различнымъ видоизмѣненіямъ. Около 620 г. до Р. Х., приблизительно въ то время, когда сложилось *Второзаконіе*, эти два писанія, вѣроятно, слились въ одно. Нѣсколько позже — быть можетъ, въ слѣдующемъ уже поколѣніи — къ этимъ двумъ слившимся писаніямъ присоединилось еще *Второзаконіе***), и писанія эти были пущены въ обращеніе уже въ видѣ „вполнѣ законченной пророческой компиляціи.“ Это было приблизительно въ самомъ началѣ Вавилонскаго плѣненія, когда началъ складываться Левитскій Законъ.

Священническое писаніе (полный Левитскій кодексъ и историческая рамка, въ которую онъ вставленъ) складывалось посте-

*) Подробное изложеніе аргументовъ, приводимыхъ въ пользу отнесенія Священническаго документа ко времени плѣненія или, къ болѣе позднему періоду, можно найти въ главахъ I — V и VIII книги Wallhausen'a „History of Israel“. Болѣе краткое изложеніе того же вопроса содержится въ статьѣ „Pentateuch“ (принадлежащей перу Вельгаузена) въ Encycl. Brit.; см. также соч. проф. Robertson-Smitha „Old Testament in the Jewish Church“ гл. XII.

Подробный анализъ всѣхъ четырехъ документовъ есть въ соч. проф. Driver'a „Introduction to the Literature of the Old Testament,“ стр. 109 — 159.

**) Къ Второзаконію къ тому времени было добавлено предисловіе и приложеніе.

пенно въ продолженіе Вавилонскаго плѣненія и слѣдующаго за нимъ столѣтія. Прослѣдить отдѣльныя ступени образованія этого документа довольно трудно, но въ 444 году онъ, уже въ вполнѣ законченномъ видѣ, былъ обнародованъ Ездрой подъ названіемъ Новой Книги Закона.*)

Теперь для приданія Пятикнижію окончательнаго вида оставалось одно: присоединить Новую Книгу Закона — *Священническое писаніе* — къ болѣе древнему, компилятивному *Пророческому* писанію, состоявшему изъ документовъ „J“, „E“ и „D“. Эта новая компиляція вѣроятно была работой самого Ездры; если же не его, то кого-нибудь, слѣдовавшаго вскорѣ за нимъ. Послѣ этого и еще нѣкоторыхъ маленькихъ измѣненій Пятикнижіе наконецъ получило въ существенныхъ чертахъ ту форму, въ которой оно дошло и до насъ.

Изъ всего этого видно, что Пятикнижіе представляетъ изъ себя какъ бы резюме всей религіи древняго Израиля. Оно не было написано Моисеемъ. Авторъ его, какъ и многихъ другихъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, остался неизвѣстнымъ. Но строеніе его такъ сложно, оно сложилось такъ медленно и постепенно, подвергалось столькимъ измѣненіямъ, прошло черезъ столько рукъ и испытало на себѣ столько различныхъ вліяній, что мы едва ли вообще можемъ говорить о его авторахъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ авторство въ наше время.

Время обнародованія книгъ: Бытія, Исхода, Левита, Чиселъ и Второзаконія.

Можно сказать почти съ достовѣрностью, что книга Бытія, Исходъ, Левитъ и книга Чиселъ получили свою настоящую форму за 4 или $4^1/_2$ столѣтія, а Второзаконіе приблизительно за 6 столѣтій до Р. Х. Но это само по себѣ не имѣетъ большого значенія и даже можетъ ввести въ заблужденіе, такъ какъ мы должны помнить, что во всѣхъ этихъ книгахъ много заимствованій изъ источниковъ болѣе древнихъ, чѣмъ онѣ, на цѣлыя столѣтія. Въ нихъ собраны еврейскія преданія самыхъ раннихъ временъ, даже временъ предшествовавшихъ Моисею, какъ-то: идиллическіе разсказы объ Авраамѣ, Исаакѣ и Іаковѣ; описанія

*) Неем. VIII — X.

сотворенія міра и первыхъ судебъ человѣческаго рода, быть можетъ, заимствованныя у Вавилонянъ во время плѣненія; повѣствованія — отчасти историческія, но по большей части легендарныя — объ освобожденіи евреевъ отъ египетскаго ига и ихъ чудеснымъ переходѣ въ Обѣтованную страну и пр. Впрочемъ съ ними попадаются краткія древнія собранія законовъ, имѣющія важное историческое значеніе, какъ-то: „Десятисловіе“ (Исх. XX), „Книга Завѣта“ (Исх. XX — XXIII) и Малая книга Завѣта (Исх. XXIV) и множество позднѣйшихъ законовъ, свидѣтельствующихъ о религіозномъ развитіи израильскаго народа на протяженіи многихъ вѣковъ. Множество людей различныхъ странъ и различныхъ временъ принимали участіе въ составленіи этого произведенія, а такъ какъ Моисей почитался великимъ законодателемъ еврейскаго народа, то весь этотъ трудъ былъ приписанъ ему одному. Правъ поэтому профессоръ Той, (Тоу), говоря о Пятикнижіи: „оно сокровищница израильскихъ преданій и законовъ. Каждое повѣствованіе и каждое собраніе законовъ носятъ на себѣ отпечатокъ того времени, въ которое они произошли; а всѣ вмѣстѣ составляютъ какъ бы панораму религіи израильскаго народа.“*)

VII.

Еврейскія легенды и исторія: происхожденіе историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта.

Такъ какъ въ Пятикнижіи содержится много историческихъ элементовъ, оно нѣкоторыми учеными причисляется къ историческимъ книгамъ Библіи. Но мы сочли болѣе цѣлесообразнымъ разсматривать его отдѣльно; во-первыхъ, потому, что оно представляетъ собою нѣчто цѣльное, неразрывное; во-вторыхъ, потому, что преобладающій элементъ въ немъ все-таки не историческій, а законодательный; и въ третьихъ, потому, что при изученіи его мы наталкиваемся на самые трудные и рѣшающіе вопросы изъ всѣхъ, связанныхъ съ критикой Ветхаго Завѣта. Вопросы эти поэтому требуютъ болѣе тщательнаго и подробнаго изученія, чѣмъ всѣ историческія и даже всѣ остальныя книги Ветхаго Завѣта. Какъ уже было упомянуто, мы

*) „History of the Religion of Israel,“ стр. 91 — 92.

увидимъ при дальнѣйшемъ изложеніи, что открытіе сложнаго состава Пятикнижія и позднѣйшаго происхожденія священническаго законодательства есть тотъ ключъ, который поможетъ намъ разобраться въ значеніи всего содержанія Библіи.

Легендарное основаніе всякой древней исторіи.

Исторію всякаго древняго народа можно прослѣдить до тѣхъ поръ, покуда она не погрузится въ туманное царство преданій, легендъ и миѳовъ. Мы знаемъ, какъ это вѣрно относительно исторіи грековъ и римлянъ. Гротъ въ своемъ предисловіи къ исторіи Греціи говоритъ: „Я описываю древнѣйшія времена такими, какими они отразились въ чувствованіяхъ и вѣрованіяхъ первыхъ грековъ, изучивъ ихъ единственно по ихъ легендамъ и не задаваясь цѣлью опредѣлить, насколько они достовѣрны въ историческомъ отношеніи. Если читатель осудитъ меня за то, что я не помогаю ему опредѣлить это — если онъ спроситъ меня, почему я не отдергиваю занавѣса, скрывающаго картину, — я отвѣчу ему словами живописца Зевксиса, которому былъ поставленъ тотъ же вопросъ: „Занавѣсъ и есть картина“. То, что мы теперь читаемъ, какъ поэзію или легенду, нѣкогда было подлинной исторіей, той единственной неподдѣльной исторіей, которую только и могли понять и оцѣнить древніе греки“.

Это же самое можно сказать не только о грекахъ, но и обо всѣхъ древнихъ народахъ, въ томъ числѣ и объ евреяхъ. Еще очень недавно „призрачнымъ временамъ и лицамъ“ древне-греческихъ миѳовъ и легендъ, или, по крайней мѣрѣ, значительной части ихъ, придавалось реальное историческое значеніе. И только со временъ Нибура стали отдѣлять древне-римскія легенды отъ римской исторіи. Лѣтъ сто тому назадъ разсказы о Ромулѣ и Ремѣ, старшемъ Брутѣ, Тарквиніи и Горація считались историческими разсказами, но теперь ни одинъ серьезный историкъ не смотритъ на нихъ иначе, какъ на легенды.

Подобная же перемѣна быстро происходитъ и въ методѣ изученія древне-еврейской исторіи. Лучшіе писатели дѣлаютъ все большее и большее различіе между древнимъ легендарнымъ (и, можетъ быть, даже миѳическимъ) и позднѣйшимъ историческимъ періодомъ.

Кюненъ говоритъ, что не можетъ подлежать сомнѣнію, что

ветхозавѣтныя повѣствованія о первыхъ судьбахъ израильскаго народа имѣютъ совершенно такое же значеніе, какъ и разсказы *другихъ* народовъ, въ которыхъ они повѣствуютъ о *своей* древней исторіи. Это значитъ, что какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, главный элементъ *легендарный*. Воспоминанія о великихъ людяхъ и важныхъ событіяхъ древности сохранялись потомствомъ. Передаваемыя изъ устъ въ уста, они мало-по-малу теряли свою точность и опредѣленность и проникались чуждыми имъ элементами. Главныя характеристичныя черты, свойственныя легендамъ другихъ древнихъ народовъ, мы находимъ также и въ легендахъ израильтянъ.“*)

Какой древности достигаетъ достовѣрный историческій періодъ еврейскаго народа?

Кюненъ утверждаетъ, что послѣдніе слѣды историческаго періода еврейскаго народа теряются въ VIII, самое большее IX вѣкѣ до Р. Х. Не то, чтобы раньше этого времени не было никакихъ важныхъ историческихъ событій, но отъ этой болѣе ранней эпохи до насъ дошло очень мало достовѣрныхъ, положительныхъ свѣдѣній. Тутъ мы уже имѣемъ дѣло съ преданіемъ или, если и встрѣчаются повѣствованія другого характера, то они отрывочны и ничто не ручается за ихъ достовѣрность. Профессоръ же Той полагаетъ, что мы можемъ считать достовѣрными и нѣкоторыя библейскія повѣствованія, достигающія 1000 и 1200 г. г. до Р. Х.

Илія, Елисей, Соломонъ и Давидъ — историческія личности.**) Многіе разсказы о нихъ выдержали самую строгую научную критику, въ другихъ же преобладающимъ элементомъ является легенда. То же слѣдуетъ сказать о Саулѣ, Самуилѣ и почти всѣхъ судьяхъ — Деворѣ, Гедеонѣ, Іефаѣ, Самсонѣ и другихъ, хотя разсказъ о Самсонѣ, напр., такъ полонъ легендъ и миѳовъ, что даже трудно сказать, что въ немъ есть историческаго. Іисусъ Навинъ и Моисей тоже историческія личности; но въ разсказахъ о завоеваніи земли Ханаанской и Исходѣ много

*) „Religion of Israel,“ т. I, стр. 22.

**) Илія выступаетъ въ качествѣ проповѣдника около 900 г. до Р. Х. Начало царствованія Соломона относится приблизительно къ 1000 г. до Р. Х., а Давида къ 1040 г.

легендарнаго. Хотя ученые уже до нѣкоторой степени отдѣляютъ вымыселъ отъ исторіи, имъ въ этомъ отношеніи остается сдѣлать многое.

Въ разсказахъ о временахъ, предшествовавшихъ Исходу,[1]) все туманно и неясно: передъ нами мелькаютъ, несомнѣнно, историческіе характеры и реальныя событія, но, сколько бы мы ни напрягали зрѣніе, мы не въ состояніи отдѣлить, что въ нихъ дѣйствительные факты исторіи и что — вымыселъ.[2])

Но если изъ того, что эти древнѣйшіе разсказы объ израильскомъ народѣ основаны главнымъ образомъ на легендахъ, мы выведемъ то заключеніе, что они не имѣютъ никакой цѣнности, — мы сдѣлаемъ большую ошибку. Правда, что они не имѣютъ большого историческаго значенія; но вѣдь исторія не единственно цѣнная форма литературы. Поэзія, баллады, пѣсни, легенды и преданія составляютъ часто еще болѣе драгоцѣнное наслѣдіе народовъ, чѣмъ ихъ лѣтописи. Поэмы Гомера даютъ намъ большее представленіе о жизни древнихъ грековъ, чѣмъ самое точное изложеніе, — онѣ раскрываютъ намъ внутреннюю жизнь народа со всѣми его надеждами и опасеніями, любовью и ненавистью, радостями и печалями, порывами, стремленіями, богопочитаніемъ,—словомъ со всѣми сокровеннѣйшими мыслями и чувствами. И то же самое можно сказать и о легендахъ Ветхаго Завѣта. Онѣ составляютъ продуктъ и пережитокъ глубочайшихъ и священнѣйшихъ мыслей, чувствъ и вѣрованій тѣхъ важныхъ древнихъ, вѣковъ когда еврейскій народъ закладывалъ основаніе своей національной жизни и развивалъ въ себѣ ту силу и тѣ нравственныя качества, которыя впослѣдствіи должны были преобразовать религію всего міра.[3])

---

[1]) Исходъ евреевъ изъ Египта при Моисеѣ, вѣроятно, слѣдуетъ отнести приблизительно къ 1330 г., а завоеваніе земли Ханаанской относится приблизительно къ 1300 г. На поляхъ общепринятаго англійскаго изданія Библіи событія эти неправильно отнесены къ 1491 и 1451 — 1427 г. г.

[2]) См. Kuenen, „Religion of Israel“, т. I гл. II; Bible for Learners“, т. I, особенно гл. XI; Heilprin, „Historical Poetry of the ancient Hebrews“ т, I, стр. 11 — 17 и слѣд.; Ewald, „History of Israel“, т. I, стр. 11 — 41 и слѣд.

[3]) Собраніе легендъ о лицахъ, описываемыхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, заимствованныхъ изъ небиблейскихъ источниковъ,

Библейская исторія подлежитъ той же критикѣ, какъ и всякая другая исторія.

Очень распространено то убѣжденіе, что исторія, заключающаяся въ Библіи, совершенно отлична отъ всякой другой исторіи, что она возникла въ такихъ особенныхъ условіяхъ, что къ ней не примѣнимо обычное мѣрило, и, главное, что она, не въ примѣръ исторіямъ другихъ народовъ, совершенно свободна отъ ошибокъ и погрѣшностей. Ученые однако не придерживаются этой теоріи. Консервативный проф. Лэддъ (Ladd) говоритъ по этому поводу: „Въ Библіи нигдѣ не предъявляется притязанія на непогрѣшимость или хотя бы только на то, что она свободнѣе отъ заблужденій, чѣмъ другія историческія сочиненія. Не видно также, чтобы Богъ когда-либо открывалъ людямъ ходъ и характеръ тѣхъ событій прошлаго, о которыхъ у нихъ не сохранилось никакихъ памятниковъ или воспоминаній. Что касается историческихъ фактовъ, то библейскіе авторы, повидимому, были въ полной зависимости отъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, которыми могли пользоваться и всѣ другіе историки. Событія и явленія своего времени они могли засвидѣтельствовать отъ себя, о другихъ узнавали отъ такихъ же очевидцевъ, какъ и они, о третьихъ до нихъ доходили слухи. Наконецъ, существовали преданія устныя и письменныя, повѣствовавшія о событіяхъ давно прошедшихъ. Позднѣйшіе писатели пользовались документами и книгами, написанными болѣе ранними авторами. Словомъ, въ распоряженіи библейскихъ историковъ были совершенно такіе же источники, какими пользовались всѣ древніе историки.*)

можно найти въ соч. Baring-Gould'a „Book of Old Testament Legends". Греческія легенды см. въ „History of Greece" Grote'a, т. I-й. Наглядное объясненіе того, какимъ образомъ зарождаются легенды, имѣется во Введеніи къ соч. Маколея „Lays of Ancient Rome". О миѳическомъ элементѣ въ Библіи см. Goldziher, „Hebrew Mythology", а также главу „О миѳическомъ элементѣ въ Новомъ Завѣтѣ" въ соч. д-ра Hedge'a „Ways of the Spirit". По общему вопросу о миѳическомъ элементѣ въ религіяхъ см. Clodd, „Childhhood of Religion", Müller, „Chips from a German Workshop", т. II, Tylor „Primitive Culture." т. I, Fiske, „Myths and Myth - makers"; Lang, „Myth, Ritual, and Religion"; соч. Сох'а и другія сочиненія по миѳологіи.

*) „What is the Bible?" стр. 227.

Короче сказать: мнѣніе свободныхъ отъ всякихъ предубѣжденій ученыхъ относительно историческаго значенія Ветхаго Завѣта то, что онъ содержитъ много вѣрныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній; что въ числѣ всѣхъ историческихъ произведеній, дошедшихъ до насъ изъ древняго міра, мало такихъ правдивыхъ и достовѣрныхъ, какъ Библія: но что она въ то же время полна преданій и легендъ, выдаваемыхъ за историческіе факты и нерѣдко содержитъ фактическія ошибки; такъ что для опредѣленія того, что̀ въ ней вполнѣ достовѣрно и что̀ нѣтъ, мы принуждены прибѣгнуть къ тому же методу критическаго изслѣдованія и провѣрки, который мы примѣняемъ къ изученію всѣхъ подобныхъ книгъ.

Историческія книги Ветхаго Завѣта.

Сдѣлавъ это краткое вступленіе, мы переходимъ къ изслѣдованію времени происхожденія и авторства ветхозавѣтныхъ историческихъ книгъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ расположены въ нашемъ канонѣ.

За исключеніемъ Пятикнижія, ихъ всѣхъ 12. Сгруппированныя по содержанію, онѣ распадаются на двѣ серіи. Къ первой принадлежатъ семь первыхъ книгъ: Книга Іисуса Навина, Судей, Руѳь и четыре книги Царствъ, а ко второй—послѣднія пять: 1-я и 2-я книги Паралипоменонъ, Ездры, Нееміи и Эсѳирь. Первая серія слѣдуетъ непосредственно за Пятикнижіемъ. Она продолжаетъ Израильскую исторію съ того момента, на которомъ она обрывается въ книгахъ Чиселъ и Второзаконія, и доводитъ ее до разрушенія Іерусалима Новуходоносоромъ и Вавилонскаго плѣненія; такъ что въ этихъ 7 книгахъ, взятыхъ вмѣстѣ съ Пятикнижіемъ, мы находимъ послѣдовательную исторію міра—или, скорѣе, той части міра, въ которой самую видную роль играли израильтяне и ихъ предки,—начиная съ сотворенія міра и до плѣненія. Вторая серія также начинается разсказомъ объ Адамѣ. Соединивъ два отдаленные періода Адама и Давида посредствомъ генеалогическихъ таблицъ, она продолжаетъ израильскую исторію довольно обстоятельно, но съ рѣшительнымъ предпочтеніемъ въ пользу духовенства, доводя ее до второго посѣщенія Нееміей Іерусалима въ 432 г. до Р. Х., т. е. до событій, случившихся на сто лѣтъ позже Вавилонскаго

плѣненія. Такимъ образомъ мы въ 12 историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта имѣемъ двойное изложеніе израильской исторіи, начиная съ сотворенія міра и до Вавилонскаго плѣненія включительно.

Книга Іисуса Навина.

Шестая книга Библіи и первая книга послѣ Пятикнижія, какъ мы уже упоминали, органически связана съ предшествующими пятью книгами. Въ ней можно прослѣдить совершенно ясно 3 „составныя части Пятикнижія“ — „J“, „E“ и „P.“ Кромѣ того въ ней замѣтны слѣды позднѣйшей редакторской руки, дѣлавшей измѣненія въ духѣ Второзаконія. Это послѣдняя книга „Шестикнижія“. Она повѣствуетъ о переходѣ израильтянъ черезъ Іорданъ, завоеваніи Палестины на западъ отъ Іордана, раздѣлѣ страны между различными племенами и заключительныхъ событіяхъ жизни Іисуса Навина. Къ этой книгѣ однако слѣдуетъ относиться съ большой осмотрительностью, ибо намъ извѣстно, благодаря многимъ позднѣйшимъ доказательствамъ, что Палестина вовсе не была завоевана израильтянами такъ окончательно въ такой ранній періодъ времени. Историческая ненадежность этой книги, по крайней мѣрѣ, даетъ намъ то удовлетвореніе, что мы имѣемъ основаніе считать страшныя избіенія женщинъ и безпомощныхъ дѣтей, которыя описываются въ ней съ такими подробностями, событіями отчасти вымышленными. Книга эта есть позднѣйшее произведеніе, основанное на болѣе древнихъ преданіяхъ. Она была составлена приблизительно въ одно время съ Исходомъ и книгой Чиселъ, послѣ Вавилонскаго плѣненія, вѣроятнѣе всего, между 450 и 400 г.г. до Р. Х.

Книга Судей.

Книга Судей получила это названіе потому, что состоитъ главнымъ образомъ изъ описаній подвиговъ 12 — 13 героевъ — судей. Цѣль ея — изложить израильскую исторію на протяженіи 410 лѣтъ, начиная съ того момента, на которомъ останавливается книга Іисуса Навина. Но первыя повѣствованія ея вѣроятно лишь копіи съ повѣствованій книги Іисуса Навина*), и обнимаемый ею періодъ времени, навѣрное, не

*) Ср. Суд. 1, 2.. съ Іис. Нав. XV, 63. Суд. I, 10 — 15 съ Іис. Нав. XV, 14 — 19; Суд. I, 27 — 28 съ Іис. Нав. XVII, 12 — 13; Суд. I, 29 съ Іис. Нав. XVI, 10.

превышаетъ 100 лѣтъ. Описываемый въ ней періодъ отличается большой грубостью нравовъ, культура несовершенна, правительство не организовано, страна раздираема междоусобными войнами; уровень нравственности низокъ; это — время насилія и жестокости; израильтяне, наравнѣ съ ихъ собственнымъ національнымъ божествомъ Ягве, поклоняются эфодамъ и изображеніямъ и богамъ хананеянъ. Разсказы эти даютъ намъ самое живое изображеніе жизни и нравовъ тогдашняго общества, но они сильно перемѣшаны съ легендами, отъ которыхъ трудно отдѣлить настоящую исторію. Книга эта, вѣроятно, была написана во время Вавилонскаго плѣненія. Авторъ ея отличается скорѣе пророческимъ, чѣмъ священническимъ духомъ. Матеріалъ, которымъ онъ пользовался, онъ извлекалъ изъ писаній и устныхъ преданій своего времени.

Книга Руѳь.

Книга Руѳь не слѣдуетъ за книгой Судей, а по еврейскому канону помѣщена въ концѣ Ветхаго Завѣта, послѣ псалмовъ, Притчъ и Іова. Если мы упоминаемъ о ней въ этомъ мѣстѣ, то единственно по той причинѣ, что описываемое ею состояніе общества очень похоже на то, которое изображается въ концѣ книги Судей. Встрѣчающіяся въ ней прелестныя идилліи семейной жизни однако составляютъ пріятный контрастъ съ мрачными картинами предыдущей книги. Вѣроятно она написана или во время, или вскорѣ послѣ Вавилонскаго плѣненія.[1])

1-я и 2-я книги Самуила.[2])

1-я и 2-я книги Самуила первоначально составляли одну книгу. Такъ какъ пророкъ Самуилъ самая выдающаяся личность первой части, то обѣ книги были обозначены его именемъ. Онѣ трактуютъ о событіяхъ, приведшихъ къ основанію монархіи, о царствованіи Саула и почти о всемъ царствованіи Давида. Нѣкоторые довольно длинные отрывки этихъ книгъ, очевидно, принадлежатъ перу одного и того же автора[3]), но въ

[1]) По мнѣнію Driver'а до плѣненія; по мнѣнію Ewald'а Bertheau, Kuenen'а, Wellhausen'а и проф. Той (Toy) во время или послѣ плѣненія".

[2]) Въ русской Библіи онѣ называются 1-ой и 2-ой книгами Царствъ. (*Прим. пер.*)

[3]) Длиннѣйшіе изъ нихъ I Царствъ, гл. XV до II Царства гл. V и II Царствъ гл. IX — IX.

общемъ это трудъ компилятивный. Нѣкоторыя повѣствованія составлены изъ двухъ различныхъ разсказовъ, не только не гармонирующихъ, но рѣшительно противорѣчащихъ другъ другу.[1]) Эти книги по всей вѣроятности составлены пророкомъ, жившимъ во времена Вавилонскаго плѣненія.

1-я и 2-я книги Царствъ.[2])

1-я и 2-я книги Царствъ, подобно книгамъ Самуила, первоначально составляли одну книгу. Въ нихъ содержатся разсказы о помазаніи на царство Соломона Давидомъ, о царствованіи Соломона, распаденіи еврейскаго государства, о попеременныхъ удачахъ и неудачахъ царствъ Израильскаго и Іудейскаго и о началѣ Вавилонскаго плѣненія. Отъ предыдущихъ историческихъ книгъ онѣ отличаются своими неоднократными ссылками, какъ на авторитетъ, на тѣ источники, изъ которыхъ составитель ихъ черпалъ свои свѣдѣнія. Такими источниками при составленіи ихъ служили: 1) для царствованія Соломона — „Книга дѣяній Соломоновыхъ," 2) для царства Израильскаго — „Книга лѣтописей царей израилевыхъ" (цитируемая 17 разъ). 3) для царства Іудейскаго — „Книга лѣтописей о царяхъ іудейскихъ" (цитируемая 15 разъ). Въ книгахъ Царствъ часто повторяются такія мѣста: „прочія событія Соломоновы и все, что̀ онъ дѣлалъ, и мудрость его описаны въ книгѣ дѣлъ Соломоновыхъ." — Или: „прочее объ Ахазѣ, что̀ онъ сдѣлалъ, написано въ лѣтописи царей Іудейскихъ." И т. д. и т. д. Эти цитированныя книги больше не существуютъ. Это, вѣроятно, были какіе-нибудь офиціальные документы или труды, написанные по этимъ документамъ. Составитель 3-й и 4-й книгъ Царствъ остался неизвѣстнымъ. Онъ составлялъ ихъ въ духѣ Второзаконія, подъ вліяніемъ котораго, очевидно, находился. Вельгаузенъ и Кюненъ думаютъ, что обѣ книги въ главныхъ чертахъ своихъ были составлены еще до плѣненія (слѣдовательно между 620 и 600 г.г. до Р. Х.) и что только нѣкоторые небольшіе отрывки въ нихъ, судя по ихъ содержанію, были вставлены во время самаго плѣненія.

---

[1]) Ср. I Царствъ, гл. XVI, 17 — 23 съ гл. XVII, 1 — 18, 55 — 58.

[2]) Въ русской Библіи — 3-я и 4-я книги Царствъ. (*Прим. пер.*)

1-я и 2-я книги Паралипоменонъ.

1-я и 2-я книги Паралипоменонъ также первоначально были соединены въ одну книгу. Какъ уже сказано, онѣ и остальныя историческія писанія Ветхаго Завѣта — книги Ездры, Нееміи и Эсѳирь — составляютъ вторую серію. И дѣйствительно, общіе признаки этихъ пяти книгъ несомнѣнно указываютъ на то, что онѣ составляютъ нѣчто связное, цѣльное.

Книги Паралипоменонъ начинаются повѣствованіемъ объ Адамѣ и кончаются Вавилонскимъ плѣненіемъ. Такимъ образомъ въ нихъ вторично излагается то же, что уже было изложено въ предыдущихъ книгахъ, — причемъ повторяется главнымъ образомъ содержаніе книгъ Царствъ (съ нѣкоторыми измѣненіями и въ другомъ духѣ). Естественно недоумѣваешь, для чего собственно написаны эти книги, почти все время идущія въ параллель съ тѣмъ, что уже было написано раньше? Это объясняется тѣмъ, что онѣ были составлены позже въ интересахъ іерархіи, церковнаго ритуала и Левитскаго закона, которымъ составители и желали дать прочную историческую основу.

Здѣсь древняя исторія еврейскаго народа появляется вновь, то съ нѣкоторыми прибавленіями, то съ сокращеніями, видоизмѣненная единственно въ цѣляхъ возвышенія священниковъ, закона и храмового культа. Такъ что мы имѣемъ полное основаніе сказать, что въ историческомъ отношеніи эти книги гораздо менѣе надежны, чѣмъ, напр., книги Царствъ.*)

*) Проф. Той (Тоу) говоритъ: „Разница между двумя послѣдними книгами Царствъ и Паралипоменонъ въ слѣдующемъ: двѣ послѣднія книги Царствъ (составляющія продолженіе книгъ Судей и Самуила) были написаны пророкомъ, жившимъ во времена плѣненія Вавилонскаго; въ нихъ содержится исторія какъ южнаго царства Іудейскаго, такъ и сѣвернаго царства Израильскаго, и цѣль ихъ — показать, что благосостояніе народа находилось въ прямой зависимости отъ того, насколько онъ повиновался Іеговѣ. Книги Паралипоменонъ были написаны болѣе чѣмъ двумя столѣтіями позже священникомъ или левитомъ, онѣ содержатъ исторію одного только царства Іудейскаго, и цѣль ихъ — показать, что благосостояніе народа находилось въ прямой зависимости отъ того, насколько соблюдались церковные обряды. Многое изъ того, что говорится въ книгахъ Паралипоменонъ о церковномъ богослуженіи, недостовѣрно.“ („History of the Religion of Israel,“ стр. 39 — 40).

Что касается времени написанія книгъ Паралипоменонъ, то самымъ лучшимъ мы считаемъ привести слова проф. Драйвера: „многое въ этихъ писаніяхъ указываетъ на то, что они были плодомъ компиляціи, составленной авторомъ, жившимъ многимъ позже Ездры и Нееміи, не раньше конца владычества персовъ. Самымъ раннимъ срокомъ составленія книгъ Паралипоменонъ, слѣдовательно, можно считать 332 г. до Р. Х., какового мнѣнія придерживается и большинство новѣйшихъ критиковъ.“*)

Книга Ездры.

Книга Ездры въ еврейскомъ канонѣ соединена съ книгой Нееміи. Она продолжаетъ еврейскую исторію съ того времени, когда плѣненные евреи подъ предводительствомъ Зоровавеля возвращаются изъ Вавилона на родину около 536 г. до Р. Х. и съ нѣкоторыми перерывами излагаетъ событія послѣдующихъ ста лѣтъ. Книга эта естественнымъ образомъ распадается на двѣ части. Въ первой части заключается повѣствованіе о возстановленіи Іерусалимскаго храма, во второй о томъ, какъ Ездра уговаривалъ евреевъ развестись съ чужеземными женами, съ которыми они вступили въ бракъ во время плѣненія. Вѣроятно также, что въ ней содержатся мемуары, принадлежащіе перу Ездры, но въ общемъ — это работа компилятивная, составленная многимъ позже Ездры и, какъ полагаютъ, авторомъ книгъ Паралипоменонъ и Нееміи. Она написана частью на еврейскомъ языкѣ и частью на арамейскомъ (очень родственномъ еврейскому), на которомъ говорили евреи послѣ возвращенія изъ Вавилона.

Книга Нееміи.

Книга Нееміи — не что иное, какъ продолженіе книги Ездры. Она излагаетъ два важныхъ событія: возстановленіе стѣнъ Іерусалима и обнародованіе Ездрой Книги Закона, въ существенныхъ чертахъ, несомнѣнно, представлявшей тотъ же Левитскій законъ, изложенный въ 3 книгахъ Пятикнижія — Исходѣ, Левитѣ и Книгѣ Числъ. Послѣднее событіе составляетъ

*) „Introduction to the Literature of the Old Testament,“ стр. 486. Ewald, Bertheau, Schrader, Dillman, Ball, Oettli, Kuenen и Toy относятъ составленіе книгъ Паралипоменонъ къ этому же времени; Nöldeke считаетъ, что онѣ были написаны еще на столѣтіе позже. (ок. 200 г. до Р. Х).

эпоху въ исторіи Израиля. Когда Ездра прочиталъ новую Книгу Закона жителямъ Іерусалима и когда они между собой заключили торжественный договоръ принять этотъ законъ и повиноваться ему, — ихъ наивная старая пророческая вѣра умерла, и народилась новая еврейская церковь съ ея выработанными церемоніями, священнической іерархіей, системой жертвоприношеній и церковнымъ ритуаломъ. Литература, выросшая непосредственно на этой новой почвѣ и давшая историческое оправданіе новому направленію, состояла изъ книгъ Паралипоменонъ, Ездры и Нееміи.

Книга Эсѳирь.

Книга Эсѳирь скорѣе историческій романъ, чѣмъ исторія. Въ ней разсказывается о томъ, какъ Эсѳирь, красивая еврейка, жившая въ персидской столицѣ Сузахъ, возвысилась до положенія царицы, супруги царя Агасвера (Ксеркса)[1]), и спасла своихъ соотечественниковъ отъ страшнаго заговора, составленнаго царскимъ любимцемъ, придворнымъ Аманомъ. Цѣль этого разсказа — дать описаніе еврейскаго праздника Пуримъ, праздновавшагося 14 или 15 числа мѣсяца Адара, считавшагося временемъ освобожденія еврейскаго народа[2]). Въ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ книга эта стоитъ на очень низкой ступени. Часто обращали вниманіе на то, что въ ней совсѣмъ не упоминается имя Бога; но что еще хуже — это то, что она вся проникнута узкимъ мірскимъ мстительнымъ духомъ. Эвальдъ говоритъ, что, переходя отъ другихъ книгъ Ветхаго Завѣта къ книгѣ Эсѳирь, точно „падаешь съ неба на землю.“ Единственный благородный характеръ этого разсказа — Вашти, персидская царица, мѣсто которой заняла красивая, но жестокая Эсѳирь. Большинство критиковъ полагаютъ, что эта книга была написана не раньше, чѣмъ въ 332 году до Р. Х. (начала греческаго періода) и не позже, чѣмъ въ 200 г. до Р. Х.[3])

---

[1]) Въ русской Библіи онъ названъ Артаксерксомъ. *Прим. перев.*

[2]) Около 1-го Марта.

[3]) Изъ авторовъ, держащихся этого мнѣнія, упомянемъ слѣдующихъ: Bleek, Noldeke, Dillmann, Bertheau, Oettli, Driver и Toy.

VIII.

Еврейскіе пророки; происхожденіе пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта.

Историческое значеніе пророческихъ книгъ. До сихъ поръ еще не достаточно сознаютъ, какое важное значеніе имѣютъ пророческія книги при историческомъ изученіи Библіи. Намъ естественно кажется, что для того, чтобы изучить библейскую исторію, слѣдуетъ изучать однѣ лишь чисто историческія книги Ветхаго Завѣта. Но многіе ученые уже пришли къ тому убѣжденію, что самыя достовѣрныя историческія свѣдѣнія заключаются именно въ пророческихъ книгахъ. Эти послѣднія почти всѣ — подлинные историческіе документы, сохранившіе несравненно большую чистоту и цѣльность, чѣмъ историческія повѣствованія. И тогда какъ историческія повѣствованія образовались путемъ наслоенія и авторы ихъ намъ остались неизвѣстными, большинство авторовъ пророческихъ писаній намъ извѣстно. Поэтому съ трезвой научной точки зрѣнія слѣдуетъ, насколько это возможно, провѣрять историческія книги пророческими. Такъ и поступаетъ современная высшая библейская критика. Она подвергаетъ Ветхій Завѣтъ самому тщательному изученію при свѣтѣ, проливаемомъ пророческими писаніями, пользуясь этими наиболѣе достовѣрными документами для провѣрки прочаго историческаго ветхозавѣтнаго матерьяла*).

Появленіе еврейскихъ пророковъ и характеръ ихъ дѣятельности.

Прежде чѣмъ приступить къ изученію пророческихъ книгъ, скажемъ нѣсколько словъ о еврейскихъ пророкахъ, какъ о представителяхъ особой группы и о содержаніи ихъ пророчествъ вообще.

Хотя до насъ и не дошло болѣе раннихъ пророческихъ писаній, чѣмъ тѣ, которыя были составлены въ VIII вѣкѣ до Р. Х., это еще не доказываетъ, чтобы дѣятельность еврейскихъ пророковъ вообще началась только въ этомъ періодѣ.

Пророки существовали уже во времена Самуила, (1080 г. до

*) Наилучшую иллюстрацію этого можно найти, пожалуй, въ соч. Kuenen'a „Religion of Israel".

Р. Х.) и, быть можетъ, въ болѣе глубокой древности; ибо, какъ намъ извѣстно изъ Библіи, Самуилъ и самъ былъ пророкомъ, и кромѣ того основывалъ цѣлыя школы или общины пророковъ.

Но что касается этихъ раннихъ пророковъ, то духовный уровень ихъ былъ еще низокъ, дѣятельность ихъ была тѣсно связана съ гаданіями и прорицаніями и скорѣе была выраженіемъ какого-то безотчетнаго религіознаго энтузіазма или изступленія*). Тѣмъ не менѣе она уже и тогда содержала въ себѣ нѣкоторую долю нравственнаго элемента, безпрерывно развившагося до тѣхъ поръ, пока пророки не стали могучей нравственной силой.

Въ то время пророки были руководителями культа Ягве, въ отличіе отъ культа хананейскихъ боговъ, преобладавшаго между евреями въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій послѣ завоеванія ими страны Ханаанской. Вначалѣ они не были монотеистами, т. е. учили не тому, что Ягве *единственный* Богъ, а лишь тому, что онъ одинъ *Богъ Израиля* и что онъ могущественнѣе боговъ другихъ народовъ. Но мало по малу они возвысились до представленія о Ягве, какъ о Богѣ всей вселенной.

Такой же постепенный и безпрерывный ростъ замѣтенъ также и въ ихъ представленіяхъ о характерѣ Ягве. Правда, что они съ самаго начала отождествляли волю его съ справедливостью и праведностью; но эти понятія сами по себѣ въ то время были еще такъ грубы и несовершенны, что, по ихъ мнѣнію, Богъ удовлетворялся и даже требовалъ отъ нихъ такихъ поступковъ, которые теперь оскорбляютъ наше нравственное чувство. Таковы, напримѣръ, поступокъ Самуила, который „разсѣкъ Агага передъ Господомъ въ Галгалѣ,“ или избіеніе 450 пророковъ Ваала, произведенное Иліей при потокѣ Киссонѣ. Все это однако мало по малу переходитъ въ область давно прошедшаго и когда мы наконецъ достигаемъ VIII вѣка мы уже встрѣчаемъ пророковъ Ягве, исповѣдовавшихъ и проповѣдовавшихъ тотъ возвышенный этическій монотеизмъ, которому евреи остались вѣрны до конца.

---

*) Самъ Самуилъ, повидимому, бралъ деньги съ людей за то, чтобы сказать имъ, гдѣ они могутъ найти потерянныя вещи. См. I Царствъ, IX — X.

Прорицательный элементъ у еврейскихъ пророковъ.

По ходячему представленію главнымъ занятіемъ еврейскихъ пророковъ было предсказываніе будущихъ событій. Но ничто не можетъ быть ошибочнѣе такого представленія[1]), отъ котораго мы должны отрѣшиться навсегда, если мы хотимъ понять истинное значеніе древнихъ пророковъ. Пророки прежде всего были нравственные и религіозные проповѣдники и реформаторы. Основной темой ихъ проповѣдей была „праведность.“ „Богъ праведенъ и требуетъ праведности отъ своего народа. Праведный народъ будетъ спасенъ, неправедный же погибнетъ,“ — вотъ центръ тяжести всѣхъ ихъ пророчествъ. Правда, что въ нихъ есть и прорицательный элементъ. Но онъ никогда не составлялъ главной ихъ сущности. Предсказанія ихъ имѣли *болѣе глубокій нравственный смыслъ* и лишь предвѣщали то *наказаніе*, которое неизбѣжно должно было слѣдовать въ случаѣ, если нравственныя требованія *не будутъ исполнены.* Предсказанія эти слѣдовательно всегда имѣли условный характеръ[2]) и всегда относились къ тому времени, когда они были произнесены пророкомъ.[3])

Пророкъ страстно любилъ свое отечество. Онъ всей душой желалъ его безопасности, благоденствія и міра, и вѣрилъ, что единственный путь для достиженія этого есть путь праведнаго повиновенія Ягве. Поэтому пророкъ, обращаясь съ увѣщеваніями къ народу, настаивалъ на повиновеніи волѣ Ягве, возвѣщалъ народу награды за послушаніе, и кары за неповиновеніе. Онъ видѣлъ, опасности, грозившія народу то со стороны Ассиріи, то Вавилона, то Египта. „Покайтесь, восклицалъ онъ, отвратитесь отъ кумировъ, отрѣшитесь отъ грѣховъ вашихъ, дабы васъ не постигъ гнѣвъ Божій, дабы вы не погибли всѣ.“ Такимъ обра-

---

[1]) „Есть основанія сомнѣваться въ томъ, чтобы пророческое вдохновеніе когда либо могло дать ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія о какомъ-нибудь событіи, которое должно совершиться въ будущемъ.“ Ladd „Doctrine of Sacred Scripture“, т. I, стр. 224).

[2]) См. Іер. XVIII, 7 — 10.

[3]) „Пророкъ всегда говоритъ прежде всего о своихъ современникахъ: возвѣщаемое имъ тѣсно связано съ событіями того времени, въ которомъ онъ живетъ.“ (Driver, „Introduction to the Literature of the Old Testament,“ отр. 224).

зомъ онъ предсказывалъ народу тѣ неизбѣжныя послѣдствія его послушанія или непослушанія Ягве, которыя, какъ онъ думалъ, должны наступить неминуемо.

Другая миссія пророковъ состояла въ томъ, что они не давали народу падать духомъ. Въ тѣ мрачные дни, когда его постигало какое-нибудь бѣдствіе, когда онъ изнывалъ подъ тяжелымъ ярмомъ своихъ притѣснителей, — въ сердцѣ пророка занимались первые ободряющіе лучи надежды. Тогда онъ возвѣщалъ израильтянамъ, что Ягве не навсегда покинулъ ихъ, что онъ раскается въ своей суровости, что онъ имъ протянетъ руку помощи и *воздвигнетъ имъ спасителя.**) Такъ прорицали пророки въ теченіе столѣтій, укрѣпляя преданность народа Ягве, очищая его совѣсть, углубляя духовную его жизнь и поддерживая въ немъ надежду въ самые мрачные періоды бѣдствій и угнетеній.

Пророки не непогрѣшимы. Пророки эти были люди и поэтому они могли заблуждаться. И дѣйствительно: нерѣдко случалось, что бѣдствія, предвѣщаемыя ими, вовсе не наступали, или обѣщанное ими освобожденіе не осуществлялось, — мало того, у каждаго изъ пророковъ былъ свой индивидуальный характеръ, который иногда былъ далеко не идеальный. Это часто были люди суровые, непреклонные, аскеты, отталкивающіе своихъ слушателей излишней строгостью своихъ рѣчей. Были также лжепророки, которыхъ трудно было отличить отъ истинныхъ пророковъ. И въ тѣ времена, какъ и теперь, были и такіе пророки, которые „пророчили благополучіе“ только для того, чтобы пріобрѣсти народную благосклонность. Но эти

---

*) Надежда на избавителя была извѣстна подъ названіемъ ожиданія Мессіи. Она принимала много различныхъ формъ. Большей частью Мессію представляли себѣ царемъ, подобнымъ Давиду („Мессія“ значитъ „помазанникъ“, такъ какъ цари помазывались на царство; надѣялись и вѣрили, что Богъ современемъ пошлетъ царя и дастъ ему престолъ Давида съ тѣмъ, чтобы онъ сломилъ ненавистное иго чужеземнаго владычества и вернулъ Израилю его могущество и славу на землѣ. См. Martineau „Seat of Authority,“ стр. 326 — 358; Keim, „Jesus of Nazara“ т. I стр. 314 — 327; Toy „Judaism and Christianity“ (Index, „Messiah“); James Drummond, ;„The Jewish Messiah“; Briggs, „Messianic Prophecy“; Riehm, „Messianic Prophecy;“ Kuenen, „Prophets and Prophecy in Israel.“

послѣдніе, какъ теперь, такъ и тогда, вѣроятно рано или поздно платились за свои лжепророчества; и отъ нихъ до насъ конечно дошло только очень мало. Но всѣ библейскіе критики единогласно сходятся въ томъ, что пророческія писанія Ветхаго Завѣта въ общемъ отличаются серьезностью и добросовѣстностью.

Пророческія книги: происхожденіе, время составленія и авторы ихъ.

Разсмотримъ теперь каждую изъ пророческихъ книгъ по порядку съ тѣмъ, чтобы вкратцѣ изслѣдовать вопросъ о ихъ происхожденіи, времени составленія и о томъ, кто были ихъ авторы.

Мы можемъ изучать ихъ двоякимъ путемъ: или въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, соотвѣтствующемъ времени ихъ происхожденія и составленія, который очевидно есть естественный ихъ порядокъ; или же въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ расположены въ нашей Библіи и который не имѣетъ ничего общаго съ ихъ хронологическимъ порядкомъ и слѣдовательно совершенно произволенъ. Хотя по существу врядъ ли можно что-либо сказать въ защиту этого порядка, мы въ данномъ случаѣ все-таки будемъ придерживаться его, т. к. онъ уже разъ принятъ въ нашей библіи и это избавитъ насъ отъ лишнихъ затрудненій и путаницы.

Книга пророка Исаіи — первая пророческая книга по нашему канону; но сами евреи причисляютъ ее къ другому отдѣлу писаній. Тотъ отдѣлъ Библіи, который они называли „Пророками“, у нихъ начинался 6-ю книгами, отнесенными нами къ историческимъ и разсмотрѣнными нами какъ таковыя. Книги эти: Іисуса Навина, Судей, 1 и 2 Самуила и 1 и 2 Царствъ. Ихъ они называли „древнѣйшими пророками“. Послѣ нихъ они помѣщали книгу Исаіи и остальныя пророческія книги, какъ и въ нашемъ канонѣ, за исключеніемъ книги Даніила и книги Плачъ Іереміи, причисляемыхъ нами къ пророкамъ, но отнесенныхъ евреями къ тому отдѣлу Библіи, который они называютъ Гагіографіей, или писаніями*).

---

*) Евреи раздѣляли свои писанія на три главные отдѣла: 1) Законъ, 2) Пророки и 3) Гагіографія.

Книга пророка Исаіи по времени не первая изъ пророческихъ книгъ, и считать ее первой можно развѣ только на томъ основаніи, что она самая длинная и самая важная по содержанію. Два или три другихъ пророческихъ писаній вѣроятно предшествуютъ ей по времени, это книги Амоса, Осіи и, быть можетъ, Михея. Книга Исаіи очень объемиста и содержитъ 66 главъ; по единогласному утвержденію ученыхъ она принадлежитъ перу не одного только автора. Послѣднія 27 главъ были написаны какимъ-то неизвѣстнымъ авторомъ, жившимъ приблизительно на 200 лѣтъ позже, чѣмъ Исаія, вѣроятно въ Вавилонѣ. За недостаткомъ другого имени, этотъ авторъ критиками обыкновенно обозначается именемъ Второго Исаіи или Великаго Неизвѣстнаго. Очень вѣроятно, что и еще нѣсколько другихъ частей этой книги не принадлежатъ перу самого Исаіи*).

Исаія происходилъ изъ знатнаго рода. Онъ является однимъ изъ возвышеннѣйшихъ характеровъ Ветхаго Завѣта. Въ 740 г. до Р. Х. онъ выступилъ пророкомъ въ Іерусалимѣ, оставался имъ въ теченіе 40 лѣтъ и былъ столько же государственнымъ человѣкомъ, сколько и пророкомъ. Онъ былъ свидѣтелемъ войны Сиріи и колѣна Ефрема противъ колѣна Іуды, паденія Самаріи и осады Іерусалима ассирійцемъ Сеннахиримомъ. Всѣ его помыслы и заботы были направлены на безопасность и благополучіе своего народа. Въ Библіи нѣтъ писателя болѣе возвышеннаго, краснорѣчиваго и могучаго, чѣмъ Исаія, за исключеніемъ развѣ только второго Исаіи. Когда были соединены эти оба писанія, намъ неизвѣстно, но едва-ли это случилось раньше конца плѣненія (536 годъ до Р. Х.) Исаія же писалъ между 740 и 700 г. до Р. Х.

Книга пророка Іереміи. Пророкъ Іеремія началъ свою дѣятельность народнаго проповѣдника въ 625 году до Р. Х. въ Іерусалимѣ въ царствованіе Іосіи. Это былъ человѣкъ высокаго духа и вмѣстѣ съ тѣмъ горячій патріотъ. Подобно Исаіи онъ жилъ въ очень смутное время — видѣлъ паденіе Царства Іудейскаго, разрушеніе града святого, былъ свидѣтелемъ плѣненія евреевъ, хотя самъ онъ не былъ въ числѣ плѣнниковъ.

*) Главы XIII, XIV. 1 — 23, XV, XVI. 1 — 12 и вѣроятно XXI, XXXIV, и XXXV.

Къ концу своей жизни онъ съ нѣсколькими изъ своихъ соотечественниковъ переселился въ Египетъ, гдѣ и умеръ. Цѣль его пророчествъ было спасеніе его отечества отъ угрожавшихъ ему опасностей. Никогда не было проповѣдника праведности болѣе глубокаго и серьезнаго. Различныя пророчества, составляющія его книгу, не расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Мы не знаемъ, кто собралъ ихъ всѣ вмѣстѣ, но во всякомъ случаѣ не самъ Іеремія. Что послѣднія три главы принадлежатъ перу позднѣйшаго автора, теперь уже почти достовѣрно извѣстно.*) Іеремія писалъ между 626 и 580 г.г. до Р. Х., т. е. на 125 лѣтъ позже, чѣмъ Исаія.

Плачъ Іереміи состоитъ изъ пяти прекрасныхъ, чрезвычайно трогательныхъ поэмъ, оплакивающихъ разрушеніе Іерусалима и вызванныя имъ страданія народа. Въ нашей Библіи эта книга приписывается Іереміи, но большинство ученыхъ противъ этого мнѣнія. Она вѣроятно была составлена около 580 г. до Р. Х., т. е. года смерти Іереміи. Авторъ ея намъ неизвѣстенъ.

Книга Іезекіиля — по времени слѣдуетъ непосредственно за книгой Іереміи. Авторъ ея, бывшій какъ священникомъ, такъ и пророкомъ, былъ уведенъ плѣнникомъ въ Вавилонъ вмѣстѣ съ другими 10,000 евреевъ въ 597 году, за одиннадцать лѣтъ до разрушенія Іерусалима. Въ Вавилонѣ онъ проповѣдывалъ въ теченіе 22 лѣтъ. Книга его содержитъ какъ порицанія и предостереженія, такъ и утѣшенія для Израиля, въ ней есть зловѣщія предсказанія противъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ народовъ, и, что замѣчательнѣе всего, поразительное видѣніе храма, долженствовавшаго быть построеннымъ въ Іерусалимѣ, усовершенствованнаго церковнаго ритуала и возстановленнаго Израиля. Въ этомъ видѣніи онъ особенно сильно обнаруживаетъ священническій духъ. Оно дало сильный толчекъ священническому законодательству, развившемуся впослѣдствіи во всей его полнотѣ. Ясно, что Исходъ и Книга Чиселъ не могли еще существовать въ то время, когда было написано это видѣніе. Слогъ Іезекіиля отличается большой силой и образно-

*) Гл. X, 1 — 16 также считается подложной многими критиками. См. въ особенности стихъ на арамейскомъ языкѣ X, II.

стью. Образъ мыслей его церковный и, пожалуй, узко догматиченъ, но этическіе принципы — возвышенны. Время происхожденія его пророчествъ можно отнести къ 593 — 570 годамъ до Р. Х.

Книга Даніила. Трудно найти болѣе неподходящее мѣсто, чѣмъ то, которое отведено этой книгѣ въ нашей Библіи, а именно пятое въ ряду пророческихъ книгъ. Такъ какъ Даніилъ, считавшійся ея авторомъ, жилъ во время Вавилонскаго плѣненія, то обыкновенно и полагали, что ее слѣдуетъ помѣстить рядомъ съ книгами Іезекіиля и Іереміи. Теперь же лучшими библейскими критиками выяснено, что авторомъ этой книги былъ человѣкъ неизвѣстнаго имени, жившій въ царствованіе Антіоха Эпифана (около 195 г. до Р. Х.) и написавшій это произведеніе съ цѣлью ободрить и поддержать еврейскій народъ противъ притѣснителей и возвѣстить ему близкое освобожденіе. Именемъ Даніила оно было окрещено только для того, чтобы придать ему больше вѣсу и значенія. Изъ этого видно, что это самое позднѣйшее изъ пророческихъ писаній. Да его едва ли и вообще можно назвать пророческимъ. По крайней мѣрѣ Евреи, какъ уже сказано, не причисляли его къ таковымъ. Въ канонъ Ветхаго Завѣта оно было принято однимъ изъ самыхъ послѣднихъ, и многіе ученые всегда сомнѣвались, имѣлось ли дѣйствительно основаніе причислить его къ каноническимъ книгамъ. По характеру своему оно скорѣе можетъ быть названо апокалиптическимъ, чѣмъ пророческимъ. Фантастическія, яркія видѣнія будущаго ставятъ его наряду съ апокалиптической Книгой Еноха и *Сивиллинскими* оракулами — произведеніями того же времени, имѣвшими большое вліяніе на Евреевъ и первыхъ христіанъ. Одна изъ такихъ книгъ даже попала (хотя и не безъ затрудненій) въ Новый Завѣтъ; книга эта — Откровеніе.

Книга Осіи — есть первая изъ двѣнадцати мелкихъ пророческихъ книгъ, извѣстныхъ подъ названіемъ малыхъ пророковъ. У евреевъ всѣ они составляли одну книгу. Мы разсмотримъ ихъ отдѣльно, но не будемъ останавливаться на нихъ подолгу.

Переходя отъ книги Даніила къ книгѣ Осіи, мы дѣлаемъ скачекъ отъ самаго поздняго къ второму по древности пророческому писанію Ветхаго Завѣта, т. е. возвращаемся на 500

лѣтъ назадъ. Осія жилъ въ сѣверномъ царствѣ Израильскомъ и пророчествовалъ между 746 и 722 г.г. до Р. Х.

Книга пророка Іоиля. Переходя къ этой книгѣ, мы вѣроятно дѣлаемъ большой скачекъ *впередъ*, ибо хотя намъ съ точностью и неизвѣстно, когда жилъ пророкъ Іоиль, ученые склонны относить его книгу къ 300 г. до Р. Х., т. е. къ началу греческаго періода — 450 лѣтъ послѣ Осіи.

Книга пророка Амоса — снова возвращаетъ насъ назадъ къ самому началу писанныхъ пророчествъ, такъ какъ Амосъ былъ однимъ изъ первыхъ пророковъ, произведенія которыхъ сохранились. Онъ былъ собственникомъ и пастухомъ овецъ и рогатаго скота. Первоначально онъ жилъ въ Іудеѣ, но жизнь его и дѣятельность, какъ пророка, какъ видно протекла въ Сѣверномъ Царствѣ. Пророчества его принадлежатъ къ числу самыхъ возвышенныхъ. Они были направлены противъ идолопоклонства и безнравственности его времени. Какъ уже сказано, Амосъ и его младшій современникъ Осія были первыми пророками, проповѣдывавшими чистый этическій монотеизмъ. Жизнь его относится приблизительно къ 760 году до Р. Х.

Книга пророка Авдія — очень коротка и сравнительно незначительна. Единственная глава ея содержитъ пророчество, направленное противъ Едома. Пророкъ Авдій извѣстенъ намъ только по этому коротенькому писанію. Оно составлено около 586 г. до Р. Х., немногимъ позже разрушенія Іерусалима.

Книга пророка Іоны — единственная въ своемъ родѣ и представляетъ совсѣмъ особенный интересъ. Пророкъ Іона есть историческая личность, о которой упоминается во 2-ой Книгѣ Царствъ — XIV, 25.*) Но поименованная книга не могла быть написана имъ. Она вѣроятно была составлена въ V вѣкѣ и есть произведеніе чистаго вымысла — родъ религіозно-нравоучительной басни. Время ея происхожденія (время Ездры и Нееміи) отличается крайнимъ формализмомъ и узостью и стремленіемъ Евреевъ отдѣлить себя отъ всего міра, какъ единственный избранный Богомъ народъ. Книга Іоны есть протестъ противъ этого духа. Ея разсказъ о пророкѣ, посланномъ въ Ниневію, чтобы проповѣдывать язычникамъ, имѣетъ цѣлью по-

*) Т. е. въ 4 Книгѣ Царствъ, по русской синодальной Библіи. (*Примѣч. перев.*)

казать, что любовь и милосердіе Божіе простираются на весь міръ. Въ историческомъ отношеніи она содержитъ множество нелѣпостей, неподдающихся никакимъ объясненіямъ.

Но какъ произведеніе вымысла, содержащее хорошій урокъ религіозной терпимости, это одна изъ прекраснѣйшихъ книгъ Библіи.

Книга пророка Михея. Михей одинъ изъ самыхъ раннихъ пророковъ; онъ жилъ въ VIII вѣкѣ (745 — 702 г.), почти въ одно время съ Исаіей. По характеру онъ нѣсколько мраченъ; одной изъ преобладающихъ его мыслей является неотвратимое возмездіе Божіе за грѣхи народа. Въ то время евреямъ грозила опасность со стороны ассирійцевъ, и онъ предсказываетъ великое разореніе израильтянамъ, но, въ концѣ концовъ, обѣщаетъ имъ побѣду и освобожденіе. Часто онъ напоминаетъ собою Исаію, и нѣкоторыя мѣста его книги содержатъ самыя чистыя религіозныя поученія, какія только есть въ Ветхомъ Завѣтѣ.

Книги пророковъ Наума, Аввакума и Софоніи.

Эти пророчества относятся къ VI стол. до Р. Х. Наумъ и Софонія пророчествовали около 630 г., а Аввакумъ приблизительно около 605 г. Они направлены противъ сосѣднихъ народовъ и по содержанію своему не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Книга пророка Аггея — написана въ 520 г. до Р. Х., нѣсколько лѣтъ послѣ освобожденія Евреевъ изъ Вавилонскаго плѣна. Она состоитъ изъ настойчиваго увѣщанія возстановить Іерусалимскій храмъ, обращеннаго къ народу и его правителю.

Книга пророка Захаріи замѣчательна тѣмъ, что состоитъ изъ писаній 3-хъ различныхъ пророковъ. Захарія (сынъ Варахіи, сына Аддова) написалъ первыя 7 главъ и былъ современникомъ Аггея, которому отъ содѣйствовалъ въ его стремленіи возстановить Іерусалимскій храмъ. Что касается второго автора, написавшаго главы IX — XI, критики очень расходятся. Нѣкоторые относятъ его къ VII вѣку, другіе къ IV. О третьемъ авторѣ намъ извѣстно такъ же мало, какъ и о второмъ, имъ составлены XII — XIV гл. Мы не можемъ сказать съ достовѣрностью отчего произошла ошибка, вслѣдствіе которой эти три различныя пророчества были соединены вмѣстѣ. Очень можетъ быть, что у трехъ авторовъ

было одно имя, или же имена очень сходныя, и что это послужило поводомъ къ ихъ смѣшенію.

Книга пророка Малахіи — по нашему канону послѣднее изъ пророчествъ и находится въ самомъ концѣ Ветхаго Завѣта. Въ Библіи она отнесена къ 397 году, что довольно близко къ истинѣ, т. к. наиболѣе авторитетные ученые считаютъ, что она была написана около 420 г. до Р. Х. Она проникнута духомъ еврейскаго законничества, духомъ Ездры, ко времени котораго она и относится.

На этомъ мы покончимъ нашъ обзоръ пророческихъ писаній Ветхаго Завѣта. Несмотря на крайнюю сжатость этого обзора, намъ все-таки удалось изложить въ немъ тѣ главнѣйшіе факты относительно времени происхожденія и авторствъ писаній, которые теперь уже добыты библейской наукой; удалось также показать, что нигдѣ не собрано такъ много серьезныхъ, честныхъ, глубоко вѣрныхъ, истинно человѣческихъ мыслей, мыслей, имѣющихъ бо́льшую нравственную силу и болѣе важное религіозное значеніе для всего міра, чѣмъ именно въ этихъ пророчествахъ древняго Израиля.*)

Золотымъ вѣкомъ еврейскихъ пророчествъ были VIII и VII столѣтія, т. е. столѣтія, непосредственно предшествовавшія Вавилонскому плѣненію. Величайшее имя этого времени Исаія. Пророческій духъ было вспыхнулъ съ новой силой въ двухъ пророкахъ — Іереміи и Второмъ Исаіи — во время Вавилонскаго плѣненія. И послѣ плѣненія появлялись пророки, но въ общемъ пророчество ослабѣло и приходило въ упадокъ. Нарождалась

---

*) Читателямъ, желающимъ изучить болѣе подробно ветхозавѣтныя пророческія книги, совѣтуемъ обратиться къ слѣдующимъ сочиненіямъ: Kuenen, „Religion of Israel“, „Prophets and Prophecy in Israel“ и „National Religions and Universal Religions,“ лекціи II и III; Введенія въ Ветхій Завѣтъ Driver'a, Davidson'a и др.; Robertson Smith, „Prophets of Israel“ и „Old Testament in the Jewish Church“, гл. X; статьи „Prophet“ въ Encycl. Brit., принадлежащія перу W. R. Smith'a и A. Harnack'a, и статья „Israel“ (тамъ же), написанная Wellhausen'омъ; Noyes, „Translations of the Prophets, with Notes“; Ewald, „Prophets of the Old Testament“; Renan, „History of the People of Israel“, т. II и III; Stanley, „History of the Jewish Church“, т. I, лекціи XVIII — XX; Riehm, „Messianic Prophecy“; Herford, „Prophecies of the Captivity“.

новая сила — это сила священниковъ. Взоры людей обращались все болѣе и болѣе къ прошлому — преданіе пріобрѣтало все больше значенія. Составлялись своды законовъ, все болѣе и болѣе вытѣснявшіе собою ясновидѣніе пророковъ. По временамъ то здѣсь, то тамъ еще раздавались живые голоса пророковъ, но они казались лишь отголосками прошлаго. Подъ давленіемъ системы законниковъ и іерархіи, быстро развивавшейся послѣ плѣненія, пророчество наконецъ замерло совсѣмъ, но лишь съ тѣмъ, чтобы въ своемъ окончательномъ возрожденіи проявиться во всей своей славѣ и подарить міру христіанство.

IX.

Еврейская поэзія: происхожденіе Ветхозавѣтныхъ поэтическихъ писаній.

Еврейская поэзія очень стара и беретъ свое начало изъ далекихъ доисторическихъ временъ. Какъ у большинства народовъ, такъ и у евреевъ, древнѣйшая форма письменнаго выраженія мыслей и чувствъ была ритмическая. Въ Пятикнижіи и другихъ ветхозавѣтныхъ историческихъ книгахъ сохранилось много поэтическихъ произведеній, какъ короткихъ, такъ и длинныхъ, которыя безъ сомнѣнія гораздо древнѣе тѣхъ книгъ, въ которыя они вставлены; очень можетъ быть, что они были составлены неизвѣстными пѣвцами и, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, читались и распѣвались въ народѣ, прежде чѣмъ они попали въ тѣ историческіе разсказы, въ которыхъ они теперь находятся.*)

*) Наиболѣе замѣчательныя изъ этихъ произведеній слѣдующія: благословеніе Іакова, Быт. XLIX: пѣсни, воспѣтыя Моисеемъ и Маріямъ послѣ перехода израильтянъ черезъ Чермное море, Исх. XV; нѣсколько короткихъ поэтическихъ отрывковъ (заимствованныхъ изъ „Книги браней Іеговы“) въ гл. XXI книги Чиселъ; пророчество Валаама въ книгѣ Чиселъ, XXIII — XXIV; пѣснь Моисея и благословеніе Моисея, Втор. XXXII — XXXIII; нѣсколько строкъ о томъ, какъ солнце и луна остановились надъ Гаваономъ и надъ долиною Аіалонскою (изъ „Книги Праведнаго“), Іис. Нав., X; пѣснь Деворы и Варака, Суд., V; плачъ Давида по Іонаѳану, 2 Царствъ, гл. I (изъ „Книги Праведнаго“); пѣснь и послѣднія слова Давида, 2 Царствъ, XXII — XXIII. Слѣдуетъ замѣтить, что существуетъ

Въ пророческихъ писаніяхъ Ветхаго Завѣта тоже встрѣчается много поэтическихъ мѣстъ. И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ выраженіе мыслей и чувствъ пророковъ, подобныхъ Исаіи и Второму Исаіи достигаетъ своего наивысшаго напряженія, проза ихъ пріобрѣтаетъ все болѣе образный и патетическій характеръ, облекаясь въ ритмическую форму, и переходитъ въ поэзію.

Такъ что проза и поэзія въ Библіи постоянно сливаются вмѣстѣ, и провести между ними границу совершенно невозможно.

Есть, однако, *пять* книгъ, которыя нельзя отнести ни къ историческимъ, ни къ пророческимъ писаніямъ, и которыя могутъ быть причислены къ группѣ *поэтическихъ книгъ* въ собственномъ смыслѣ этого слова. Книги эти: Іова, Псалмы, Притчи, Екклезіастъ и Пѣснь Соломона. Разсмотримъ вкратцѣ время ихъ происхожденія, ихъ характеръ и авторство.

Книга Іова помѣщена первой. По общему мнѣнію это одна изъ величайшихъ и великолѣпнѣйшихъ поэмъ міра. По строенію и характеру она драматична, по замыслу — поучительна. Ея вступленіе и заключеніе нѣсколько прозаичны, но самая поэма въ высшей степени поэтична. Что дѣйствительно существовалъ такой замѣчательный и добрый человѣкъ, называвшійся Іовомъ и прошедшій черезъ всѣ тѣ несчастія, которыя описаны въ этой книгѣ, конечно болѣе или менѣе вѣроятно. Но что это произведеніе въ общемъ есть плодъ воображенія не можетъ подлежать сомнѣнію.

Поэма эта относится къ произведеніямъ той литературы, которая является спеціальнымъ выраженіемъ мудрости древнихъ евреевъ.*) Это попытка автора отвѣтить на вопросъ: почему Богъ допускаетъ, чтобы человѣка праведнаго постигли

большое разногласіе относительно времени, къ которому слѣдуетъ отнести составленіе этихъ отрывковъ. Нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно весьма древніе; другіе содержатъ отдѣльныя строки или болѣе длинные отрывки изъ древнихъ писаній; третьи, судя по нѣкоторымъ признакамъ, принадлежатъ къ столь же позднему или даже къ тому же періоду.

*) Къ этому роду произведеній относятся: книга Премудрости Соломона, книга премудрости Іисуса сына Сирахова и нѣкоторыя другія апокрифическія книги. (*Прим. перев.*)

несчастія и страданія? И въ ней видно особенное стараніе опровергнуть господствовавшее въ то время понятіе, будто бѣдствія посылаются людямъ, какъ наказанія за ихъ грѣхи, такъ что хорошаго или дурного человѣка можно узнать по тому внѣшнему благоденствію или невзгодамъ, которыя сопровождаютъ его жизнь. Противъ этого понятія авторъ протестуетъ всѣмъ существомъ своимъ и въ формѣ вымышленнаго имъ разсказа старается опровергнуть его. Онъ разсказываетъ о благочестивомъ мужѣ по имени Іовъ, будто бы жившемъ въ патріархальныя времена въ странѣ Уцъ. Долгое время онъ живетъ въ полномъ благополучіи; у него есть сыновья и дочери, стада крупнаго и мелкаго скота, онъ богатъ и пользуется почетомъ. Но внезапно на него обрушиваются несчастія; онъ теряетъ все имущество и всѣхъ своихъ дѣтей, къ довершенію всѣхъ бѣдствій его поражаетъ страшная болѣзнь. Трое изъ его друзей выражаютъ ему соболѣзнованіе и настаиваютъ на его покаяніи, т. к. согласно общепринятымъ вѣрованіямъ всѣ постигшія его бѣдствія посланы ему въ наказаніе за грѣхи. Но онъ настойчиво утверждаетъ, что никогда не былъ великимъ грѣшникомъ и напротивъ, всегда шелъ по пути праведности и что, если бы онъ только могъ предстать предъ лицо Господне, онъ доказалъ бы ему свою невинность. Несмотря на тяжелыя страданія, онъ однако не теряетъ вѣры въ Бога. Объясненіе значенія этихъ страданій вложено въ уста одного изъ выводимыхъ въ книгѣ лицъ и объясненіе это состоитъ въ томъ, что страданія посылаются людямъ для того, чтобы сдѣлать ихъ лучше. Въ то время какъ Іовъ бесѣдуетъ со своими друзьями на сценѣ появляется и самъ Іегова; отвѣты его принадлежатъ къ самымъ возвышеннымъ мѣстамъ Библіи; не снисходя до объясненій, онъ въ великолѣпныхъ выраженіяхъ и образахъ подтверждаетъ свое всемогущество и премудрость, которыхъ люди по своему ничтожеству не въ состояніи понять, но благоговѣйное преклоненіе передъ которыми составляетъ ихъ долгъ и высшую мудрость. Въ концѣ поэмы Іовъ снова представляется благоденствующимъ и счастливымъ.

Какъ отвѣтъ на поставленный ею глубокій вопросъ, поэму эту слѣдуетъ признать не вполнѣ удовлетворительной. Но по литературнымъ своимъ достоинствамъ и особенно по силѣ и яркости красокъ многихъ отдѣльныхъ мѣстъ, она выше всякихъ

похвалъ. Правда, что въ ней недостаетъ цѣльности, но по единогласному сужденію ученыхъ это происходитъ вслѣдствіе того, что въ ней попадаются отрывки, вставленные позднѣйшимъ авторомъ. Такова рѣчь Еліуя (XXXII — XXXVII главы), прозаическій конецъ поэмы (XIII, 7, — 17), бесѣда о мудрости въ главѣ XXVIII и другія менѣе значительныя мѣста.

Относительно авторства этой книги было много различныхъ предположеній. Во время оно, еще до начала библейской критики поэму эту считали обыкновенно историческимъ повѣствованіемъ и составленіе ея относили ко времени Моисея и даже авторомъ ея считали самого Моисея. Но взглядъ этотъ уже давно измѣнился, и новѣйшія изслѣдованія показали намъ, что не только невозможно доискаться имени автора книги, но даже мѣста его происхожденія. По мнѣнію однихъ критиковъ онъ жилъ въ сѣверной Палестинѣ, по мнѣнію другихъ въ южной, по мнѣнію третьихъ на самой окраинѣ юго-восточной части Палестины, по мнѣнію четвертыхъ въ Аравіи, а послѣднее мнѣніе склоняется въ пользу Южной Палестины. Относительно времени происхожденія поэмы профессоръ Давидсонъ пишетъ слѣдующее: „Только въ позднѣйшее время, когда еврейскому государству были нанесены нѣсколько роковыхъ ударовъ извнѣ и когда вслѣдствіе революцій и внутреннихъ раздоровъ множество незаслуженныхъ бѣдъ обрушилось на наилучшихъ изъ гражданъ, — могли возникнуть и постоянно требовать себѣ разрѣшенія вопросы, подобные тѣмъ, какіе поставлены въ книгѣ Іова... Подъ злоключеніями Іова вѣроятно кроются какія-нибудь общественныя бѣдствія, породившія у евреевъ неотложный, навязчивый вопросъ о значеніи зла. Такими общенародными бѣдствіями могли быть лишь расчлененіе или покореніе государства... Поэма эта, слѣдовательно, должна была быть составлена въ промежутокъ смутнаго времени между седьмымъ и началомъ пятаго столѣтія. Эвальдъ и многіе извѣстные авторы, писавшіе объ этой книгѣ, приписываютъ ей болѣе раннее происхожденіе. Но новѣйшіе ученые все больше склоняются къ тому мнѣнію, что она была написана уже послѣ нѣкоторыхъ пророчествованій Іереміи.“ Это послѣднее мнѣніе переноситъ ее, стало-быть, въ періодъ Вавилонскаго плѣненія. По мнѣнію Кюнена, упоминаемыя въ ней бѣдствія означаютъ низверженіе

и смерть Іосіи (609 г. до Р. Х.), но большинство ученыхъ склонны видѣть въ нихъ болѣе поздніе и тяжелые бѣдствія — разрушеніе Іерусалима и завоеваніе Іудейскаго царства, (586 г. до Р. Х.) Среди лучшихъ библейскихъ критиковъ не мало и такихъ, которые полагаютъ, что книга Іова была написана 100 лѣтъ послѣ Вавилонскаго плѣненія, т. е. въ періодъ Ездры, и къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ и профессоръ Той, одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ американскихъ критиковъ Ветхаго Завѣта*).

Псалтырь. Изъ всѣхъ книгъ Библіи быть можетъ легче всего понять значеніе и происхожденіе Псалтыря, если только не упускать изъ виду, что онъ есть именно Псалтырь — собраніе гимновъ Іудейской Церкви. Мы знаемъ, какъ въ наше время составляются сборники пѣсней (гимновъ), и библейская наука доказываетъ съ полной очевидностью, что точно такимъ же образомъ составился и Псалтырь Ветхаго Завѣта. Онъ слагался по мѣрѣ того, какъ выростали потребности Еврейскаго народа, и развивался и обогащался по мѣрѣ того, какъ слагались новыя пѣсни и гимны народа. Мы считаемъ его одной книгой, и это дѣйствительно такъ. Но тѣмъ не менѣе онъ составленъ изъ 5 книжекъ, т. е. пяти собраній псалмовъ, которыя можно отличить другъ отъ друга.

I книга (или собраніе) содержитъ псалмы отъ I - XLI**) и кончается славословіемъ:

„Благословенъ Господь, Богъ Израилевъ,
Отъ вѣка и до вѣка! Аминь, аминь!“

---

*) Краткое изложеніе соображеній, заставляющихъ относить написаніе книги Іова къ такому позднему періоду, можно найти въ сочиненіи Driver'a „Introduction to the Literature of the Old Testament.“ Изъ лучшихъ сочиненій о книгѣ Іова укажемъ слѣдующія: Cheyne, „Job and Solomon“; Книга Іова съ примѣчаніями A. B. Davidson'a въ Кэмбриджской Библіи (Cambridge Bible); статья того же автора объ Іовѣ („Job“) въ Encyclopaedia Britannica; Ewald, „Book of Job“ (переводъ, появившійся въ изданіи Williams & Norgate, въ Лондонѣ). Введенія въ Ветхій Завѣтъ Driver'a и S. Davidson'a; статья объ Іовѣ въ „Short Studies“, т. 1, Froude'a; Momerie, „Modern Christianity and other Sermons“ (значительная часть этого сочиненія посвящена анализу книги Іова); Genung, „Epic of the Inner Life.“

**) Въ русской Библіи — XL.

II книга — отъ XLII — XXII[1]) и кончается славословіемъ:

„Благословенъ Господь, Богъ Израилевъ, единъ творящій чудеса!

И благословенно имя славы Его во вѣкъ, и наполнися славою Его вся земля. Аминь и аминь!“

III книга начинается LXXIII псалмомъ и кончается LXXXIX[2]) псалмомъ съ слѣдующимъ славословіемъ:

„Благословенъ Господь во вѣкъ! Аминь, аминь!“

IV книга включаетъ псалмы XC — CVI[3]) и кончается славословіемъ:

„Благословенъ Господь, Богъ Израилевъ, отъ вѣка и до вѣка! И да скажетъ весь народъ: Аминь! Аллилуія!“

V книга состоитъ изъ CVII — CL псалмовъ и заканчивается псалмомъ-славословіемъ:

„Хвалите Бога во святыхъ Его; хвалите Его по тверди силы Его.“

Профессоръ Робертсонъ Смитъ говоритъ: „славословія, за исключеніемъ того, которымъ кончается IV книга, очевидно нисколько не связаны съ тѣми псалмами, за которыми они слѣдуютъ, и только служатъ обозначеніемъ конца каждой книги, согласно древнему благочестивому обычаю, нерѣдко встрѣчаемому въ восточной литературѣ, заканчивать составленіе или переписываніе каждаго тома коротенькой молитвой или славословіемъ.[4])

Эти пять книгъ или собраніе псалмовъ были составлены въ разное время, большинство изъ нихъ, если не всѣ, вѣроятно для употребленія во второмъ храмѣ. Въ концѣ концовъ всѣ собранія были соединены вмѣстѣ и образовали Псалтырь въ томъ видѣ, въ которомъ онъ существуетъ у насъ въ настоящее время. Соединеніе ихъ не могло быть исполнено раньше 150 года до Р. Х.

Что же можно сказать относительно авторовъ Псалтыря? Если мы обратимся къ обыкновенному англійскому изданію, то

---

[1]) — LXXI русск. изд.
[2]) LXXXVIII.
[3]) CV.
[4]) „Old Testament in Jewish Church,“ стр. 184.

найдемъ, что большинство отдѣльныхъ псалмовъ снабжены заголовками.

Заголовки эти якобы обозначаютъ время и равличныя обстоятельства составленія псалмовъ, а также и имена ихъ авторовъ. Вотъ нѣкоторые изъ такихъ заглавій: „Псаломъ Давида," „Псаломъ Асафа," „Псаломъ Соломона," „Псаломъ Давида, когда пророкъ Наѳанъ пришелъ къ нему послѣ того, какъ Давидъ согрѣшилъ съ Вирсавіей," „Псаломъ Давида, когда пришелъ Доигъ Идумеянинъ," и т. д. Еслибъ эти заглавія были достовѣрны, они заключали бы для насъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній, касающихся составленія и авторовъ различныхъ псалмовъ, — но достовѣрны ли они на самомъ дѣлѣ? По единодушному приговору ученыхъ они не заслуживаютъ довѣрія. Почти всѣ эти заглавія болѣе поздняго происхожденія, и вѣроятно нѣтъ ни одного изъ нихъ, которое бы было написано самимъ авторомъ псалма. Профессоръ Драйверъ говоритъ: „они (заголовки псалмовъ) не содержатъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній относительно авторства, или обстоятельствъ, при которыхъ эти псалмы были составлены."[1])

Въ прежнія времена вѣрили, что большинство псалмовъ было написано самимъ Давидомъ.[2]) Но въ наше время нѣтъ ни одного ученаго, который бы согласился съ этимъ мнѣніемъ. Эвальдъ приписываетъ Давиду 11 псалмовъ; Гитцигъ — 14; Деличъ — 44. Докторъ Робертсонъ Смитъ увѣренъ только въ составленіи двухъ псалмовъ Давидомъ. Кюненъ и Рейсъ совершенно отрицаютъ авторство Давида, профессоръ Той также. Профессоръ Драйверъ, въ настоящее время наиболѣе авторитетный представитель консервативныхъ направленій въ библейской наукѣ, послѣ тщательнаго изученія совершенно отказывается отъ рѣшенія этой проблемы, говоря: „въ общемъ мы должны произнести приговоръ: non liquet. Списокъ Давидовыхъ псалмовъ по Евальду, можетъ быть слишкомъ длиненъ, но въ то же время не можетъ быть доказано, чтобы вовсе не было псалмовъ, составленныхъ самимъ Давидомъ."[3])

---

[1]) Introduction to Literature of Old Testament, стр. 352.
[2]) Заголовки приписываютъ ему авторство 73 псалмовъ.
[3]) Introduction to the Literature of the Old Testament, стр. 358.

Кто же въ такомъ случаѣ написалъ эти драгоцѣнные гимны древности? Мы можемъ отвѣтить лишь слѣдующее: множество набожныхъ душъ древняго Израиля, жившихъ въ теченіе многихъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за Давидомъ (по мнѣнію профессора Тоя, послѣ Езекіи, 700 г. до Р. Х.) и во времена Маккавеевъ, т. е. до 150 г. до Р. Х.

Книга Притчей Соломона. Это поэтическое произведеніе въ то же время принадлежитъ къ тому классу писаній (уже упомянутыхъ нами) которыя подъ названіемъ „Книгъ Премудрости“ пользовались большимъ значеніемъ среди Евреевъ. Мы склонны думать, что нравственная и религіозная жизнь Израильскаго народа всецѣло сложилась подъ вліяніемъ его пророковъ и священниковъ. Но это ошибка. Со времени Давида и Соломона наряду съ пророками и священниками сталъ возвышаться еще третій классъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ „мудрецовъ“, пріобрѣтавшихъ съ теченіемъ времени все большее вліяніе на духовную жизнь народа. Наибольшаго вліянія они достигли послѣ освобожденія изъ Вавилонскаго плѣна. Отъ этихъ-то людей и исходятъ три книги Ветхаго Завѣта, именно: Іова, Притчи и Екклезіастъ, а также два цѣнныхъ произведенія: Книга Премудрости Іисуса, сына Сирахова, и Книга Премудрости Соломона, которыя мы можемъ найти въ апокрифическихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, т. к. они не вошли въ число еврейскихъ каноническихъ книгъ. Тогда какъ пророки были проповѣдниками и государственными людьми, а священники руководителями общественнаго религіознаго культа, мудрецы были мыслителями и философами, занимавшимися разрѣшеніемъ различныхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, вѣчно тревожащихъ умъ человѣка. Нѣкоторые изъ этихъ мудрецовъ не отличались особенной набожностью, но, обладая проницательнымъ умомъ, высказывали свои наблюденія надъ людьми и жизнью въ формѣ афоризмовъ и притчъ, какія содержатся, напримѣръ, въ Книгѣ Притчъ Соломона; другіе же посвящали свою жизнь разрѣшенію глубочайшихъ вопросовъ религіи, какіе мы встрѣчаемъ напр. въ книгѣ Іова.

Книга Притчъ есть трудъ не одного, но многихъ мудрецовъ. Она представляетъ какъ бы складъ всей литературы притчъ израильтянъ за нѣсколько столѣтій.

Ученые въ этой книгѣ распознаютъ по крайней мѣрѣ семь

частей, большей частью отдѣленныхъ другъ отъ друга заголовками и вступленіями. Важнѣйшія изъ этихъ частей заключаются въ главахъ I, 8 — IX, 18, которыя состоятъ не изъ отрывочныхъ притчъ, но изъ связныхъ разсужденій, превосходящихъ мудрость; въ главахъ X, I — XII, 16, состоящихъ изъ 374 стиховъ, изъ которыхъ каждый содержитъ какое-нибудь изреченіе изъ двухъ антитезныхъ строчекъ (каково напримѣръ: „разумный сынъ составляетъ радость отца, но неразумный сынъ горе матери“; затѣмъ въ главахъ XXV — XXIX, составленныхъ изъ отдѣльныхъ притчъ, быть можетъ древнѣйшихъ во всей книгѣ.

Относительно утвержденій въ 1 стихѣ первой главы, будто бы притчи эти составлены Соломономъ, консервативный ученый, профессоръ A. B. Davidson, говоритъ слѣдующее: „очень можетъ быть, что нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно были написаны Соломономъ, и что еще большее число ихъ принадлежатъ къ его времени; но такъ какъ это время было началомъ зарожденія еврейской мудрости, то вѣроятно, что въ этотъ ранній періодъ произведенія ея были менѣе многочисленны чѣмъ въ послѣдующіе вѣка, когда она достигла своего полнаго расцвѣта. Въ книгѣ Притчъ въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, собраны драгоцѣннѣйшіе плоды израильской мудрости за много столѣтій, и безъ сомнѣнія позднѣйшія столѣтія были богаче и производительнѣе первыхъ.“*) Побудительная причина того, что евреи приписали всѣ свои притчи авторству Соломона, несомнѣнно была та же, какая побудила ихъ считать Давида главнымъ псалмопѣвцемъ.**)

Въ какое же именно время были составлены всѣ эти собранія притчъ? Деличъ полагаетъ, что древнѣйшіе изъ нихъ (главы X, I — XXII, 16) были составлены въ 900 г. до Р. Х. Эвальдъ переноситъ ихъ на 100 лѣтъ позже. Другіе сборники были составлены въ разныя времена. Нѣкоторыя уже послѣ плѣненія, или даже въ Греческій періодъ. Окончательное соедине-

*) Encycl. Brit., ст. „Proverbs.“

**) Этотъ мотивъ повидимому присущъ былъ и другимъ народамъ и заставлялъ грековъ приписывать большинство ихъ нравоучительныхъ изреченій Пиѳагору, арабовъ — Локману и немногимъ другимъ, а скандинавовъ — Одину.

ніе въ одну книгу всѣхъ собраній Притчъ едва-ли могло быть произведено раньше 200 лѣтъ до Р. Х.

Екклезіастъ. Книга эта слаба какъ въ поэтическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи. Она принадлежитъ къ „Книгамъ Премудрости," но философія ея пессимистическая. Авторъ искалъ счастія по всѣмъ направленіямъ, но нигдѣ не могъ найти его. Онъ испыталъ богатство, славу, знанія, удовлетвореніе всѣхъ своихъ желаній, — но во всемъ этомъ нашелъ одну суету и томленіе духа. Все въ жизни преходяще, самъ человѣкъ существо преходящее; нѣтъ для него загробной жизни. Единственная выкупающая книгу черта — та, что измученный, упавшій духомъ авторъ ея увѣщеваетъ людей воздерживаться отъ излишествъ и жить въ страхѣ Божіемъ. Одно изъ непонятныхъ явленій въ Библіи то, что напр. эта книга принята канономъ, какъ боговдохновенное слово, тогда какъ книга, подобная „Премудрости Соломона," съ ея широкимъ, всеохватывающимъ духомъ и возвышенными взглядами на Бога, жизнь и безсмертіе, исключена изъ нея.

Авторъ Екклезіаста неизвѣстенъ. Утвержденіе, будто эта книга принадлежитъ перу Соломона, не имѣетъ никакихъ основаній. — Она вѣроятно была написана во второмъ или третьемъ вѣкѣ до Р. Х.*)

Пѣснь пѣсней Соломона. Даже если высшая библейская критика не дала бы намъ ничего, кромѣ разумнаго объясненія этой поэмы, она сдѣлала бы для насъ очень много. Ни одна изъ книгъ Библіи не была такъ ложно понята и такъ превратно перетолкована, какъ именно эта. Съ одной стороны ее опредѣляли какъ эротическую поэму, дышащую нечистымъ, похотливымъ духомъ и совершенно непригодную для чтенія. Съ другой же стороны ее называли божественной аллегоріей, изображающей любовь Христа къ его церкви — и каждый чувственный образъ ея толковали какъ символъ чего-нибудь духовнаго. Такъ, перелистывая лежащую передо мной англійскую Библію, я нахожу слѣдующіе заголовки различныхъ главъ Пѣсни пѣс-

*) Ewald, Delizsch и Cheyne считаютъ, что „Екклезіастъ" былъ написанъ не ранѣе послѣднихъ годовъ періода персидскаго владычества, окончившагося въ 332 г. до Р. Х.; Nöldeke, Hitzig, Künen, Driver и Toy относятъ время написанія этой книги приблизительно къ 200 г. до Р. Х.

ней: „любовь церкви ко Христу"; „Любовь Христа къ церкви"; „Слава церкви во Христѣ"; „изображеніе Христа въ его красотахъ"; „Христосъ изображаетъ красоты церкви"; „Христосъ направляетъ ее къ палаткамъ пастуховъ и показываетъ ей свою любовь" и пр.

Высшая библейская критика показываетъ намъ, что оба эти толкованія неправильны. Въ поэмѣ этой нѣтъ ничего нечистаго по духу, или непристойнаго, хотя по нашимъ современнымъ понятіямъ ея образы порой и преступаютъ границы приличія. Съ другой стороны нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать ее аллегоріей; ко Христу и его церкви она относится столько же, сколько и къ Адаму и Евѣ или Антонію и Клеопатрѣ. Книга не религіозна, и мы тщетно ищемъ объясненія, почему она попала въ составъ священныхъ писаній; въ то же время она и не безнравственна. Это маленькая любовная драма, безыскусственный разсказъ въ драматической формѣ о чистой, пылкой любви, устоявшей противъ всѣхъ соблазновъ и оставшейся вѣрной себѣ.*) Какъ поэма — она превосходна. Ея описанія природы и жизни среди нея принадлежатъ къ самымъ поэтическимъ въ литературѣ. Прежній взглядъ, будто она была написана Соломономъ, теперь уже давно оставленъ. Написана она, вѣроятно, послѣ Вавилонскаго плѣненія.

*) Проф. Driver слѣдующимъ образомъ излагаетъ вкратцѣ завязку этой драмы: „Прекрасная Суламитская дѣвушка, застигнутая царемъ и его свитой, во время ихъ путешествія на сѣверѣ, привезена во дворецъ, въ Іерусалимъ, и царь надѣется пріобрѣсти ея любовь и убѣдить ее промѣнять простую сельскую жизнь на почеты и удовольствія жизни при царскомъ дворѣ. Но дѣвушка уже отдала свое сердце молодому пастуху, и восторги и лесть царя не могутъ заставить ее забыть возлюбленнаго. Въ концѣ концовъ ей позволяютъ вернуться домой въ горы, и въ заключеніи поэмы дѣвушка и ея возлюбленный изображаются идущими рука объ руку и выражаютъ въ горячихъ и краснорѣчивыхъ словахъ преимущества истинной, естественно возгорающейся любви надъ любовью, которую можно купить богатствомъ или знатнымъ положеніемъ." (Introduction to the Literature of the Old Testament, стран. 410—411).

X.

Евангелія: ихъ происхожденіе и характеръ.

I.

Окончивши наше изученіе книгъ Ветхаго Завѣта, мы перейдемъ теперь къ Новому.

Что такое Новый Завѣтъ? При первомъ же знакомствѣ съ нимъ, мы видимъ, что онъ вполнѣ легко и естественно раздѣляется на двѣ почти равныя части. Первая часть состоитъ изъ 4-хъ Евангелій; вторая часть изъ слѣдующихъ за ними 23-хъ книгъ. Другими словами, первая часть даетъ намъ описаніе жизни и ученія Іисуса; вторая же состоитъ изъ писаній учениковъ и послѣдователей Іисуса и исторіи возникновенія Христіанской церкви.

Въ первой части мы будемъ имѣть дѣло съ первыми 3-мя Евангеліями — Матѳея, Марка и Луки, по поводу которыхъ мы должны задать себѣ тѣ же вопросы, какъ и по поводу книгъ Ветхаго Завѣта: кто ихъ писалъ? Когда они написаны? и что они представляютъ изъ себя?

Среди людей господствуетъ общее мнѣніе, что Евангелія были составлены раньше другихъ книгъ Новаго Завѣта. То, что они стоятъ первыми по порядку нашего канона, и также то, что они заключаютъ въ себѣ повѣствованіе объ Іисусѣ, положившемъ начало новозавѣтному движенію, — оба эти факта какъ будто подтверждаютъ это впечатлѣніе. И тѣмъ не менѣе оно невѣрно. Ранѣе всего написанныя книги Новаго Завѣта, какъ мы увидимъ это въ одной изъ слѣдующихъ главъ, суть Посланія св. Павла.

Первая Евангельская исторія была устная, а не письменная. — Въ теченіе почти цѣлаго поколѣнія разсказы о жизни и ученіи Іисуса распространялись только устно, сначала его учениками, а потомъ тѣми, кто слышалъ учениковъ его. И такъ наше Евангеліе опирается на древнія преданія.. И въ этомъ необходимо ясно отдать себѣ отчетъ при началѣ изученія Новаго Завѣта.

Самъ Іисусъ не писалъ ничего, и нѣтъ ничего страннаго, что пока онъ былъ живъ, никто не подумалъ составить лѣтопись о его словахъ и дѣлахъ. Когда послѣ его смерти его

послѣдователи начали разсказывать объ немъ и проповѣдывать его Евангеліе, все было свѣжо въ ихъ памяти; поэтому и не было никакой нужды дѣлать записи, кромѣ того они надѣялись на его скорое возвращеніе; а разъ онъ будетъ съ ними, зачѣмъ имъ было записывать о немъ?

Почему и какъ начались записи? — Время проходило, а Іисусъ не возвращался, сверхъ того воспоминанія, сначала такія отчетливыя и живыя, становились съ теченіемъ времени все болѣе смутными; и что всего важнѣй, одинъ за другимъ умирали тѣ, кто зналъ его лучше всего. И тогда возникло сознаніе необходимости писанныхъ воспоминаній.

Но кто написалъ ихъ? Іисусъ никому не поручалъ этого дѣлать. Кто принялъ на себя отвѣтственность? И если они писали, то въ какой формѣ? Въ то время какъ распространялись болѣе или менѣе опредѣленныя устныя преданія, основанныя на проповѣди разныхъ апостоловъ, создавались, какъ это всегда бываетъ, всевозможныя вымышленныя исторіи, легенды, которыя перепутывались съ преданіями. Таково было положеніе вещей, когда черезъ 25 — 30 лѣтъ послѣ смерти Іисуса началось, неизвѣстно кѣмъ и какъ, записываніе воспоминаній о великой жизни и великомъ ученіи.

Мы, однако, не должны предполагать, что эти первыя записи составили наше теперешнее Евангеліе. Библейская наука нашего столѣтія установила внѣ сомнѣнія, что по крайней мѣрѣ три наши Евангелія, такъ называемыя синоптическія, — Матѳея, Марка и Луки, — суть компиляціи, которыя достигли своего настоящаго вида только послѣ многихъ измѣненій.*)

Остались ли намъ какіе-нибудь слѣды отъ тѣхъ древнихъ записей или документовъ, которые существовали раньше нашихъ Евангелій? Да, хотя немногіе.

---

*) Слѣдуетъ замѣтить, что наши Евангелія озаглавлены не „Евангеліе Матѳея“, или „Евангеліе Марка“ и т. д., а „Евангеліе *отъ* Матѳея“, „Марка“ и проч., что весьма многозначительно. Повидимому это указываетъ на то, что не утверждается, будто Евангелія эти были написаны упомянутыми лицами, а лишь, что содержаніе ихъ въ общемъ согласно съ какими-нибудь документами, написанными этими лицами, или съ извѣстнымъ устнымъ преданіемъ, исходящимъ отъ нихъ. См. „Protestant Commentary on the New Testament,“ т. I, стр. 34.

Самые ранніе документы.

Оказывается, что многія произведенія христіанскихъ авторовъ I-го, II-го и III-го вѣковъ уцѣлѣли до нашихъ дней. Сквозь эти древнія писанія мы видимъ слѣды многочисленныхъ Евангелій и отрывковъ изъ Евангелій и другихъ документовъ, пространныхъ и краткихъ, которые раньше были въ обращеніи среди церквей и всѣ написанные съ той цѣлью, чтобы дать свѣдѣнія объ Іисусѣ. Не безъинтересно будетъ привести здѣсь самые важные изъ нихъ, а именно:

1. Собраніе *Изреченій Господнихъ*, приписываемыхъ Матѳею, не одинаковое съ нашимъ Евангеліемъ отъ Матѳея, но, вѣроятно, позднѣе вошедшее въ составъ этого Евангелія.

2. Собраніе *воспоминаній о событіяхъ изъ жизни Іисуса*, которыя, какъ говорятъ, взяты Маркомъ изъ проповѣдей *Петра;* очевидно, болѣе краткія и менѣе приведенныя въ порядокъ, чѣмъ наше Евангеліе отъ Марка, но, вѣроятно, лежащія въ основаніи этого Евангелія.

III. *Евангеліе отъ евреевъ*, которое, повидимому было въ большомъ распространеніи въ первомъ и второмъ столѣтіи среди Эбіонитовъ или іудейскихъ Христіанъ въ Палестинѣ. Оно иногда упоминается какъ Евангеліе *Эбіонитовъ* или *Назареновъ*. Обширныя выдержки изъ него уцѣлѣли въ писаніяхъ св. Іеронима.

IV. *Евангеліе отъ Египтянъ*, которое вѣроятно было въ широкомъ обращеніи въ Египтѣ. Повидимому, на немъ сильно сказалось вліяніе идей Филона Іудейскаго.

V. Такъ называемое *Евангеліе Господне*, также иногда именуемое Евангеліемъ *Маркіона*, потому что это было Евангеліе, употребляемое еретикомъ Маркіономъ и его сектой во II-омъ столѣтіи. Оно, повидимому, имѣло много общаго съ нашимъ Евангеліемъ Луки.

И такъ, мы видимъ, что наши настоящія Евангелія Новаго Завѣта не суть единственныя, или даже самыя раннія повѣствованія о жизни и ученіи Іисуса.

Но это не все. Съ открытіемъ этихъ первоначальныхъ евангельскихъ документовъ мы въ состояніи стать, какъ кажется, на твердую точку зрѣнія при анализѣ по крайней мѣрѣ двухъ изъ нашихъ настоящихъ Евангелій. Велико ли было

вліяніе древнихъ Евангелій отъ Евреевъ, Египтянъ и Маркіона на наши синоптическія Евангелія, мы сказать не можемъ, — быть можетъ оно было небольшое; но въ томъ, что Изреченія Господни (Logia) Матѳея и воспоминанія Марка суть наиболѣе важные документы, входящіе въ составъ нашего настоящаго Евангелія Матѳея и Марка, убѣждены многіе критики Новаго Завѣта, и мнѣніе это пріобрѣтаетъ все большее распространеніе. И дѣйствительно, принято думать, что наши первыя два Евангелія заимствовали свои названія отъ этихъ двухъ документовъ.*)

Составленіе Синоптическихъ Евангелій. Съ значительной правдоподобностью мы можемъ смотрѣть на составленіе трехъ Синоптическихъ Евангелій слѣдующимъ образомъ.

Основу перваго Евангелія, Евангелія *Матѳея* составляютъ *Логіи* или собраніе изреченій Іисусовыхъ, записанныхъ апостоломъ Матѳеемъ. Отсюда то преобладаніе словъ Учителя, которое отличаетъ его отъ другихъ Евангелій. Къ этому основному документу прибавленъ второй по важности біографическій очеркъ, заимствованный изъ документа Марка. Позднѣе вошли въ его составъ и другіе, частью изъ ходячихъ преданій, и очень вѣроятно, что частью изъ писанныхъ документовъ, теперь потерянныхъ.

Второе Евангеліе — Марка. Основу его составилъ документъ, представляющій воспоминаніе о разныхъ случаяхъ изъ жизни Христа, собранныхъ Маркомъ на основаніи проповѣдей Петра. Но къ нимъ прибавлено много изъ изреченій Іисуса, взятыхъ, повидимому, изъ документа Матѳея, а также изъ какихъ-то источниковъ, намъ неизвѣстныхъ.

Третье Евангеліе — Луки. О немъ мы не можемъ гово-

*) Такъ называемое „Евангеліе Петра," отрывокъ греческаго текста котораго былъ недавно найденъ, относится къ періоду никакъ не болѣе раннему, чѣмъ первая половина второго вѣка, и потому должно быть причислено, собственно говоря, къ одной категоріи съ „апокрифическими Евангеліями," о которыхъ идетъ рѣчь въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ этой книги. Евангеліе это, повидимому, могло бы пролить свѣтъ на нѣкоторыя стороны вопроса о происхожденіи и времени написанія нашихъ каноническихъ Евангелій. До сихъ поръ, однако, этого еще нельзя утверждать положительно; во всякомъ случаѣ найденный отрывокъ не представляетъ большой цѣнности.

рить столь опредѣленно. Что это компиляція, сдѣланная кѣмъ-нибудь, имѣвшимъ передъ собою различные писанные документы, на это указываетъ вступленіе къ этому Евангелію. Какіе же это были документы? Мы можемъ только сказать, что они должны были заключать въ себѣ наиболѣе важные оригинальные источники Евангелій Матѳея и Марка, иначе было бы невозможно то замѣчательное сходство, которое существуетъ между этими тремя Евангеліями.

Старѣйшее Евангеліе. — Вопросъ о томъ, какое изъ нашихъ Евангелій самое древнее, есть вопросъ первой важности. Многіе ученые до сихъ поръ держатся взгляда, обыкновенно поддерживаемаго въ прошломъ церковью, что первенство должно быть приписано Евангелію отъ Матѳея.*) Этотъ взглядъ, однако, не можетъ далѣе выдерживать критики. Уже въ прошломъ столѣтіи Herder въ Германіи приписывалъ первенство Марку. Но благодаря огромному вліянію Шлеермахера, который держался противоположнаго мнѣнія, мнѣніе Гердера было забыто и только, когда оно было вновь высказано въ 1838 году Германомъ Вейсомъ, на него обратили вниманіе ученые критики Новаго Завѣта. Со времени Вейса оно пріобрѣтало все большее число послѣдователей, и теперь можно сказать, что оно признано лучшими авторитетами. Кромѣ Гердера и Вейса можно назвать въ числѣ сторонниковъ этого мнѣнія слѣдующихъ европейскихъ ученыхъ: Вильке, Шенкель, Фолькмаръ, Вейцзекеръ, Пфлейдереръ, Бернгардтъ Вейсъ и Гольтцманъ. Въ Англіи и Америкѣ это мнѣніе подтверждается такими учеными, какъ Martineau въ его „Seat of Authority in Religion“; Dr. Abbot въ его талантливой статьѣ о Евангеліяхъ въ Encyclopaedia Britannica; prof. Estlin Carpenter въ его „Synoptic Gospels“ и Dr. Cone въ его „Gospel Criticism.“ Имѣя на своей сторонѣ такіе авторитеты, мы можемъ смѣло сказать, что Евангеліе Марка вѣроятно самое древнее изъ всѣхъ, дошедшихъ до насъ.

Что касается слѣдующаго по древности Евангелія, то авторитетное мнѣніе будетъ, вѣроятно, за Матѳея, а третьимъ за нимъ слѣдуетъ Лука, хотя какъ Пфлейдереръ и Карпентеръ, такъ

*) Мнѣніе это раздѣляется, между прочимъ, такими извѣстными писателями, какъ F. C. Baur, Hilgenfeld, Keim и Davidson.

и нѣкоторые другіе первоклассные критики ставятъ на второе мѣсто Луку, а Матѳея на третье. Но вопросъ о томъ, кто слѣдуетъ вторымъ, Матѳей, или Лука, не такъ важенъ, какъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли Маркъ есть самый древній?

Важность признанія Евангелія Марка древнѣйшимъ. Если мы признаемъ Евангеліе Марка древнѣйшимъ, то это объяснитъ намъ развитіе мысли Новаго Завѣта, потому что безспорно Евангеліе Марка есть простѣйшее изъ всѣхъ и представляетъ Іисуса наиболѣе опредѣленно и просто человѣкомъ и объясняетъ его миссію наиболѣе простымъ и понятнымъ образомъ.

Въ то время какъ у Матѳея изложеніе начинается длинной и невозможной генеалогической таблицей и цикломъ легендъ о чудесномъ рожденіи; въ то время какъ у Луки большая часть его первыхъ двухъ главъ наполнена разсказами о рожденіи съ сверхъестественными чудесами; въ то время какъ Іоаннъ начинаетъ свое повѣствованіе въ небесахъ представленіемъ Вѣчнаго Слова, воплощающагося и сходящаго на землю, — Маркъ начинаетъ простыми, вполнѣ ясными словами: „Начало Евангелія Іисуса Христа“.*) Маркъ выпускаетъ также тѣ изъ разсказовъ о явленіи Іисуса послѣ его воскресенія, которые болѣе всего похожи на легенды. Къ тому же, Евангеліе Марка даетъ указаніе на постепенное умственное и духовное развитіе Іисуса. Въ то время, какъ Матѳей и Лука представляютъ Іисуса имѣвшимъ съ самаго начала ясную идею о своемъ призваніи, какъ Мессіи, изъ Евангелія Марка слѣдуетъ, что идея эта росла постепенно и что впервые она была ясно высказана имъ въ Кесаріи Филипповой, спустя значительное время отъ начала его проповѣди.

Именно эта большая простота Евангелія Марка, его большая естественность въ изображеніи Іисуса, его сравнительная свобода отъ легендарнаго элемента, отъ признаковъ позднѣйшей обработки и отъ выраженій и намековъ на событія, указывающихъ на значительно позднѣйшее происхожденіе, все это было причиной, побудившей ученыхъ всего міра, все болѣе и болѣе склоняться къ тому взгляду, что это Евангеліе есть древнѣйшее.

---

*) Слова „Сына Божія“ подлежатъ сомнѣнію, такъ какъ они опущены въ нѣкоторыхъ древнихъ спискахъ.

Время появленія Синоптическихъ Евангелій. — Къ какому времени мы должны отнести Евангелія Матѳея, Марка и Луки?

Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ замѣтна несомнѣнная тенденція отнести время появленія Евангелій къ болѣе раннему періоду, чѣмъ это утверждается Тюбингенской школой. Однимъ изъ благопріятныхъ признаковъ времени служитъ стремленіе крайнихъ представителей библейской критики подойти ближе другъ къ другу и найти общую почву. До сихъ поръ существуетъ еще большая разница во взглядахъ относительно времени появленія Евангелій, но лучшіе теперешніе авторитеты почти единогласны, по крайней мѣрѣ въ томъ, что одно изъ Синоптическихъ Евангелій, или Марка, или Матѳея — должно было быть написано вѣроятно не позже разрушенія Іерусалима, которое произошло въ 70 году послѣ Р. Х.; и что другія два Синоптическія Евангелія появились въ теченіе слѣдующихъ 20 или 30 лѣтъ. Такъ что, если мы примемъ Марка за первое, а Матѳея за второе по времени, мы должны обозначить время появленія Марка около 70-го года, Матѳея, вѣроятно, между 70-мъ и 90-мъ, а Луки между 80 и 105.

Надо принять во вниманіе, однако, что эти даты относятся къ окончательной *компиляціи* каждаго Евангелія, къ тому времени, когда каждое изъ нихъ въ главнѣйшихъ чертахъ пріобрѣло ту форму, въ которой оно дошло до насъ, но не ко времени появленія второстепенныхъ документовъ, вошедшихъ въ составъ ихъ. Какъ Логіи или собраніе изреченій, которыми пользовался Матѳей, такъ и документъ, лежащій въ основаніи Евангелія Марка, безъ сомнѣнія появились нѣсколько раньше, — быть можетъ въ 60 или 55 годахъ, т. е. черезъ 25 или 30 лѣтъ послѣ смерти Христа.

XI.

Евангелія: ихъ происхожденіе и характеръ.

II.

IV-ое Евангеліе. Перехожу теперь отъ Синоптическихъ Евангелій къ четвертому, извѣстному подъ названіемъ Евангелія отъ Іоанна.

Мы видѣли, что Синоптическія Евангелія представляютъ изъ

себя компиляціи. 4-ое же Евангеліе, вѣроятно, не компиляція, или по крайней мѣрѣ ясно, что *главная часть* была написана однимъ авторомъ. Кто же былъ этотъ авторъ?

Мы приходимъ теперь къ вопросу, возбуждающему самые горячіе споры среди критиковъ Новаго Завѣта. Обыкновенный взглядъ, котораго придерживалась христіанская церковь въ прошломъ, былъ тотъ, что составителемъ этого Евангелія былъ Іоаннъ — ученикъ Іисуса. Въ настоящее время ученые, примыкающіе къ ортодоксіи, или евангелизму, обыкновенно придерживаются того же взгляда, хотя и *не всѣ*. И среди несогласныхъ есть нѣсколько весьма выдающихся критиковъ. Нѣкоторые же либеральные и независимые ученые согласны съ ортодоксальнымъ мнѣніемъ. Я думаю, однако, что, не отступая отъ истины, можно сказать, что изъ наиболѣе извѣстныхъ и достойныхъ довѣрія авторитетовъ новозавѣтной критики, въ настоящее время по крайней мѣрѣ половина не признаетъ Іоанна авторомъ Евангелія,*) и несомнѣнно, что взглядъ этотъ все болѣе утверждается**.)

Когда было написано 4-ое евангеліе? Отвѣтъ, который долженъ быть данъ на этотъ вопросъ, зависитъ отъ нашего рѣшенія относительно авторства его. Если мы согласны съ тѣ-

*) Вотъ имена нѣкоторыхъ изъ критиковъ, придерживающихся этого мнѣнія: F. C. Baur, J. J. Tayler, Keim, Holtzmann, Scholten, Pfleiderer, Schürer, Davidson, Martineau, Carpenter, E. A. Abbot, Cone.

**) Слѣдуетъ замѣтить, однако, что кромѣ этихъ двухъ крайнихъ взглядовъ (1-го, признающаго апостола Іоанна единственнымъ авторомъ четвертаго Евангелія, и 2-го, всецѣло отрицающаго авторство Іоанна) существуетъ еще *третій* взглядъ, примиряющій въ извѣстномъ смыслѣ оба эти крайнія мнѣнія и раздѣляемый нѣкоторыми компетентными и безпристрастными учеными, какъ напр. Wendt'омъ въ Германіи и Cone'омъ въ Америкѣ. Согласно этому взгляду четвертое Евангеліе въ той формѣ, какъ мы его знаемъ, написано было не Іоанномъ, а писателемъ, жившимъ позже апостольскаго періода, но авторъ этотъ обладалъ подлиннымъ разсказомъ, написаннымъ Іоанномъ, и включилъ его въ свое Евангеліе. Подлинный текстъ, принадлежащій перу Іоанна, находится такимъ образомъ въ такомъ же отношеніи къ тексту нашего 4-го Евангелія, въ какомъ Logia (изреченія), записанныя Матѳеемъ, стоятъ къ Синоптическимъ Евангеліямъ въ ихъ окончательной формѣ. Въ пользу этого взгляда можно привести много соображеній.

ми, которые говорятъ, что Іоаннъ былъ авторомъ этого Евангелія, то мы должны предполагать, что оно, вѣроятно, было написано немного ранѣе 100-го года, когда Іоаннъ былъ очень старъ, — предположеніе, которому трудно повѣрить, такъ какъ содержаніе этого Евангелія отнюдь не говоритъ о дряхлости его автора. Если мы согласимся съ тѣми, которые утверждаютъ, что это Евангеліе не могло быть написано Іоанномъ, тогда мы будемъ принуждены отодвинуть время его происхожденія во второе столѣтіе, быть можетъ между 130 и 140 годами.

Противуположности между Синоптическими Евангеліями и 4-мъ Евангеліемъ. Необходимо понять очень явственное и значительное различіе и даже противуположности, существующія между Синоптическими и 4-мъ Евангеліемъ. Они въ особенности замѣтны въ описаніяхъ Іисуса, какъ они намъ его изображаютъ. Вѣроятно лишь немногіе, чье вниманіе не было спеціально занято этимъ вопросомъ, вполнѣ сознаютъ, какъ во многомъ различается Іисусъ Іоанновъ отъ Іисуса Матѳея, Марка и Луки. Правда, есть различіе и въ изображеніи его Синоптическими Евангеліями. Всякій изъ Синоптическихъ писателей имѣетъ свою собственную точку зрѣнія и свои собственные оттѣнки при изображеніи Христа, тѣмъ не менѣе, въ общемъ, во всѣхъ трехъ Евангеліяхъ главнѣйшіе случаи изъ жизни Христа и выдающіяся черты его характера однѣ и тѣ же. Не то мы находимъ въ 4-омъ Евангеліи. Здѣсь почти все отличается отъ предыдущихъ. Синоптики изображаютъ Христа открыто проповѣдующимъ только въ теченіе одного года. По четвертому же Евангелію — въ продолженіе 3-хъ лѣтъ. Согласно съ Синоптическими Евангеліями время учительства протекло большею частью въ Галилеѣ, и только одинъ разъ онъ посѣтилъ Іерусалимъ, и это было незадолго до конца его жизни. По 4-му Евангелію онъ неоднократно посѣщалъ Іерусалимъ и большая часть времени его учительства протекла въ Іудеѣ. Въ Синоптическихъ Евангеліяхъ говорится о его плотскомъ рожденіи. Въ 4-мъ Евангеліи о немъ говорится, какъ о предвѣчномъ Логосѣ или Словѣ, сосуществующемъ съ Богомъ, сошедшемъ съ неба и явившемся въ человѣческомъ образѣ. Въ Синоптическихъ Евангеліяхъ Іисусъ есть человѣкъ; онъ ѣстъ, спитъ, голодаетъ, жаждетъ, утомляется, подвергается искушеніямъ, развивается умственно, чувствуетъ страхъ передъ

страданіями, унываетъ, молится и даже временами теряетъ сознаніе связи съ Богомъ. Онъ ограниченъ въ познаніи и силѣ, живетъ въ мірѣ всегда, какъ человѣкъ среди людей. Правда, ему приписывается чудесное рожденіе. Но люди того времени приписывали чудесное рожденіе Платону, и Александру, и Августу Цезарю. Его изображаютъ творящимъ чудеса. Но въ то время на чудотворства смотрѣли какъ на обычное явленіе. Его изображаютъ воскресшимъ изъ мертвыхъ. Но такъ же воскресали и Самуилъ, и Моисей, и Илія, а они были людьми.*)

Но лишь только мы перейдемъ къ 4-му Евангелію, мы попадаемъ совсѣмъ въ другую атмосферу. Іисусъ ужъ болѣе не человѣкъ. Онъ — сошедшее съ неба на землю таинственное существо, не вполнѣ Богъ, но гораздо выше человѣка; и онъ живетъ на землѣ, какъ существо изъ другого міра. Весь его способъ ученія совсѣмъ различный отъ предыдущаго. Въ Синоптическихъ Евангеліяхъ онъ повсюду учитъ притчами или краткими сжатыми изреченіями. Въ 4-мъ Евангеліи — нѣтъ притчъ и, вмѣсто краткихъ, хрустально ясныхъ изреченій, столь сжатыхъ, острыхъ, свѣжихъ и полныхъ смысла, что тотъ, кто знаетъ ихъ, никогда не забудетъ, — вмѣсто этого онъ говоритъ здѣсь пространно и произноситъ мистическія, метафизическія рѣчи.

Словомъ, все 4-ое Евангеліе указываетъ, что авторъ его имѣлъ въ виду преднамѣренную доктрину. Это не просто повѣсть, написанная безъ всякой тенденціи, съ желаніемъ просто разсказать о томъ, что дѣлалъ и говорилъ Іисусъ. Это защита, доказательство, документъ, написанный съ цѣлью показать, что Іисусъ былъ воплощеннымъ Словомъ Бога.

Эта огромная разница между 4-мъ Евангеліемъ и другими есть одна изъ главныхъ причинъ, почему столь многіе свободные отъ предразсудковъ ученые находятъ невозможнымъ допустить, чтобы оно могло быть написано однимъ изъ апостоловъ, и расположены поэтому вообще смотрѣть на него, какъ на произведеніе болѣе поздняго времени, когда простая чело-

*) Очевидно авторъ имѣетъ въ виду легенды о вызываніи тѣни Самуила Эндорской волшебницей и о появленіи Моисея и Иліи во время преображенія Христа. *(Пер.)*

вѣческая личность Іисуса была возведена въ нѣчто сверхъчеловѣческое. И дѣйствительно, одно изъ наиболѣе важныхъ заключеній библейской критики состоитъ въ открытіи порядка приблизительныхъ датъ и отношеній одного къ другому Евангелій и другихъ писаній Новаго Завѣта, благодаря чему мы въ состояніи прослѣдить, какъ измѣнялось понятіе объ Іисусѣ отъ простѣйшаго, какъ у Марка, до болѣе осложненнаго и экзальтированнаго, какъ у Матѳея и Луки, еще болѣе въ Посланіяхъ апостольскихъ и въ сильнѣйшей степени у Іоанна. Правда, что представленіе объ Іисусѣ еще не достигло высоты божества, превращеніе Іисуса изъ человѣка въ Бога окончательно происходитъ только на Никейскомъ соборѣ, въ 325 году; но уже въ то время, когда писалось 4-ое Евангеліе, представленіе это далеко ушло впередъ отъ предыдущаго.

Однако, не слѣдуетъ думать, что такой взглядъ на происхожденіе 4-го Евангелія упраздняетъ его, какъ малоцѣнный документъ. Далеко нѣтъ. Это только *измѣняетъ* его цѣнность, придавая ему цѣнность преимущественно этическую и духовную, вмѣсто исторической. Несмотря на то, что факты изъ жизни Іисуса такъ идеализированы на страницахъ этого Евангелія, что утратили значительную долю исторической правдоподобности, слѣдуетъ признать въ немъ болѣе глубокую и богатую оцѣнку самаго *духа* жизни и ученія Іисуса, чѣмъ, быть можетъ, въ любомъ изъ Синоптическихъ Евангелій и, вѣроятно, даже во всѣхъ другихъ книгахъ Новаго Завѣта.

Легендарный элементъ въ Евангеліяхъ.

При свѣтѣ современной науки слѣдуетъ сознаться въ присутствіи легендарнаго элемента въ Евангеліяхъ точно такъ же, какъ находили легенды въ различныхъ частяхъ Ветхаго Завѣта. Немало изъ чудесныхъ исторій въ Евангеліи безъ сомнѣнія представляютъ изъ себя легенды; напримѣръ, тѣ особенно интересныя чудесныя исторіи, которыя передаютъ о рожденіи Іисуса; подобные разсказы существуютъ относительно и многихъ другихъ великихъ историческихъ личностей.

И дѣйствительно, эти разсказы нашихъ евангелистовъ о рожденіи большею частью оченъ схожи съ тѣми, которые мы находимъ въ буддійской литературѣ относительно рожденія

Гаутамы-Будды. Интересно то, что относительно евангельскихъ исторій о рожденіи Іисуса мы въ состояніи прослѣдить, какъ развивались эти легенды, и, изучая ихъ такимъ образомъ, прійти къ заключенію, что онѣ не только не передаютъ дѣйствительные факты изъ жизни Іисуса, но присоединены были къ Евангеліямъ позже, — во время, которое мы можемъ приблизительно опредѣлить. Для того, чтобы увидѣть это, мы должны только открыть Библію. Просматривая начало Евангелія Марка, какъ наиболѣе раннее изъ всѣхъ, мы не находимъ тамъ ни одной изъ этихъ исторій о чудесномъ рожденіи. Зато, переходя къ болѣе позднимъ спискамъ Матѳея и Луки, — мы находимъ ихъ всѣ. Отсюда неизбѣженъ, кажется, выводъ, что въ то время, когда писалось Евангеліе Марка, онѣ еще не существовали; но во время составленія двухъ позднѣйшихъ Евангелій онѣ народились и пріобрѣли общее довѣріе, что вообще легко случается со всякими чудесными исторіями. Вслѣдствіи этого составители этихъ двухъ Евангелій включили ихъ въ свои повѣствованія.

Это хорошо иллюстрируетъ повсемѣстное развитіе легендъ. Важно обратить вниманіе на то, что повсюду, какъ въ Библіи, такъ и внѣ ея легенды появляются совмѣстно съ чудесами. Разсказы о чудесахъ могли быть не всегда легендарны, но легенды всегда или почти всегда облекаются въ форму чудеснаго. Вслѣдствіе этого каждый разъ при чтеніи буддійскихъ или греческихъ и римскихъ историческихъ сочиненій, встрѣчаясь съ разсказами о чудесномъ, мы сейчасъ же относимъ ихъ къ области легендъ, какъ насъ тому учитъ историческая критика; точно такъ же при изученіи Библіи, Ветхаго и Новаго Завѣта, когда мы находимъ разсказы о чудесныхъ происшествіяхъ, мы, какъ учитъ насъ здравая библейская критика, всегда задаемъ вопросъ: не легенда ли это? Историческая критика признала уже аксіомой, что присутствіе чуднаго элемента въ какомъ-нибудь разсказѣ или лѣтописи, хотя и не лишаетъ всякой достовѣрности эти произведенія, тѣмъ не менѣе бросаетъ на нихъ нѣкоторое подозрѣніе. Повѣствованіе, разъ заподозренное такимъ образомъ, можетъ быть принято за исторически вѣрное только послѣ глубочайшаго изслѣдованія на основаніи достовѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ.

Мы можемъ колебаться въ признаніи легендарнаго элемента

въ Евангеліяхъ изъ боязни, что это можетъ поколебать довѣріе къ нимъ и такимъ образомъ ослабить основаніе вѣры въ Христа. Но подобное положеніе не достойно честнаго изслѣдователя истины. Въ самомъ дѣлѣ, бояться критики, значитъ признать, что истина не можетъ постоять сама за себя.

Фр. Хеджъ (Dr. F. H. Hedge) говоритъ: „каждая историческая религія, которая завоевала себѣ мѣсто во всемірной исторіи, окружила каждый фактъ легендарнымъ сіяніемъ, которое критика не всегда можетъ отдѣлить, и которое народная вѣра даже не старается отдѣлять... Христіанство, такъ же какъ и всякая другая религія, имѣетъ свою миѳологію, — миѳологію до такой степени перепутанную съ дѣйствительными событіями изъ его древней исторіи, до такой степени сплетенную и спаянную съ его первоначальнымъ зарожденіемъ, что исторія и миѳъ не всегда могутъ быть различены одна отъ другого... Тѣмъ не менѣе истолкованіе нѣкоторыхъ частей Евангелія въ качествѣ миѳовъ не имѣетъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на характеръ личности Христа. Безпристрастный читатель этихъ списковъ долженъ видѣть, что евангелисты не выдумали этотъ характеръ; они не сочинили Іисуса своихъ повѣствованій; напротивъ, Іисусъ создалъ ихъ. Справедливо изреченіе, что только Христосъ могъ придумать Христа.“*)

Достовѣрность евангельской исторіи.

По единодушному приговору компетентныхъ авторитетовъ науки, евангельскія записи — произведенія человѣческія и, какъ таковыя, несовершенны. Онѣ отнюдь не свидѣтельствуютъ о всевѣдѣніи ихъ авторовъ или составителей; какимъ же образомъ могли бы онѣ быть свободны отъ заблужденій! Но хотя библейская критика и отрицаетъ ихъ непогрѣшимость, она въ то же время безусловно признаетъ всѣ ихъ достоинства, добросовѣстность и ихъ общую достовѣрность, которыя подтверждаются многочисленными доказательствами. Гиббонъ и Банкрофтъ могли ошибаться и нерѣдко ошибались относительно

*) „Ways of the Spirit“ стр. 319, 338. Вся глава о „Миѳическомъ элементѣ въ Новомъ Завѣтѣ“ полна интересныхъ соображеній, и ее прочтетъ съ пользой всякій, желающій понять, насколько независимы нравственныя и духовныя истины отъ той формы, въ которой онѣ выражены.

отдѣльныхъ утверждаемыхъ ими фактовъ въ ихъ исторіи о паденіи Рима или Американской революціи; что же касается общаго изложенія этихъ исторій, то оно конечно не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ его истинности. То же можно сказать и о Евангеліяхъ: въ нихъ можетъ быть и есть не мало фактическихъ погрѣшностей, происшедшихъ какъ вслѣдствіе легендарныхъ преувеличеній, такъ и разнаго рода человѣческихъ недостатковъ, но истинность ихъ основныхъ положеній, самой сути ихъ — не можетъ подлежать сомнѣнію. Относительно чудеснаго голоса, раздавшагося во время крещенія на Іорданѣ или числа надписей на крестѣ евангелическія записи могли ошибаться; но онѣ едва ли могли ошибаться относительно самаго существованія Іисуса и главнѣйшихъ фактовъ его жизни и смерти. Мы можемъ сомнѣваться въ томъ, исходятъ ли дѣйствительно такія-то или такія слова изъ устъ самого Христа, или же они записаны составителемъ Евангелія въ томъ видѣ, въ какомъ они сохранились въ его памяти по прошествіи четверти или трети столѣтія послѣ смерти Учителя. Но если только историческая и литературная критика вообще заслуживаетъ довѣрія, то мы не можемъ подвергать сомнѣнію тѣ немногія великія и простыя основныя истины, которыя, по свидѣтельству всѣхъ Евангелій, составляютъ самую сущность ученія Христа и которыя не только глубоко запечатлѣлись въ сердцахъ его слушателей, но подобно путеводнымъ звѣздамъ на небѣ освѣщаютъ путь всего человѣчества, — такія непреложныя истины, какъ напримѣръ тѣ, что всѣ мы братья и что у насъ одинъ Отецъ Небесный, что мы въ жизни должны руководиться золотымъ правиломъ другимъ не дѣлать того, чего не желаемъ себѣ, должны любить и прощать нашимъ врагамъ, жалѣть бѣдныхъ, что мы грѣшимъ и страдаемъ, что неизбѣжно возмездіе, что Царство Божіе тождественно съ любовью и добротой, что душа человѣческая божественна и безсмертна.*) Въ томъ, что

*) Желающимъ ознакомиться подробнѣе съ важными вопросами, затронутыми въ этой главѣ, совѣтуемъ обратиться къ слѣдующимъ сочиненіямъ: Keim, „Jesus of Nazara“, т. I; Davidson, „Introduction to the New Testament“, (Gospels); „Protestant Commentary on the New Testament“ (Introduction to the Gospels); Strauss, „New Life of Jesus,“ т. I, стр. 47 — 194 (Gospel Sources), Carpenter, „Synoptic Gospels“; Barrow,

эти великія истины составляютъ самую сущность христіанскаго ученія, мы можемъ быть такъ же увѣрены, какъ въ томъ, что существовалъ самъ Христосъ, и въ этомъ не сомнѣвается ни одинъ компетентный ученый нашего времени.

XII.

Павелъ и книга Дѣяній св. апостоловъ.

Приступая послѣ изученія Евангелій къ разсмотрѣнію другихъ книгъ Новаго Завѣта, мы переходимъ отъ изученія жизни и ученія Іисуса къ изученію жизни и дѣятельности его послѣдователей. Мы видѣли, какъ было положено основаніе христіанскаго зданія, теперь по порядку намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, какимъ образомъ стѣны зданія воздвигались его первыми строителями.

Прежде всего намъ приходится имѣть дѣло съ исторической книгой, называемой Дѣяніями апостоловъ. Она начинаетъ христіанскую исторію съ того момента, на которомъ остановились Евангелія, и, излагая ходъ событій за сорокалѣтній періодъ, достигаетъ того времени, когда образовалась цѣлая сѣть христіанскихъ общинъ, раскинувшихся не по одной только Палестинѣ, но и по всѣмъ главнѣйшимъ городамъ сосѣднихъ странъ. Кромѣ прежнихъ именъ мужчинъ и женщинъ, встрѣчавшихся намъ въ евангельскихъ повѣствованіяхъ, попадаются теперь имена совершенно незнакомыхъ намъ работниковъ Христовыхъ, иногда очень выдающіяся. Важнѣйшее изъ такихъ именъ — Савлъ изъ Тарса, извѣстный подъ именемъ Павла. И дѣйствительно послѣ Іисуса самая значительная и выдающаяся личность, имя которой связано съ основаніемъ христіанства и

„Regni Evangelium“, Cone, „Gospel Criticism and Historical Christianity“; Westcott, „Introduction to the Study of the Gospels“; Renan „Les Evangiles“; Bernhard Weis, „Manual of Introduction to the New Testament“; Baring Gould, „Lost and Hostile Gospels“; Martineau, „Seat of Authority“ (главы о Евангеліяхъ); Crooker „Jesus brought Back“ и „Different New Testament Views of Jesus;“ принадлежащая перу E. A. Abbott'a статья „Gospels“ въ Encycl. Brit.; Schürer о четвертомъ Евангеліи (Comtemporary Review сентябрь 1991 года.) Ezra Abbot и J. F. Clarke о томъ же; Chadwirsk, „Bible of To day,“ лекція VIII; Pfleiderer“, Development of Theology in Germany,“ книга III, гл. I.

твореніями Новаго Завѣта, есть Павелъ. Для того, чтобы лучше понять книгу Дѣяній и вышедшія изъ подъ его пера посланія, мы сначала должны ознакомиться съ его жизнью.

Апостолъ Павелъ: Павелъ повидимому никогда не зналъ и не видалъ Іисуса (во плоти), хотя онъ не могъ быть многимъ моложе его и былъ воспитанъ въ Іерусалимѣ. Онъ былъ пылкаго и порывистаго нрава и вскорѣ послѣ распятія Христа (можетъ быть черезъ 2 года) сдѣлался однимъ изъ выдающихся гонителей маленькихъ христіанскихъ общинъ, появлявшихся какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Съ тою же страстностью, съ какой онъ впослѣдствіи сдѣлался проповѣдникомъ христіанства, онъ сначала сталъ преслѣдовать ненавистную ему секту „Назарянъ“ и не только въ предѣлахъ Іерусалима и другихъ городовъ и деревень Іудеи, но въ концѣ концовъ и за предѣлами Палестины. Замѣчательное событіе, измѣнившее всю его жизнь, случилось на его пути въ Дамаскъ, лежавшій къ сѣверо-востоку, недалеко отъ границъ Палестины. Онъ отправлялся туда для искорененія новой ереси. Стойкость и сила вѣры тѣхъ женщинъ и мужчинъ, которыхъ онъ подвергалъ пыткамъ и даже смертной казни, очевидно сильно поразили его, и онъ не могъ отдѣлаться отъ глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго на него всѣмъ, что онъ узналъ о жизни, ученіи и геройскомъ мученичествѣ Іисуса. И когда передъ нимъ предсталъ городъ, въ которомъ онъ долженъ былъ возобновить свое жестокое, кровавое дѣло, его, какъ разсказываютъ, внезапно озарило какое-то видѣніе, — онъ увидѣлъ свѣтъ свѣтлѣе солнца и услышалъ голосъ, который сказалъ ему: „Савлъ, Савлъ! что ты гонишь меня?... Я Іисусъ, котораго ты гонишь.“ Здѣсь не мѣсто разбирать самую природу этого видѣнія. Довольно того, что мы знаемъ, что результатомъ его былъ полный переворотъ въ жизни Павла, и что изъ ревностнаго врага христіанской вѣры, какимъ онъ былъ прежде, онъ отнынѣ становится ея горячимъ защитникомъ и распространителемъ.

Прежде всего онъ пріобрѣлъ извѣстность въ Антіохіи, богатой и многолюдной столицѣ Сиріи, гдѣ мало по малу образовалась смѣшанная община христіанъ изъ евреевъ и язычниковъ. Здѣсь Павелъ проповѣдовалъ и отсюда, какъ изъ своей главной квартиры, онъ отправлялся на проповѣдь во всѣ части Сиріи и Киликіи.

Раздѣленіе среди христіанской церкви.

Именно здѣсь въ Антіохіи впервые возникъ великій споръ, взволновавшій и раздѣлившій древнюю христіанскую церковь. Явился вопросъ: для евреевъ ли только христіанство или также для язычниковъ? Если оно также для язычниковъ, то должны ли они сначала пройти черезъ іудейство, т. е. обрѣзаніе и соблюденіе еврейскихъ обрядовъ и нравственныхъ предписаній, или нѣтъ? Вопросы эти, возникшіе сначала въ Антіохіи, скоро потребовали себѣ разрѣшенія и въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ въ христіанство стали обращаться и другіе народы. Спрашивалось, какимъ образомъ слѣдовало при этомъ поступать съ ними? Павелъ съ самаго начала взглянулъ на дѣло очень широко. Онъ провозгласилъ, что крестная смерть Іисуса ознаменовала новый договоръ между Богомъ и человѣкомъ, упразднившій и замѣнившій собою старый договоръ, заключенный на горѣ Синайской. Въ этомъ новомъ договорѣ законъ былъ упраздненъ; единственнымъ условіемъ спасенія сдѣлалась *вѣра*, и такимъ образомъ различіе между евреями и язычниками было устранено. Еврейскимъ христіанамъ такая точка зрѣнія казалась слишкомъ крайней и радикальной, неудивительно поэтому, что возникло разногласіе. Въ Іисусѣ они видѣли лишь еврейскаго Мессію, тогда какъ Павелъ провозгласилъ его Спасителемъ всего человѣчества. Они учили вновь обращенныхъ, что войти въ новое царство Мессіи они могутъ только послѣ того, какъ исполнятъ обрядъ обрѣзанія и подчинятся всѣмъ еврейскимъ законамъ относительно ѣды, субботняго дня и проч. Павелъ же говорилъ, что единственное условіе обращенія — вѣра во Христа и душевная чистота передъ Богомъ. Вскорѣ Іерусалимская церковь, чуя приближающуюся опасность, отправила къ языческимъ христіанамъ въ Антіохію своихъ пословъ, требуя отъ нихъ подчиненія еврейскому закону и настаивая въ особенности на совершеніи обряда обрѣзанія. Препирательства становились все серьезнѣе. Тогда Павелъ, надѣясь какъ нибудь уладить разногласія, взялъ себѣ въ помощники Варнаву и Тита и пошелъ съ ними въ Іерусалимъ. Тамъ онъ представилъ все дѣло стоявшимъ во главѣ Іерусалимской церкви Петру, Іоанну и Іакову, и, хотя ему и не удалось убѣдить ихъ вполнѣ, они все-таки пришли къ слѣ-

дующему временному соглашенію: апостолы посвятятъ себя миссіонерской дѣятельности внутри самой Іудеи, Павелъ же будетъ проповѣдовать среди язычниковъ, причемъ никто не будетъ вмѣшиваться въ его дѣла, даже въ томъ случаѣ, если онъ не найдетъ нужнымъ настаивать на обрѣзаніи обращенныхъ. На основаніи этого уговора, Павелъ былъ принятъ въ число сотрудниковъ апостоловъ и, довольный результатами своихъ переговоровъ, вернулся обратно въ Антіохію.

Но разногласіямъ этимъ еще не былъ положенъ конецъ. Между пониманіемъ новаго религіознаго движенія Павломъ и пониманіемъ Іакова, Петра и Іоанна была слишкомъ большая разница. Евреи вообще считали Іисуса еврейскимъ Мессіей, долженствующимъ въ скоромъ времени вернуться къ нимъ, чтобы основать среди нихъ свое царство. И тогда какъ Іерусалимскіе апостолы въ новой вѣрѣ видѣли лишь дальнѣйшее развитіе іудейства (т. е. іудейство плюсъ осуществленіе его упованій на Мессію), христіанство для Павла было іудействомъ, преобразившимся во всемірную религію. Это коренное разномысліе не могло не поддерживать и не порождать все новыхъ дѣленій внутри христіанской церкви въ теченіе двухъ или трехъ поколѣній, и оно же было причиной того, что вся жизнь Павла протекла въ тяжелой борьбѣ и враждѣ, въ безпокойствахъ и горестяхъ. Понять это, значитъ найти ключъ ко всему, что иначе казалось бы необъяснимымъ, какъ въ Дѣяніяхъ апостоловъ и Посланіяхъ Павла, такъ и во всей второй половинѣ Новаго Завѣта. Всю свою жизнь Павелъ посвятилъ неустанной пропагандѣ Христовой вѣры, основанію и поддержанію церквей (христіанскихъ общинъ) въ Малой Азіи, на Кипрѣ, въ Македоніи, въ Греціи и Римѣ. Исторія его дѣятельности изложена частью въ Дѣяніяхъ и частью въ Посланіяхъ Павла.

Дѣянія Апостоловъ. Во вступительномъ стихѣ этого писанія говорится о томъ, что оно составлено тѣмъ же авторомъ, какимъ написано и Евангеліе отъ Луки. Это подтверждается какъ сходствомъ слога авторовъ и ихъ общимъ пониманіемъ христіанскаго движенія, такъ и древними церковными преданіями.

Книга Дѣяній продолжаетъ Евангельское повѣствованіе съ того момента, на которомъ оно прерывается въ Евангеліяхъ,

т. е. со смерти Іисуса (35 г. п. Р. Х.) и доходитъ до 64 г., считающагося годомъ смерти св. Павла въ Римѣ. Это обстоятельство вѣроятно послужило основаніемъ того, что собиратели Новозавѣтныхъ писаній помѣстили эту книгу между Евангеліями и Посланіями Павла вмѣсто того, чтобы отвести ей мѣсто въ концѣ Новаго Завѣта, соотвѣтствующее ея по времени ея составленія.

Произведеніе это естественнымъ образомъ дѣлится на двѣ части. Первая, простирающаяся отъ начала и до IX главы 30 ст., даетъ какъ бы отчетъ о распространеніи Евангелія и основаніи церкви въ самой Палестинѣ. Вторая, значительно длиннѣйшая, чѣмъ первая, обнимаетъ всю остальную часть книги и описываетъ христіанское движеніе въ Западной Азіи, затѣмъ въ Европѣ и, наконецъ, въ столицѣ Римской Имперіи. Въ первой части, трактующей о распространеніи Евангелія въ Палестинѣ, самой выдающейся личностью является апостолъ Петръ; во второй, повѣствующей о распространеніи христіанства между язычниками, — св. Павелъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ историческомъ отношеніи книга эта далеко не удовлетворительна. Вещи самыя незначительныя въ ней описываются съ большими подробностями, тогда какъ предметы и событія величайшей важности въ ней упоминаются только въ самыхъ общихъ чертахъ, если не совсѣмъ замалчиваются. Есть-ли какая-нибудь возможность понять, чѣмъ собственно руководился авторъ этой книги, упоминая объ однихъ вещахъ и умалчивая о другихъ? Другими словами, имѣлъ ли онъ какую-нибудь другую цѣль, кромѣ простого повѣствованія? И если это такъ, то можемъ ли мы открыть, какова эта цѣль? Вопросы эти были предметомъ продолжительныхъ толковъ и споровъ. Представители Тюбингенской школы критиковъ въ Германіи съ большой силой поддерживали то мнѣніе, что цѣль этой книги очевидно въ томъ, чтобы насколько возможно затушевать то глубокое разъединеніе, которое такъ долго существовало между первыми христіанами, и показать, что еврейскіе и языческіе христіане всегда были въ ладу и согласіи и составляли какъ-бы единую каѳолическую церковь. Такъ что всѣ событія, указывающія на разногласія между христіанами, обыкновенно оставляются безъ вниманія, тогда какъ все, что только могло свидѣтельствовать о братствѣ и совмѣстной дѣятельности

христіанъ, особенно сильно подчеркнуто. По мнѣнію критиковъ такой способъ изложенія порой совершенно искажаетъ истинные факты исторіи. Павелъ, напримѣръ, бывшій вождемъ языческихъ христіанъ и, какъ таковой, жестоко преслѣдуемый еврейской церковью въ теченіе всей его проповѣднической дѣятельности, въ Дѣяніяхъ представленъ дѣйствующимъ заодно и въ тѣснѣйшей дружбѣ съ Петромъ, вождемъ противной партіи. Оба апостола представлены занимающими одинаковое положеніе и пользующимися у всѣхъ одинаковымъ почетомъ. Читая Дѣянія апостоловъ, мы получаемъ такое впечатлѣніе, что Павелъ и Петръ какъ бы помѣнялись мѣстами и характерами. Дѣло представлено такъ, будто въ обращеніи язычниковъ первый шагъ сдѣлалъ не Павелъ, а Петръ. Одно изъ самыхъ широкихъ и замѣчательныхъ изреченій Новаго Завѣта вложено здѣсь въ уста Петра, а не Павла: „Богъ нелицепріятенъ; но во всякомъ народѣ боящійся его и поступающій по правдѣ пріятенъ ему.“ И опять-таки не Павелъ, а Петръ отправляется изъ Іоппіи въ Іерусалимъ, чтобы вступить въ переговоры съ апостолами и братьями и выхлопотать языческимъ христіанамъ наравнѣ съ евреями открытый доступъ ко всѣмъ благамъ христіанства. Съ другой стороны Павелъ якобы признаетъ обязательность извѣстной части еврейскаго закона для христіанскихъ общинъ язычниковъ; онъ самъ строго исполняетъ законъ Моисея; совершаетъ обрядъ обрѣзанія надъ сыномъ грека, такъ какъ мать его была еврейкой; считаетъ себя обязаннымъ соблюдать еврейскіе праздники; произноситъ обѣтъ Назорейства; выдаетъ себя евреямъ за вѣрующаго въ писаніе въ прежнемъ смыслѣ и за фарисея, и всегда и до самаго конца онъ представленъ проповѣдующимъ прежде всего среди евреевъ, въ какомъ бы мѣстѣ онъ ни находился.

Все это, какъ говорятъ Бауръ и Целлеръ, представляетъ намъ картину совершенно непохожую на ту, которую рисуетъ самъ Павелъ въ своихъ Посланіяхъ; картины эти настолько различны между собой, что ихъ совершенно невозможно примирить. Что же можно сказать на это? Библейская наука нашего времени раздѣляетъ мнѣніе Тюбингенскихъ критиковъ только отчасти; она обвиняетъ ихъ въ томъ, что они заходятъ слишкомъ далеко, преувеличиваютъ и сами создаютъ себѣ трудности, какихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Въ то же время она при-

знаетъ, что въ ихъ мнѣніи заключается и много такого, что можетъ устоять противъ всякихъ возраженій. Чѣмъ тщательнѣе изслѣдованія „Дѣяній Апостоловъ," тѣмъ яснѣе намъ становится, что это есть „писаніе тенденціозное". Оно преслѣдуетъ иную цѣль, чѣмъ простое повѣствованіе; у него есть предвзятое намѣреніе. Отношенія между Петромъ и Павломъ, еврейско-христіанской церковью съ одной стороны и языческо-христіанской съ другой, какъ они представлены въ этой книгѣ, не всегда согласуются съ тѣмъ, что объ этомъ же предметѣ говоритъ Павелъ въ своихъ Посланіяхъ. Но если не упускать этого изъ виду, то слѣдуетъ признать за ней важное историческое и религіозное значеніе. Если же не обратить на это вниманія, то книга можетъ подать поводъ ко многимъ заблужденіямъ.

Намъ довольно важно помнить кромѣ того, что произведеніе это, какъ и первое произведеніе того же автора (Евангеліе отъ Луки) по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени есть трудъ компилятивный. Можно прослѣдить въ немъ нить нѣсколькихъ различныхъ писаній и особенно отчетливо одну изъ его составныхъ частей. Читая вторую половину Дѣяній, мы замѣчаемъ, что разсказчикъ безо всякаго видимаго къ тому повода мѣняетъ употребленіе 3-го лица на употребленіе 1-го лица множественнаго числа „мы." Это мѣстоимѣніе „мы," встрѣчающееся въ различныхъ мѣстахъ писаній, по мнѣнію критиковъ, означаетъ то, что компиляторъ вставилъ въ свое повѣствованіе отдѣльные отрывки изъ другого документа, представляющаго родъ путевыхъ замѣтокъ.*)

Опредѣлить время написанія Дѣяній не легко. Мнѣнія ученыхъ на этотъ счетъ очень расходятся. По сужденію такихъ авторитетовъ, какъ напримѣръ Мейеръ, книга Дѣяній относится къ 80 г. по Р. Х. По мнѣнію другихъ къ 130 г. или еще позднѣйшему времени. Но эти мнѣнія составляютъ двѣ противуположныя крайности. Вѣроятнѣе всего, что книга эта была написана между 90 и 110 г.; и это, пожалуй, все, что можно сказать съ достовѣрностью. Мѣстомъ же написанія Дѣяній вѣроятно былъ Римъ.

*) XVI, 10 — 17; XX, 4 — 15; XXI, 1 — 18; XXVII, 1 — XXVIII, 16.

XIII.
Посланія Павла.*)

Послѣ Евангелій Посланія св. Павла составляютъ важнѣйшую группу новозавѣтныхъ писаній. Сколько ихъ именно, намъ достовѣрно не извѣстно. Павлу обыкновенно принято приписывать 14 Посланій, но библейская критика находитъ это число невѣрнымъ. Окончательно установлено его авторство только за 4 Посланіями, а именно: Посланіемъ къ Римлянамъ, первымъ и вторымъ къ Коринѳянамъ и къ Галатамъ; къ этимъ четыремъ по мнѣнію большинства критиковъ слѣдуетъ прибавить еще 3 — первое къ Ѳессалоникійцамъ, къ Филиппійцамъ и къ Филемону. Относительно посланія къ Колоссянамъ, Ефесянамъ и II къ Ѳессалоникійцамъ — мнѣнія критиковъ раздѣлены приблизительно поровну. Что I и II посланія къ Тимофею и Титу принадлежатъ позднѣйшему писателю, теперь почти установлено; что же касается посланія къ Евреямъ, то никто изъ ученыхъ уже не думаетъ упоминать о немъ въ связи съ Павломъ.

Посланія Павла особенно цѣнны для насъ по тремъ причинамъ: во-первыхъ, потому что они самыя раннія писанія Новаго Завѣта, такъ какъ они были написаны раньше чѣмъ древнѣйшія наши Евангелія. Во-вторыхъ, потому что мы знаемъ ихъ автора (за исключеніемъ вышеупомянутыхъ ограниченій), тогда какъ авторы большинства новозавѣтныхъ писаній намъ неизвѣстны. Въ-третьихъ, потому что ихъ авторъ, хотя и не принадлежалъ къ числу 12 апостоловъ, можетъ по справедливости быть названъ величайшимъ изъ апостоловъ.

Павелъ былъ великимъ миссіонеромъ древней христіанской церкви. Посланія его тоже относятся къ его миссіонерской дѣятельности. Желая наставить, обличить, поощрить или утѣшить какую-нибудь изъ основанныхъ имъ вдали общинъ вѣру-

*) Заголовки этой и слѣдующей главы не вполнѣ правильны. О нѣкоторыхъ изъ Посланій, разсматриваемыхъ въ настоящей главѣ, можно сказать почти съ полной достовѣрностью, что они не были написаны Павломъ. Посланія, написанныя Павломъ и принадлежащія перу другихъ авторовъ, нельзя вполнѣ удовлетворительно сгруппировать отдѣльно, не нарушивъ тотъ порядокъ, въ которомъ они расположены въ Новомъ Завѣтѣ.

ющихъ, которую онъ любилъ, но не всегда могъ навѣстить, онъ писалъ ей проникнутыя горячей любовью письма. И такимъ образомъ, число этихъ писемъ, всегда вызванныхъ какой-нибудь настоятельной нуждой вѣрующихъ, написанныхъ то здѣсь, то тамъ, съ теченіемъ времени все увеличивалось. Они сохранились не всѣ, но и дошедшихъ до насъ достаточно, чтобы мы могли заглянуть во внутреннюю жизнь и составить себѣ понятіе о религіозныхъ воззрѣніяхъ, мотивахъ и цѣляхъ, радостяхъ и печаляхъ, борьбѣ и побѣдахъ, а также нравственныхъ качествахъ, какъ свѣтлыхъ, такъ и темныхъ, великаго апостола язычниковъ, того апостола, геній, отвага и глубокая религіозность котораго спасли христіанство отъ узкихъ закоснѣлыхъ формъ іудейства и направили его въ широкое русло всемірной религіи.

Хронологическій порядокъ семи безспорно подлинныхъ Посланій Павла вѣроятно слѣдующій: I къ Ѳессаликійцамъ, къ Галатамъ, I и II къ Коринѳянамъ, къ Римлянамъ, къ Филемону, къ Филиппійцамъ. Но мы разсмотримъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они расположены въ Новомъ Завѣтѣ.

Посланіе къ Римлянамъ — въ общемъ самое важное писаніе Павла. Быть можетъ оно по этой причинѣ и занимаетъ первое мѣсто въ нашемъ канонѣ. Оно было написано въ Коринѳѣ между 58 и 59 годами по Р. Х. До этого времени Павелъ еще не былъ въ Римѣ, но онъ уже собирался туда отправиться. Поэтому онъ напередъ пишетъ свое посланіе и посылаетъ его римлянамъ, чтобы подготовить себѣ тамъ почву. Въ то время въ этомъ центрѣ западнаго міра уже образовалась значительная община христіанъ, и понятно, что Павелъ жаждалъ быть дружелюбно принятымъ въ ея средѣ. Но могъ ли онъ расчитывать на такой пріемъ, когда онъ зналъ, что среди нихъ есть много еврейскихъ христіанъ, строго придерживающихся своего закона и враждебныхъ тѣмъ широкимъ взглядамъ, которые онъ проповѣдовалъ самъ? Поэтому онъ рѣшается дѣйствовать прямо и смѣло и написать имъ длинное письмо, подробно излагая въ немъ свою точку зрѣнія и тѣ основанія, на которыхъ построены его взгляды, въ то же время объясняя и оправдывая свою миссіонерскую дѣятельность среди язычниковъ. Таково содержаніе его посланія. Оно не только содержитъ самое полное изложеніе догматической стороны его уче-

нія, но и написано въ тотъ періодъ, когда мысль его достигла наибольшей зрѣлости.

Посланіе это естественнымъ образомъ дѣлится на нѣсколько частей. Но здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ. Достаточно замѣтить, что критики сомнѣваются въ подлинности XV главы и въ особенности XVI главы.

I и II посланія къ Коринѳянамъ. Коринѳъ былъ богатый и развращенный городъ. Павелъ проповѣдовалъ въ немъ $1^1/_2$ года и основалъ тамъ значительную общину. Но члены ея часто подпадали окружающимъ ихъ соблазнамъ, и возникшая между ними безнравственность и сильные религіозные раздоры весьма огорчали апостола. Вслѣдствіе этого онъ пишетъ имъ два длинныхъ, горячихъ письма, въ которыхъ увѣщеваетъ ихъ изгнать изъ своей среды всякое беззаконіе, положить конецъ разъединенію и слѣдовать не за нимъ Павломъ, или какимъ бы то ни было другимъ ученикомъ, но за однимъ Іисусомъ. Нѣоторыя главы, особенно XII, XIII и XV перваго посланія къ Коринѳянамъ о духовныхъ дарахъ, о любви и о воскресеніи съ точки зрѣнія нравственной и духовной принадлежатъ къ лучшимъ писаніямъ Павла. Судя по надписямъ на обоихъ посланіяхъ они были написаны въ Филиппіи, и относительно второго посланія указаніе это можетъ быть вѣрнымъ, хотя нѣкоторые и сомнѣваются въ этомъ. Что же касается перваго, то можно сказать почти съ полной достовѣрностью, что это ошибка и что мѣстомъ его написанія былъ вѣроятно Ефесъ. О времени ихъ происхожденія мы можемъ сказать только, что они вѣроятно были написаны около 57 или 58 г. по Р. Х. Повидимому имъ предшествовало другое посланіе къ Коринѳянамъ, которое не сохранилось. Подлинность перваго и второго не подлежитъ сомнѣнію.

Посланіе къ Галатамъ — вѣроятно написано Павломъ изъ Ефеса около 56 г., по прошествіи, можетъ быть, $2^1/_2$ лѣтъ послѣ основанія имъ христіанскихъ общинъ между Галатами, которымъ онъ пишетъ. Оно было написано по поводу духовнаго паденія общинъ, происшедшаго вслѣдствіе появленія въ ихъ средѣ защитниковъ болѣе узкихъ іудейскихъ формъ христіанства. Въ Посланіи этомъ Павелъ смѣло отстаиваетъ свою болѣе возвышенную и духовную вѣру, и, быть можетъ ни въ одномъ писаніи Новаго Завѣта не обнаруживается съ такой ясностью

все различіе между религіознымъ пониманіемъ христіанства Павломъ и взглядами еврейской христіанской партіи, во главѣ которой стояли Іаковъ, Петръ, Іоаннъ и Іерусалимская церковь.

Посланіе къ Ефесянамъ вызвало наибольшее число толковъ и споровъ между критиками Новаго Завѣта. Сомнѣніе въ подлинности этого Посланія возникло въ сравнительно недавнее время, но такъ какъ къ числу сомнѣвающихся принадлежатъ такіе научные авторитеты, какъ Шлейермахеръ, De-Wette, Ф. Х. Бауръ, Швеглеръ. Эвальдъ, Гильгенфельдъ, Давидсонъ и Гольцманъ и многіе другіе, то нельзя не обратить вниманія на ихъ сужденія. Профессоръ Гольцманъ приводитъ слѣдующія основанія, по которымъ, по его мнѣнію, Посланіе къ Ефесянамъ нельзя приписывать Павлу: 1. Посланіе обращено исключительно къ языческимъ христіанамъ. Павелъ не могъ сдѣлать такой ошибки, такъ какъ онъ долгое время жилъ и проповѣдовалъ въ Ефесѣ и конечно зналъ, что значительный элементъ христіанъ въ немъ составляютъ евреи. 2. Посланіе не указываетъ на знакомство писателя съ его читателями; тогда какъ Павелъ съ ефесскими христіанами былъ въ очень близкихъ сношеніяхъ. 3. Авторъ никому не посылаетъ поклоновъ; если бы Павелъ писалъ своимъ друзьямъ или братьямъ, онъ посылалъ бы много привѣтствій, какъ онъ дѣлаетъ во всѣхъ своихъ Посланіяхъ. 4. Все Посланіе посвящено дѣлу объединенія христіанской церкви на основаніи единства божественнаго плана спасенія, обнимающаго весь человѣческій родъ, въ противуположность существовавшему дотолѣ дѣленію человѣчества на евреевъ и язычниковъ. Но для того, кто въ пылу борьбы всѣ свои усилія направлялъ на то, чтобы отвоевать язычникамъ мѣсто въ христіанской церкви, такого рода аргументація является не совсѣмъ подходящей. 5. Авторъ этого Посланія говоритъ объ „апостолахъ“, какъ о посторонихъ лицахъ, къ которымъ онъ самъ не принадлежитъ, чего не сдѣлалъ бы Павелъ. 6. Слогъ этого Посланія не похожъ на слогъ Павла — онъ вылощенъ и многословенъ, тогда какъ языкъ Павла отличается своей чистотой. Кромѣ того въ немъ попадается масса спеціальныхъ терминовъ, словъ и оборотовъ рѣчи, совершенно чуждыхъ Павлу, судя по его собственнымъ произведеніямъ. 7. Нѣкоторыя изъ руководящихъ идей Посла-

нія не согласуются съ идеями Павла. Таковы теорія о пребываніи злыхъ духовъ въ воздухѣ и самая основная идея Посланія, состоящая въ томъ, что христіанство есть тайна, скрытая въ Богѣ споконъ вѣка. 8. Съ начала и до конца это Посланіе проникнуто духомъ гностиковъ, изобличающимся прежде всего частымъ употребленіемъ такихъ словъ и выраженій какъ: „всякая премудрость и разумѣніе“, „сдѣлать извѣстнымъ“, „открывать“, „слышать“, „познавать“, „знаніе“, „тайна“, „полнота“, „вѣка“, (эоны), „роды“, — выраженій, которыми кишитъ литература гностиковъ II столѣтія. Гностическій духъ проникъ и въ тѣ мѣста посланія, которыя трактуютъ о Христѣ и его значеніи, и въ своемъ гностицизмѣ авторъ Посланія заходитъ гораздо дальше Павла. На мѣсто „втораго Адама“, пришедшаго въ міръ ради спасенія человѣческаго рода, здѣсь говорится о существѣ, предшествовавшемъ сотворенію міра и составляющемъ какъ бы центръ и конечный пунктъ всего творенія, въ которомъ небесная и земная сферы впервые должны слиться вмѣстѣ и достигнуть всей своей полноты и гармоніи. Здѣсь чувствуется уже не Павелъ, а гностицизмъ слѣдующаго за нимъ столѣтія.

Таковы вкратцѣ тѣ основанія Гольцмана, по которымъ онъ приписываетъ посланіе къ Ефесянамъ позднѣйшему, чѣмъ Павелъ, автору. Изложенное въ немъ ученіе о Христѣ дѣйствительно имѣетъ мало общаго съ ученіемъ синоптическихъ Евангелій и также мало сходно съ тѣмъ, что говорится о Христѣ въ болѣе раннихъ и безусловно подлинныхъ писаніяхъ Павла. Оно приближается къ доктринѣ о Логосѣ 4-го Евангелія. Христосъ еще очевидно подчиненъ Богу, но въ то же время стоитъ неизмѣримо выше всего человѣчества.

Самое правильное будетъ причислить это Посланіе къ тѣмъ Посланіямъ, подлинность которыхъ сомнительна. Если мы не можемъ отрицать авторства Павла, а можетъ быть мы и не имѣемъ достаточно основанія для этого, мы въ то же время не можемъ быть увѣрены въ немъ. Если оно написано Павломъ, то оно безъ сомнѣнія написано во время его пребыванія въ Римѣ около 63 г. по Р. Х. Но въ такомъ случаѣ мы должны допустить, что Павелъ сильно измѣнился въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ онъ былъ въ болѣе ранніе годы. Если оно принадлежитъ перу другого автора, оно вѣроятно было написано въ

болѣе позднее время. Давидсонъ думаетъ, что оно составлено между 130 — 140 г. г. въ Малой Азіи. Но это обстоятельство не умаляетъ значенія этого писанія въ его глазахъ. Онъ говоритъ: „это произведеніе очевидно принадлежитъ перу мыслящаго и дальновиднаго христіанина, самыхъ широкихъ воззрѣній и обладающаго въ высокой степени вдохновеніемъ. Если сравнить его съ Посланіемъ къ Колоссянамъ, то оно конечно ниже его по достоинству, но разсматриваемое само по себѣ, оно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между каноническими Посланіями. Школа Павла не произвела ничего равнаго ему, но изъ нея вышло не мало людей, отличавшихся широкими взглядами, не мало возвышенныхъ умовъ, на которыхъ, если можно такъ выразиться, почилъ духъ покойнаго Апостола. Задача автора (этого Посланія) представить Ефесянамъ всемірную церковь, часть которой они составляютъ сами, ту единую съ Христомъ церковь, въ которой духъ Христа проявляется во всей своей полнотѣ.“*)

Посланіе къ Филиппійцамъ — вѣроятно позднѣйшее изъ произведеній Павла. Повидимому оно написано во время его заключенія въ Римѣ около 62 — 63 года. Подлинность его оспаривалась на томъ основаніи, что нѣкоторыя мѣста въ немъ повидимому носятъ гностическій характеръ. Однако мнѣніе ученыхъ рѣшительно склоняется въ пользу авторства Павла. Это кратчайшее изъ Посланій, обращенныхъ къ церквамъ, за исключеніемъ развѣ одного подложнаго II Посланія къ Ѳессалоникійцамъ. По содержанію оно отчасти догматично, отчасти жо касается практическихъ вопросовъ, но обѣ части не отдѣлены другъ отъ друга.

Посланіе къ Колоссянамъ. Относительно этого посланія также существуетъ сомнѣніе, писано ли оно Павломъ? Если оно дѣйствительно написано имъ, то вѣроятно въ Римѣ около 62 года. Главныя причины, по которымъ авторство Павла подвергается сомнѣнію, три: 1. Сходство этого Посланія съ Посланіемъ къ Ефесянамъ, заставляющее предполагать заимствованіе. 2. То обстоятельство, что оно мѣстами отзывается ересями (гностицизмомъ и монтанизмомъ), появившимися только

*) „Introduction to the New Testament“, томъ II-й, стр. 225, 2-ое изд.

послѣ смерти Павла; и 3. Особенности стиля и употребленіе такихъ словъ, какія совсѣмъ не встрѣчаются въ безусловно подлинныхъ произведеніяхъ Павла.*)

Если оно не написано Павломъ, оно должно быть однимъ изъ болѣе позднихъ писаній. По Давидсону оно происходитъ изъ Малой Азіи и относится приблизительно къ 120 г. По содержанію его можно раздѣлить на двѣ части: первая (I и II главы) — преимущественно догматическая, а вторая (III и IV) — практическая.

I и II къ Θессалоникійцамъ. Подлинность перваго Посланія очевидна. Это самое раннее изъ всѣхъ произведеній Павла, что означаетъ, что оно въ то же время самый древній литературный памятникъ Новаго Завѣта. Оно написано между 53 и 54 г. и, вѣроятно, въ Коринѳѣ, а не въ Аѳинахъ, какъ гласитъ на немъ надпись въ англійскомъ общепринятомъ изданіи. Содержаніе его ничѣмъ особеннымъ не отличается: первая часть есть защита противъ возражателей апостола; вторая — выраженіе чисто-личныхъ дружественныхъ отношеній; третья содержитъ увѣщанія и поученія.

Подлинность второго Посланія теперь въ общемъ отрицается. По слогу оно сильно отличается отъ перваго Посланія, по содержанію отчасти подражаетъ и отчасти противорѣчитъ подлиннымъ Посланіямъ Павла. Время его написанія достовѣрно не извѣстно, быть можетъ 70 г. наиболѣе соотвѣтствующій.

I и II Посланія къ Тимоѳею и Титу — также извѣстны подъ названіемъ Пастырскихъ Посланій, по причинѣ заключающихся въ нихъ поученій для пастырей. Хотя ихъ вообще принято считать произведеніями Павла, высшіе авторитеты науки довольно согласно опровергаютъ это мнѣніе и относятъ ихъ къ началу II столѣтія, приблизительно между 115 и 125 годами. Есть основанія предполагать, что II Посланіе къ Тимоѳею самое раннее изъ нихъ, I-ое же — позднѣйшее, тогда какъ Посланіе къ Титу написано въ промежутокъ между ними. Всѣ они вѣроятно написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. По мнѣнію Вейса, Гаусрата, Флейдерера, Эвальда, Давидсона и др.,

*) Приводимыя выше соображенія, заставляющія сомнѣваться въ томъ, чтобы Павелъ былъ авторомъ Посланія къ Ефесянамъ, почти цѣликомъ примѣнимы также и къ Посланію къ Колоссянамъ.

II-ое Посланіе къ Тимоѳею заключаетъ подлинные отрывки Павла.

Причины, по которымъ эти три Посланія приписываются болѣе позднему, чѣмъ Павелъ, автору, слишкомъ многочисленны, сложны и спеціально научны для того, чтобы мы могли привести ихъ здѣсь. Достаточно сказать, что причины эти считаются дѣйствительными большинствомъ наиболѣе выдающихся критиковъ Новаго Завѣта, къ которымъ относятся не только вышеупомянутые, но и такіе писатели, какъ Де Ветте, Мейеръ Гильгенфельдъ, Гольцманъ, Люкке, Неандеръ и Блекъ.

Что же касается авторства и цѣли этихъ посланій, то Давидсонъ говоритъ слѣдующее: „мы приходимъ къ заключенію, что авторомъ ихъ былъ обращенный Павломъ христіанинъ, жившій въ Римѣ въ началѣ II столѣтія; желая утвердить на пути истинномъ зарождающуюся католическую церковь, онъ призываетъ ее къ благочестію и предостерегаетъ отъ заблужденій. Тонъ его отчасти полемическій. Все увеличивающимся опасностямъ духа времени онъ противуставляетъ правовѣрные догматы Церкви и благоустроенную церковную организацію... Подобно многимъ писателямъ своего времени онъ присваиваетъ себѣ названіе апостола, чтобы придать больше вѣса своимъ мнѣніямъ. Но въ этомъ мы не должны видѣть ничего предосудительнаго. Это былъ пріемъ вполнѣ безобидный.

Посланіе къ Филемону — вѣроятно было написано Павломъ, хотя нѣкоторые изъ безпристрастныхъ и серіозныхъ критиковъ несогласны съ этимъ мнѣніемъ. Время его появленія можно смѣло отнести къ 62 г. послѣ Р. Х., а мѣстомъ написанія вѣроятно былъ Римъ. Это самое короткое и самое незначительное изъ всѣхъ сохранившихся посланій великаго апостола. Его часто называютъ рабовладѣльческимъ Посланіемъ. Осудимъ ли мы Павла за то, что онъ отправилъ раба обратно къ его господину при совершенно особыхъ обстоятельствахъ, или нѣтъ, фактъ тотъ, что этимъ писаніемъ пользовались нерѣдко для того, чтобы оправдать величайшее изъ золъ — рабство.

XIV.

Другія Посланія и Откровеніе.

Посланіе къ Евреямъ — въ позднѣйшихъ греческихъ и латинскихъ рукописяхъ, а также въ одобренномъ англиканской

церковью изданіи Библіи, причисляется къ Посланіямъ Павла, но болѣе древнія рукописи свидѣтельствуютъ о томъ, что Западная церковь первыхъ вѣковъ не признавала за нимъ авторства Павла, и что въ канонъ Новаго Завѣта оно было принято лишь съ большими трудностями. Лютеръ говоритъ: „что Посланіе къ Евреямъ не было написано ни св. Павломъ, ни какимъ-либо другимъ апостоломъ, доказывается 3-имъ стихомъ 2-ой главы. Очевидно это произведеніе какого-нибудь выдающагося и ученаго человѣка, бывшаго ученикомъ апостоловъ и многому научившагося отъ нихъ, человѣка глубоко вѣрующаго и умѣющаго прекрасно пользоваться священнымъ писаніемъ. „Библейская критика подтвердила мнѣніе Лютера и древней церкви. Давидсонъ говоритъ: „авторство Павла отвергается всѣми учевыми критиками за исключеніемъ одного Гофмана.“ Трудно сказать, кто собственно былъ авторомъ этого Посланія. Называютъ Варнаву, Луку, Силу, Климента Римскаго и Аполлоса. Послѣднее предположеніе принадлежитъ Лютеру, и въ настоящее время ученые склонны признать его наиболѣе правдоподобнымъ.

Что касается времени появленія этого Посланія, то почти всѣ ученые согласны въ томъ, что оно было написано до разрушенія Іерусалима и храма, такъ какъ храмовой культъ въ немъ упоминается, какъ еще существующій. Всего вѣроятнѣе, пожалуй, что оно было написано въ 66 году.

Къ кому обращено это Посланіе? По предположенію многихъ, къ евреямъ въ Палестинѣ, но противъ этого взгляда существуютъ неопровержимыя возраженія. Гильгенфельдъ думаетъ, что оно обращено къ многочисленному еврейскому населенію въ Египетской Александріи, въ среду которыхъ очень рано проникло христіанство. Многія обстоятельства говорятъ въ пользу этого взгляда и, между прочимъ, и тотъ фактъ, что Аполлосъ былъ еврей родомъ изъ Александріи. Взглядъ этотъ раздѣляется, пожалуй, наилучшими критиками.

Посланіе къ Евреямъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и едва ли уступаетъ какимъ-либо произведеніямъ Павла по силѣ логики, глубинѣ мыслей и краснорѣчію, хотя его слогъ и способъ изложенія мыслей имѣютъ мало общаго съ Посланіями Павла. До 19-го стиха X главы содержаніе догматично, остальная часть поучительна. Задача автора — повліять на

еврейскихъ христіанъ и привести ихъ къ болѣе широкому пониманію ихъ новой вѣры. Съ этой цѣлью онъ доказываетъ, что Ветхій Завѣтъ былъ лишь прообразомъ Новаго; іудейство съ его закономъ и храмомъ было лишь прототипомъ христіанства; еврейское священничество было лишь образомъ и предзнаменованіемъ вѣчнаго первосвященника — Христа. Ученіе о Христѣ вообще весьма сложное и разработанное.

Посланіе Іакова. Если эта книга написана однимъ изъ Іакововъ, упоминаемыхъ въ Новомъ Завѣтѣ, авторомъ ея вѣроятно былъ тотъ изъ нихъ, котораго называли „Братомъ Господнимъ“.*) Но достовѣрно ли его авторство? Повидимому существуетъ столько же подтверждающихъ, сколько и опровергающихъ это предположеніе доказательствъ. Такъ что авторство этого Посланія лучше всего признать недостовѣрнымъ. Въ канонъ Новаго Завѣта оно было принято лишь въ концѣ IV вѣка, и съ тѣхъ поръ не проходило ни одного столѣтія, въ которомъ не подымалось бы протестовъ противъ этого включенія. Вотъ что писалъ по этому поводу Лютеръ: „въ сравненіи съ другими Посланіями (Павла, Петра и Іоанна) это Посланіе можно назвать совершенно безцвѣтнымъ, ибо въ немъ нѣтъ ничего евангелическаго. Авторомъ его вѣроятно былъ какой-нибудь хорошій, благочестивый человѣкъ, который изложилъ на бумагѣ нѣкоторыя изреченія, слышанныя имъ отъ учениковъ апостоловъ.“ Содержаніе этого Посланія во многомъ расходится съ тѣмъ, что писалъ Павелъ; дополняетъ ли оно писанія Павла или, напротивъ, противорѣчитъ имъ, есть вопросъ, на который различные изслѣдователи Новаго Завѣта отвѣчаютъ различно. Давидсонъ говоритъ: „оно проникнуто здоровымъ духомъ и содержитъ въ высшей степени христіанское жизнепониманіе. Его практическій тонъ составляетъ какъ бы противовѣсъ писаніямъ Павла... Противорѣчитъ оно Павлу въ ученіи объ оправданіи. Тѣмъ не менѣе оно очень цѣнно, т. к. догматика еще не составляетъ сущности христіанства, въ которомъ этическая сторона столь же важна, какъ и умозрительная.“ Особенность этого произведенія та, что въ немъ почти вовсе не говорится о Христѣ и даже не упоминается

*) Гал. I, 19. См. „Древности“ Іосифа Флавія, книга XX, глава IX.

его смерть или воскресеніе. Но содержаніе его невольно напоминаетъ намъ ученіе Христа съ его изреченіями и притчами, такъ богато оно высокими нравственными поученіями.

Въ литературномъ отношеніи это одно изъ первокласснѣйшихъ произведеній Библіи. Языкъ его живой, изысканный, краснорѣчивый, часто поэтическій.

Если оно не составлено Іаковомъ, братомъ Іисусовымъ, оно вѣроятно было написано какимъ-нибудь еврейскимъ христіаниномъ или эбіонитомъ. Появленіе его можно отнести къ концу 69 или началу 70 г.

Первое и второе Посланія Петра. Многіе изъ компетентнѣйшихъ изслѣдователей Новаго Завѣта Первое Посланіе считаютъ произведеніемъ Петра, согласно древнему преданію и заявленію самого Посланія. Но это мнѣніе теперь сильно оспаривается, и перевѣсъ на сторонѣ отрицающихъ авторство Петра. Въ Посланіи сказано, что оно написано въ Вавилонѣ, но это имя здѣсь, какъ и въ Откровеніи, безъ сомнѣнія употреблено только какъ мистическое обозначеніе Рима; все указываетъ на то, что истиннымъ мѣстомъ его написанія былъ Римъ. Если оно написано Петромъ, то вѣроятно около 64 г., въ эпоху преслѣдованій христіанъ Нерономъ. Однако значительное число ученыхъ все больше склоняются къ тому, что самое содержаніе Посланія рѣшительно противорѣчитъ этому предположенію. Начать съ того, что Посланіе во многихъ мѣстахъ изобличаетъ близкое знакомство и даже зависимость автора отъ писаній Павла, Іакова, Посланія къ Евреямъ и Откровенія, что по необходимости заставляетъ предполагать, что оно было написано позже, а не раньше этихъ произведеній. Еще болѣе рѣшающее значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что въ немъ говорится о преслѣдованіи христіанъ по всей римской имперіи и даже по всему свѣту, т. е. о такомъ положеніи вещей, которое переноситъ насъ далеко за предѣлы воздвигнутыхъ Нерономъ гоненій (происходившихъ въ одномъ Римѣ), къ эпохѣ царствованія Траяна. Согласные съ этими взглядами ученые относятъ составленіе Посланія приблизительно къ 113 году. Гильгенфельдъ говоритъ: „мы должны прійти къ тому заключенію, что Посланіе было написано римскимъ христіаниномъ, временъ Траяна, отъ имени апостола Петра, которое было такъ славно въ Римѣ, съ цѣлью поддержать все христіанство,

особенно же въ наиболѣе преслѣдуемыхъ общинахъ Азіи.“ Кромѣ того онъ, какъ и другіе критики, указываетъ на то, какъ мало въ немъ содержится отличительныхъ взглядовъ и чертъ, характерныхъ для самого Петра, и какъ сильно на немъ отразились духъ и образъ мыслей Павла.

Подлинность Второго Посланія Петра еще менѣе достовѣрна. Древняя церковь сильно сомнѣвалась въ томъ, что оно было написано Петромъ; такіе выдающіеся люди, какъ Оригенъ и Евсевій тоже не вѣрили этому, и все внутреннее содержаніе Посланія свидѣтельствуетъ противъ этого. Въ III главѣ 15 — 16 ст. о Посланіяхъ Павла говорится, какъ о Писаніяхъ, находящихся на одномъ уровнѣ „съ прочими Писаніями.“ Одного этого мѣста было бы достаточно, чтобы показать, что это Посланіе могло появится только многимъ позже смерти Петра, ибо Посланія Павла достигли значенія „Писаній“ только во времена, слѣдовавшія за апостольскими. Болѣе того, въ этомъ Посланіи строго порицаются нѣкоторыя лжеученія, по изслѣдованію оказавшіяся свободомыслящимъ гностицизмомъ II-го вѣка. Вотъ нѣкоторыя изъ указаній относительно поздняго происхожденія этого Посланія. По мнѣнію большинства библейскихъ критиковъ оно есть *самое послѣднее* твореніе Новаго Завѣта. Оно не могло быть написано раньше 150 г. по Р. Х. и, вѣроятнѣе, составлено въ 170 году. Мѣстомъ его составленія вѣроятно былъ Римъ.

Давидсонъ говоритъ: „руководящія идеи обоихъ Посланій Петра принадлежатъ Павлу... Духъ Павла и Петра какъ бы сливается въ нихъ вмѣстѣ. Вѣра въ соединеніи съ дѣлами — ихъ основные тоны, изъ которыхъ не преобладаетъ ни тотъ, ни другой. Оба они написаны въ эклектическомъ, посредническомъ, каѳолическомъ духѣ.“

Первое, второе и третье Посланія Іоанна. — Первое изъ нихъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ оба другія. Оно отличается всѣми характеристическими чертами 4-го Евангелія и почти навѣрное написано однимъ и тѣмъ же авторомъ. Опредѣлить время его составленія (а оно должно быть близко ко времени составленія Евангелія) мы можемъ только въ зависимости отъ того, признаемъ ли мы или отвергнемъ авторство Іоанна. Если мы его признаемъ, то Посланіе это должно быть написано между 95 и 100 г.; если же, слѣдуя преобладающему мнѣнію ученыхъ, мы отвергнемъ его, то мы должны

будемъ перенести время его составленія въ 130 и 140 г. г. Большинство соображеній, приводимыхъ по отношенію къ авторству и времени написанія 4-го Евангелія, могутъ быть примѣнены и къ этому Посланію. Мѣстомъ его написанія вѣроятно была Малая Азія. Въ смыслѣ духовнаго назиданія это Посланіе, какъ и 4-ое Евангеліе, слѣдуетъ поставить во главѣ всей новозавѣтной литературы.

Переходя ко второму и третьему Посланіямъ, мы сразу какъ бы спускаемся внизъ. Является вопросъ, принадлежатъ ли они также перу автора перваго Посланія или нѣтъ? Оба они скорѣе похожи на компиляціи, составленныя по первому Посланію, или на слабое подражаніе ему, чѣмъ на оригинальныя произведенія. Древняя церковь была въ нерѣшительности относительно ихъ включенія въ канонъ Новаго Завѣта, быть можетъ потому, что ихъ содержаніе ей казалось слишкомъ незначительнымъ и носящимъ характеръ частныхъ писемъ. Они вѣроятно были написаны въ Малой Азіи вскорѣ послѣ Перваго Посланія.

Посланіе Іуды. Это одно изъ самыхъ незначительныхъ писаній Библіи. Мы не знаемъ, какого собственно изъ двухъ упоминаемыхъ въ Новомъ Завѣтѣ Іудъ разумѣютъ подъ авторомъ Посланія. Автора называютъ братомъ Іакова. Но какого Іакова? Вѣроятно того, который извѣстенъ подъ именемъ брата Іисуса, изъ чего слѣдовало бы, что Іуда тоже братъ Іисуса. Между тѣмъ мы имѣемъ довольно вѣскія основанія не вѣрить въ авторство ни одного изъ Іудъ и даже никого изъ принадлежащихъ къ ихъ поколѣнію, а предположить, что это Посланіе было написано неизвѣстнымъ авторомъ, жившимъ около 130 — 140 г., который, слѣдуя широкораспространенному обычаю своего времени, выпустилъ свое Посланіе подъ чужимъ, болѣе извѣстнымъ, чѣмъ его собственное, именемъ, дабы облечь свое произведеніе бо̀льшимъ авторитетомъ. Мѣсто его составленія неизвѣстно, быть можетъ это Палестина. Право этого Посланія на включеніе въ канонъ Новаго Завѣта долго оспаривалось, и оно было допущено только въ IV вѣкѣ вмѣстѣ съ другими спорными Писаніями.

Книга Откровенія. Книга эта также называется ея греческимъ именемъ *Апокалипсисъ*, которое означаетъ откровеніе, разоблаченіе. Въ англійскомъ переводѣ она озаглавлена

„Откровеніе св. Іоанна Богослова“; но слово „Богословъ“ не встрѣчается ни въ одной изъ древнихъ рукописей. Древняя церковь считала Откровеніе произведеніемъ Іоанна, ученика и спутника Христа. Нѣкоторые впрочемъ сомнѣвались въ этомъ, и число сомнѣвающихся все увеличивалось. Однимъ изъ отвергающихъ происхожденіе этого Посланія отъ Іоанна былъ Эразмъ, великій ученый временъ реформаціи. Лютеръ не признавалъ его „ни апостольскимъ, ни пророческимъ“ и объявилъ, что „онъ не видитъ основанія, по которому могъ бы вѣрить въ его происхожденіе отъ св. Духа.“ Цвингли также не считалъ его „Библейскимъ Писаніемъ“, т. е. не причислялъ его къ каноническимъ. Многіе изъ новѣйшихъ авторитетовъ науки встали на ту же почву. Въ одномъ пунктѣ они почти всѣ сходятся, а именно, что, если апостолъ Іоаннъ написалъ 4-ое Евангеліе, то онъ не могъ написать и Откровенія: оба писанія не могли быть написаны однимъ и тѣмъ же авторомъ.

Время составленія Откровенія до сихъ поръ опредѣлялось довольно точно. Въ главѣ XI, I — 14 ст. мы узнаемъ, что храмъ еще существовалъ въ то время, какъ писалъ авторъ; изъ чего слѣдуетъ, что онъ писалъ до разрушенія храма, имѣвшаго мѣсто въ 79 г. по Р. Х. Далѣе во главѣ XVII, 10 мы читаемъ слѣдующее: „и седьмъ царей, изъ которыхъ пять пали, одинъ есть, а другой еще не пришелъ;“ что означаетъ, что при жизни автора пять римскихъ императоровъ уже умерли, шестой царствовалъ, а седьмой еще не вступалъ на престолъ. А какъ утверждаютъ, шестымъ императоромъ въ Римѣ былъ Гальба, царствовавшій всего 7 мѣсяцевъ, отъ іюня 68 г. до января 69, — изъ чего дѣлается выводъ, что книга должна была быть написана въ этотъ короткій промежутокъ времени.

Все это кажется столь яснымъ и убѣдительнымъ, что 68 или 69 годъ обыкновенно признается годомъ составленія Апокалипсиса. Но если мы повнимательнѣе отнесемся къ этому вопросу, то мы увидимъ, что признаніе этого времени или даже какого бы то ни было другого времени написанія Откровенія сопряжено съ серіозными затрудненіями. И дѣйствительно, чѣмъ тщательнѣе изслѣдованіе этой книги, тѣмъ очевиднѣе становится, что она есть трудъ компилятивный или, по крайней мѣрѣ, подвергалась нѣсколькимъ пересмотрамъ, изъ которыхъ послѣдній былъ совершенъ во второй половинѣ II столѣтія.

Въ 1886 г. въ Германіи появилась новая гипотеза профессора Гарнака и Эбергарда-Фишеръ, которая, повидимому, удовлетворительнѣе всѣхъ прочихъ. Согласно этой гипотезѣ, Откровеніе — еврейское произведеніе съ христіанскими вставками и христіанской отдѣлкой. Надо сознаться, что эта гипотеза болѣе, чѣмъ какая-либо другая, устраняетъ множество трудностей и даетъ намъ наипростѣйшее объясненіе всѣхъ тѣхъ противорѣчій между іудейскимъ и христіанскимъ элементами этой книги, которыя приводили насъ въ такое недоумѣніе; въ то же время она показываетъ и то, что различныя части Откровенія несомнѣнно были написаны въ разное время. Д-ръ Мартино говоритъ: „основной еврейскій текстъ книги относится частью къ фанатическому періоду первой еврейской войны (66 — 70 г. по Р. Х.), частью ко времени лѣтъ на восемь позднѣйшему. Христіанскія измѣненія въ ней изобличаютъ двухъ издателей, — одного временъ Домиціана, виновника 29 вставокъ, относящихся къ „Агнцу“, и другого, временъ Адріана, отвѣтственнаго за письма къ церквамъ, а также за вступленіе и заключеніе книги. Поэтому книга не могла появиться раньше 136 года, то есть уже гораздо позже Апостольскаго періода.“

Откровеніе было только однимъ изъ великаго множества апокалиптическихъ писаній, появившихся въ теченіе двухъ столѣтій до и двухъ столѣтій послѣ Р. Х. Одинъ еврейскій Апокалипсисъ, во многихъ отношеніяхъ сходный съ новозавѣтнымъ, тоже попалъ въ Ветхій Завѣтъ; это книга Даніила, написанная приблизительно въ 170 году до Р. Х. Всѣ же остальныя писанія этого рода не были допущены въ Библію.

Можно сказать безъ преувеличенія, что ни одно писаніе Библіи, ни даже Псалмы, исполненные проклятій, или книги Іисуса Навина и Судей съ ихъ разсказами о разныхъ жестокостяхъ, не содержатъ въ себѣ столько чуждаго ученію Іисуса, какъ нѣкоторыя вещи, встрѣчающіяся въ этой странной книгѣ. Образъ Христа, воспроизведенный въ ней, безжалостный, разрушительный, мстительный, гораздо болѣе соотвѣтствуетъ изображенію Нерона или Сатаны. Мартино говоритъ: „какъ странно, что мы могли находить возможнымъ, чтобы человѣкъ, лично помогавшій служенію Іисуса, могъ написать или издать книгу, описывающую свирѣпыя битвы Мессіи, въ которыхъ онъ выступаетъ въ бой съ мечемъ, въ кровавой одеждѣ, съ всепо-

жирающимъ пламенемъ и съ желѣзнымъ жезломъ, какъ съ эмблемами, предводительствуетъ воинственнымъ шествіемъ и проливаетъ потоки крови, изображая ужасы гнѣва Божія, — и, примѣшавши къ этому спекулятивное ученіе о Христѣ въ духѣ II вѣка, ни разу не упомянуть о жизни самого Іисуса, не привести ни единаго его слова, ни единой черты его образа и ни разу не оглянуться на склоны холмовъ Галилейскихъ, на дворы Іерусалимскіе или на дорогу въ Виѳанію, на которыхъ на вѣки запечатлѣлся дорогой образъ нашего Учителя.“*)

XV.

Образованіе канона; апокрифическія и другія непризнанныя произведенія литературы.

Мы видѣли, какимъ образомъ были составлены различныя книги Библіи. Разсмотримъ же теперь, какимъ образомъ и когда онѣ впервые достигли значенія писаній, содержащихъ въ себѣ сверхъестественную мудрость, и когда онѣ были собраны вмѣстѣ, чтобы составить священныя книги, — во-первыхъ Ветхій Завѣтъ, а затѣмъ и Новый Завѣтъ.

При этомъ являются естественные вопросы: почему были включены въ канонъ именно эти, а не другія писанія? Не произвелъ ли еврейскій народъ за тысячелѣтній періодъ созиданія Библіи еще и другихъ писаній? Если произвелъ, то почему они не попали въ нашу священную книгу?

Утраченныя книги Ветхаго Завѣта.

Изученіе Библіи показываетъ намъ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ

*) „Seat of Authority in Religion“, стр. 227. Желающимъ имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о книгахъ Новаго Завѣта, разсмотрѣнныхъ въ этой и предыдущей главѣ, укажемъ на слѣдующія сочиненія: Введенія въ Новый Завѣтъ, принадлежащія перу Davidson'a, Bleek'a и Bernhard'a Weiss'a; введенія къ отдѣльнымъ книгамъ Новаго Завѣта въ „Protestant Commentary“; статьи въ „Encyclopaedia Britannica“ о Павлѣ и различныхъ новозавѣтныхъ книгахъ; Martineau, „Seat of Authority in Religion“, стр. 217 — 285; Pfleiderer, „Paulinism“ и „Lectures (1885) on the Influence of Paul“ (Hibbert Lectures) его же; Renan, „The Apostls“ и „St. Paul“; „Bible for Learners“, т. III-й, Chadwick, „Bible of To-day“, лекціи VI и VII; Matthew Arnold, „St. Paul and Protestantism“; T. K. Cheyne и J, Sutherland Black, „Encyclopædia Biblica“.

не достаетъ по крайней мѣрѣ 16 книгъ, которыя, повидимому, должны бы находиться въ немъ, такъ какъ въ различныхъ мѣстахъ Библіи на нихъ ссылаются, какъ на писанія столь же авторитетныя, какъ и тѣ, которыя включены въ канонъ. Насколько намъ извѣстно, всѣ эти 16 книгъ, за исключеніемъ лишь одной, потеряны. Вотъ ихъ названія:

1. Книга браней Господнихъ, (упоминаемая въ Книгѣ Чиселъ XXI, 14).

2. Книга Праведнаго (The Book of Jasher) (Іисуса Навина X, 13 и 2 Царствъ I, 18).

3. Книга Правъ Царства, написанная Самуиломъ (I Царствъ X, 25).

4. Книга Наѳана пророка и Гада прозорливца, касающаяся царя Давида (I Паралипоменонъ XXIX, 29).

5. Книга Дѣлъ Соломона (III Царствъ XI, 41).

6. Пророчество Эноха*) (Посланіе Іуды 14, 15).

7. Книги Наѳана, Ахіи и Іеддо о царѣ Соломонѣ (2 Паралипоменонъ IX, 29).

8. Пѣсни Соломона, притчи и трактаты о естественной исторіи (III Царствъ, IV, 32).

9. Книга Самея о царѣ Ровоамѣ (2 Паралипоменонъ XII, 15).

10. Книга Іуя о Іосафатѣ (2 Паралипоменонъ XX, 34).

11. Книга Исаіи о царѣ Озіи (2 Паралипоменонъ XXVI, 22).

12. Слова Прозорливцевъ, обращенныя къ царю Манассіи (2 Паралипоменонъ XXXIII, 18, 19).

13. Книга плачевныхъ пѣсней по царѣ Іосіи (2 Паралипоменонъ XXXV, 25).

14. Одна часть книги Іереміи, сожженная царемъ Іоакимомъ. (Іеремія XXXVI, 2, 6, 23).

15. Лѣтописи о царяхъ Іудейскихъ (многократно приводимыя въ Книгахъ Царствъ).

16. Лѣтописи о царяхъ Израильскихъ (многократно упоминаемыя въ Книгахъ Царствъ).

Какимъ образомъ могли пропасть всѣ эти книги? Почему

*) Вѣроятно то же, что „Книга Эноха“, упомянутая ниже въ перечнѣ сохранившихся книгъ.

онѣ были исключены изъ Ветхаго Завѣта? Если сами ветхозавѣтные писатели ссылались на нихъ, какъ на писанія, равныя ихъ собственнымъ по авторитетности, то какимъ образомъ между ними можетъ быть проведена такая рѣзкая граница? И что собственно опредѣляло подлинность писаній, признанныхъ канономъ? Но эти 16 книгъ еще не всѣ, слѣды которыхъ мы можемъ найти.

Книги существующія. Приводимъ второй списокъ 18 писаній, и теперь еще существующихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ ветхозавѣтныхъ „псевдоэпиграфическихъ“ книгъ. Вотъ ихъ заглавія съ обозначеніями того языка, на которомъ онѣ сохранились:

1. Исторія Антіоха Эпифана (еврейск.)
2. Исторія Асенеѳы, жены Іосифа (латин.)
3. Посланіе Варуха (латин.).
4. Книга пророка Иліи[1]).
5. Книга Эноха (эѳіоп. и греч.[2])
6. Третья книга Ездры (греч. и латин.)
7. Четвертая книга Ездры (латин., араб. и эѳіоп.)
8. Вознесеніе Исаіи (эѳіоп.)
9. Книга Праведнаго (еврейск.)
10. Книга Іецира или Творенія (еврейск.)

11 и 12. Третья и Четвертая Книги Маккавеевъ (греч.)

13. Пятая Книга Маккавеевъ (арабск. и сирійск.)
14. Успѣніе Моисея[3]).
15. Проповѣдь Ноя, обращенная къ людямъ, жившимъ до потопа, согласно Сивиллинскимъ Оракуламъ.[4])
16. Завѣтъ Двѣнадцати Патріарховъ (греч).
17. Псалтырь Соломона (греч.)
18. Книга Зогаръ или Свѣта (еврейск.)

---

[1]) См. Fabricius „Codex Pseudepigr. Veteris Testamenti“ I, 1070.

[2]) Вся эта книга, за исключеніемъ немногихъ отрывковъ, считалась потерянной до 1773 г., когда весь текстъ ея былъ найденъ въ Эѳіопіи. Недавно былъ найденъ экземпляръ ея на греческомъ языкѣ вмѣстѣ съ отрывками апокрифическихъ „Евангелія Петра“ и „Откровенія Петра“.

[3]) См. Fabricius, „Cod. Pseudepigr V. T.“ I, 825.

[4]) Тамъ же, I. 230.

Съ точки зрѣнія нашего времени книги эти не имѣютъ большой цѣнности. Тѣмъ не менѣе намъ извѣстно, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣли не малое вліяніе на духовное развитіе первыхъ христіанъ и были въ большомъ почетѣ даже у такихъ ученыхъ, какъ Оригенъ.

Ветхозавѣтные Апокрифы. Приводимъ и третій списокъ несравненно важнѣйшихъ 14 книгъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Ветхозавѣтныхъ Апокрифовъ.

1. Первая книга Ездры.
2. Вторая Книга Ездры.
3. Книга Товита.
4. Книга Іудиѳь.
5. Послѣднія главы книги Эсѳирь, которыя не имѣются ни въ еврейскихъ, ни въ халдейскихъ спискахъ.
6. Книга Премудрости Соломона.
7. Книга Премудрости Іисуса, сына Сирахова.
8. Книга пророка Варуха.
9. Пѣсня трехъ Святыхъ Младенцевъ.
10. Исторія Сусанны.
11. Исторія пораженія Ваала и Дракона.
12. Молитвы Манассіи Царя Іудейскаго.
13. Первая Книга Маккавейская.
14. Вторая Книга Маккавейская.

Эти ветхозавѣтныя апокрифическія книги существуютъ и теперь и болѣе или менѣе извѣстны среди читающей публики. Онѣ находятся въ переводѣ на греческій языкъ семидесяти толковниковъ, сдѣланномъ за два столѣтія до Р. Х.*) Римско-католическая церковь причисляетъ ихъ къ каноническимъ писаніямъ и печатаетъ ихъ въ своей Библіи.**) Но протестанты считаютъ себя въ правѣ исключать ихъ изъ Библіи, хотя отъ

*) Христіане первыхъ вѣковъ смотрѣли на нихъ, какъ на подлинныя священныя писанія. Emil Schürer говоритъ: „Церковь первыхъ трехъ вѣковъ не дѣлала существеннаго различія между еврейскими каноническими писаніями и такъ называемыми апокрифами“ (Schaff-Herzog Encyclopaedia, ст. „Apocrypha“).

**) Въ русское синодальное изданіе включены первыя восемь изъ перечисленныхъ книгъ и, кромѣ того, третья Книга Маккавейская и третья Книга Ездры. *(Примѣч. Ред.)*

времени до времени встрѣчаются протестантскія Библіи, въ которыхъ есть и апокрифы (обыкновенно изданія большого формата, предназначенныя для чтенія въ семьѣ и церкви.) Должны ли эти 14 книгъ входить въ составъ Библіи или нѣтъ, есть вопросъ, относительно котораго ученые никогда не могли прійти къ соглашенію и который и въ настоящее время раздѣляетъ христіанскій міръ приблизительно на равныя партіи. Достовѣрно, однако, то, что между ними есть такія произведенія, которыя далеко превосходятъ нѣкоторыя каноническія писанія, не только въ литературномъ, но и въ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Всякій непредубѣжденный человѣкъ, напримѣръ, не усомнится ни на минуту въ религіозномъ превосходствѣ такихъ книгъ, какъ книга Премудрости Соломона или Книга Премудрости Іисуса сына Сираха, надъ такими каноническими писаніями, какъ, напримѣръ, Есѳирь или Екклезіастъ.

Писанія, не вошедшія въ канонъ Новаго Завѣта.

Что же мы видимъ, переходя отъ Ветхаго Завѣта къ Новому? Составляютъ ли книги, вошедшія въ канонъ Новаго Завѣта, всю литературу, возникшую при началѣ христіанскаго движенія, или нѣтъ? Если кромѣ нихъ были написаны и другія произведенія, то сколько именно? Чѣмъ собственно обусловливалось раздѣленіе всѣхъ произведеній христіанской литературы на два различныхъ класса?

Число новозавѣтныхъ апокрифическихъ книгъ и отрывковъ, относящихся къ первымъ вѣкамъ, очень велико. Намъ извѣстны заглавія не менѣе 100 такихъ произведеній (изъ которыхъ 41 имѣются на лицо и въ настоящее время, а 68 потеряно.)

Сорокъ одна сохранившихся книгъ. На англійскомъ языкѣ имѣется переводъ этихъ 41 новозавѣтныхъ апокрифическихъ, существующихъ и понынѣ писаній, циркулирующихъ какъ въ полныхъ, такъ и въ частичныхъ изданіяхъ подъ названіемъ Апокрифовъ Новаго Завѣта. Перечислимъ важнѣйшія изъ нихъ, обозначая тѣ языки, на которыхъ они сохранились:

Первоевангеліе Іакова (греческое и латинское).
Евангеліе Ѳомы (греческое и латинское).
Евангеліе дѣтства (араб. и греч.)
Евангеліе Никодима (греческое и латинское).
Повѣствованіе Іосифа Аримаѳейскаго (греческое).

Дѣянія Пилата (греческое и латинское).

Соборное Посланіе Варнавы (греческое).

Первое и Второе Посланія Климента (греческое).

Апостольскія установленія (греч., эѳіоп. и копт.).

Первая и вторая книги Герма (греч. и латинское).

68 потерянныхъ книгъ. О существованіи этихъ 68 потерянныхъ книгъ мы знаемъ по тѣмъ цитатамъ и ссылкамъ на нихъ, которыя встрѣчаются у христіанскихъ авторовъ первыхъ четырехъ столѣтій. Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ съ обозначеніемъ писателей, упоминающихъ о нихъ:

Дѣянія Андрея (упоминаемыя Евсевіемъ, Епифаніемъ и Геласіемъ).

Евангеліе 12 Апостоловъ (Оригенъ, Амвросій, Іеронимъ).

Евангеліе Варнавы (Геласій).

Евангеліе Базилида (Оригенъ, Амвросій, Іеронимъ).

Евангеліе Египтянъ (Оригенъ, Іеронимъ, Епифаній, Климентъ Александрійскій).

Евангеліе Матѳея (Оригенъ, Амвросій, Евсевій, Іеронимъ).

Проповѣдь Петра (Климентъ Александрійскій, Евсевій, Іеронимъ и другіе).

Дѣянія Іоанна (Евсевій, Аѳанасій, Августинъ).

Евангеліе Петра (Евсевій, Тертулліанъ, Оригенъ, Іеронимъ).

Откровеніе Петра (Климентъ Александрійскій, Евсевій, Іеронимъ и другіе*).

Всѣ 109 апокрифическихъ книгъ (какъ потерянныя, такъ и сохранившіяся) могутъ быть раздѣлены на два класса. Къ одному принадлежатъ тѣ произведенія, которыя никогда не почитались боговдохновенными ни одной сектой и ни одной частью христіанской церкви. Большинство этихъ произведеній было написано въ болѣе позднее время — уже послѣ II вѣка. Къ другому классу принадлежатъ тѣ книги, которыя малыми или большими группами церквей и религіозными учителями почитались боговдохновенными и употреблялись ими, какъ священныя писанія. Многія изъ нихъ были написаны еще во II вѣкѣ, т. е.

*) Отрывки этой и предыдущей книги на греческомъ языкѣ были открыты недавно вмѣстѣ съ греческой рукописью Книги Еноха.

онѣ такъ же древни, какъ нѣкоторыя книги, включенныя въ канонъ Новаго Завѣта. Многими изъ этихъ апокрифическихъ книгъ широко пользовались въ церквахъ въ теченіе 2 или 3 столѣтій, и пресвитеры, епископы и знаменитые Отцы церкви смотрѣли на нихъ, какъ на писанія боговдохновенныя. Въ одной изъ предыдущихъ главъ нами упомянуто по крайней мѣрѣ три такихъ Евангелія, употреблявшіяся въ первыхъ церквахъ, какъ священное писаніе; а именно, Евангеліе Іудеевъ (именуемое также Евангеліемъ Эбіонитовъ или Назарянъ), Евангеліе Египтянъ и Евангеліе Господне (или Евангеліе Маркіона). Но ни одно изъ нихъ не попало въ число новозавѣтныхъ каноническихъ книгъ, хотя всѣ они, вѣроятно, болѣе древняго происхожденія, чѣмъ большинство, если даже не всѣ Евангелія. Были и другія писанія, почитаемыя столь же высоко, какъ и эти. Таковы: Первое Посланіе Климента, читавшееся во многихъ церквахъ; оно цитируется Иринеемъ, наравнѣ съ другими книгами Писанія, и включено въ Codex Alexandrinus. „Пастыремъ Герма“ тоже широко пользовались въ церквахъ; Иринеемъ, Климентъ Александрійскій и Оригенъ причисляютъ его къ боговдохновеннымъ писаніямъ, и ему отведено мѣсто въ Codex Sinaiticus. Подобнымъ же почетомъ пользовались и Посланія Поликарпа и Варнавы, Апостольскіе Каноны и Апостольскія Установленія; кромѣ того нѣсколько литургій, приписываемыхъ св. Петру, св. Марку и другимъ (изданныя Fabricius'омъ въ его Codex Apocryphus Novi Testamenti) такими учеными, какъ Вистонъ и Грабе, почитаются столь же авторитетными, какъ и подлинныя апостольскія произведенія.*)

Почему же всѣ эти книги не вошли въ Новый Завѣтъ? И

---

*) См. Whiston, „Primitive Christianity“ и Grabe, „Spicilegium“. Объ апокрифической и псевдоэпиграфической литературѣ, находящейся въ связи съ Новымъ Завѣтомъ, см. статьи „Apocrypha“ и „Apocalyptic Literature“ въ Encyclopaedia Britannica; „Apocrypha“ въ Mc. Clintoc and Strong's Cyclopaedia; „Apocrypha“ и „Pseudepigrapha“ въ Schaff-Herzog Encyclopaedia; Bissell, „The Apocrypha of the Old Testament;“ Fabricius, „Codex Pseudepigraphus Veteris Testamenti“ и „Codex Apocryphus Novi Testamenti“; Tischendorf „Acta Apostolorum Apocrypha“ и „Evangelia Apocrypha“; переводы на англійскій языкъ новозавѣтныхъ апокрифическихъ книгъ въ „Ante-Nicene Library“, принадлежащіе перу B. Harris Cowper'a и Walker'a.

кто былъ уполномоченъ на то, чтобы исключить ихъ изъ канона? Если божественная печать, отмѣчающая всѣ книги, признанныя каноническими, совсѣмъ не замѣтна на книгахъ апокрифическихъ, то очень странно, что столько церквей и выдающихся христіанскихъ учителей не были въ состояніи замѣтить эту разницу. На это обыкновенно отвѣчаютъ, что эти книги отвергнуты вслѣдствіе того, что онѣ не были написаны самими Апостолами. Но вѣдь нѣкоторыя изъ нашихъ новозавѣтныхъ книгъ тоже не были написаны Апостолами. Ссылаются также на то, что онѣ не особенно цѣнны въ религіозномъ отношеніи. Основаніе это можетъ быть справедливымъ относительно нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній, но оно не вѣрно по отношенію ко всѣмъ. Непризнанныя Евангелія Маркіона и Пастырь Герма по своимъ этическимъ и духовнымъ достоинствамъ безъ сомнѣнія выше каноническаго Посланія Іуды или хотя бы даже Откровенія.

И такъ отвѣтъ на вопросъ, составляютъ ли писанія, вошедшія въ составъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, всю еврейскую литературу за 1000-лѣтній періодъ роста Библіи, — слѣдующій: наряду съ писаніями, образовавшими оба наши Завѣта, появилось еще множество другихъ произведеній, оставшихся внѣ Библіи. Между произведеніями признанными и непризнанными мы не можемъ провести никакой рѣзкой границы. Если неканоническія книги создались естественнымъ образомъ, то точно такимъ же путемъ создались и книги каноническія. Если въ неканоническихъ книгахъ не изъявляется претензій на ихъ боговдохновенность, то то же можно сказать и о большинствѣ, если не о всѣхъ каноническихъ книгахъ. Если неканоническія книги при своемъ появленіи не почитались священными, то и каноническія вначалѣ не считались таковыми. Мысль о ихъ святости возникла только современемъ и въ большинствѣ случаевъ многимъ позже ихъ появленія. Этическія и религіозныя достоинства также не могутъ намъ служить мѣриломъ при оцѣнкѣ признанныхъ и не признанныхъ произведеній еврейской литературы, такъ какъ въ этомъ отношеніи преимущество иногда на сторонѣ неканоническихъ или исключенныхъ изъ Библіи книгъ.

XVI.

Образованіе канона; Ветхій Завѣтъ; Новый Завѣтъ.

Составленіе опредѣленнаго, утвержденнаго церковью списка священныхъ писаній не есть особенность какой-нибудь одной религіи. Послѣдователи Будды, Зороастра и Магомета составляли подобные списки каноническихъ книгъ; понятно, что народъ столь религіозный, какъ евреи, проникнутый сознаніемъ того, что онъ народъ избранный, руководимый самимъ Богомъ, долженъ былъ дѣлать то же.

Канонъ Ветхаго Завѣта.

Канонъ Ветхаго Завѣта состоитъ изъ трехъ собраній книгъ, названныхъ евреями: Законъ, Пророки и Гагіографія. Вельгаузенъ говоритъ: „Законъ первый попалъ въ число каноническихъ книгъ, благодаря вліянію Ездры и Нееміи; Пророки были включены въ канонъ сравнительно позже, а Гагіографія позже всѣхъ.“ Такова вкратцѣ исторія образованія ветхозавѣтнаго канона, но она будетъ болѣе понятна намъ, если мы прибавимъ къ этому еще нѣсколько подробностей.

Процессъ образованія еврейскаго канона совершался очень медленно и кончился въ сравнительно позднее время. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій послѣ того, какъ народъ уже обладалъ многими ветхозавѣтными писаніями — какъ то пророчествами VIII и VII вѣковъ, первыми собраніями Псалмовъ и Притчъ, историческими произведеніями, извѣстными подъ названіемъ Элогистическаго и Іеговистическаго писаній, впослѣдствіи вошедшихъ въ составъ Пятикнижія и др. — канона еще не было. Всѣ эти книги еще не были собраны вмѣстѣ и циркулировали каждая отдѣльно. Между ними были болѣе или менѣе извѣстныя, болѣе или менѣе почитаемыя, но ни одна изъ нихъ не была возведена до степени Священнаго Писанія.

Законъ. Первый шагъ для составленія канона былъ сдѣланъ въ царствованіе царя Іосіи (около 600 г. до Р. Х.), когда этотъ монархъ принялъ таинственную „Книгу Закона“, якобы найденную священникомъ Хелкіей въ храмѣ (вѣроятно Книга Второзаконія), и провозгласилъ ее закономъ для всей своей страны, и произвелъ такимъ образомъ національную реформу, сообразуясь съ ученіями этой книги.

Что книга эта не пользовалась общимъ признаніемъ впродолженіе 100 или 150 слѣдующихъ за тѣмъ лѣтъ, доказывается появленіемъ большого числа пророческихъ и другихъ писаній этого періода. Только уже во времена Ездры и Нееміи, т. е. почти 100 лѣтъ послѣ Вавилонскаго плѣненія, былъ сдѣланъ другой, въ этотъ разъ болѣе дѣйствительный шагъ къ составленію канона. Ездра и Неемія возвращаются изъ Вавилона въ Іерусалимъ, исполненные ревностнаго желанія служить Господу. Они приносятъ съ собой важную по своему значенію книгу, называемую ими книгой Закона Моисеева и содержащую разработанный сводъ предписаній, какъ для храмового культа, такъ и для всей религіозной жизни народа. Приготовивъ почву для благопріятнаго ея пріема, они созываютъ народныя собранія, читаютъ Законъ и связываютъ народъ торжественнымъ обѣтомъ принять его и отнынѣ повиноваться ему. Это происходило въ 444 г. до Р. Х. Почти не подлежитъ сомнѣнію, что книга эта въ существенныхъ чертахъ тождественна съ нашимъ теперешнимъ „Пятикнижіемъ“ или такъ называемыми пятью „Книгами Моисея.“ Вотъ какимъ образомъ былъ, вѣроятно, сдѣланъ первый рѣшительный шагъ къ образованію первой части ветхозавѣтнаго канона, извѣстной у евреевъ подъ именемъ „Закона“ и содержащей Бытіе, Исходъ, Левитъ, Книгу Чиселъ и Второзаконіе.

Пророки. Когда такимъ образомъ Законъ сталъ считаться священнымъ и взоры народа стали все больше и больше обращаться къ прошлому, признаніе святости писаній древнихъ пророковъ — этой гордости Израильскаго народа — и причисленіе ихъ къ ветхозавѣтному канону составляли уже только вопросъ времени. И дѣйствительно мы видимъ, что въ слѣдующія два столѣтія писанія пророковъ постепенно собираются и подвергаются пересмотру и многочисленнымъ редакціямъ, слѣды которыхъ мы встрѣчаемъ во многихъ писаніяхъ;*) они все больше распространяются среди народа и облекаются все возрастающимъ авторитетомъ и святостью, пока наконецъ въ 250 году до Р. Х. изъ нихъ не составляется вторая часть канона, извѣст-

*) Напримѣръ въ книгѣ пророка Исаіи, въ которой соединены произведенія двухъ авторовъ, и въ книгѣ Захаріи, въ составъ которой вошли сочиненія трехъ разныхъ писателей.

ная у евреевъ подъ названіемъ „Пророковъ“. Эта часть содержитъ въ себѣ книги Іисуса Навина, Судей, Первую и Вторую Книги Самуила (или Царствъ. *Ред.*), Первую и Вторую Книгу Царей (или 3 и 4 Царствъ. *Ред.*), Исаіи, Іереміи, Іезекіиля и двѣнадцати малыхъ Пророковъ.

Остальныя книги Ветхаго Завѣта (Гаіографія). Но составленіе Канона на этомъ еще не останавливается. Существуютъ еще другія писанія, и нѣкоторыя изъ нихъ весьма важны; пишутся также и новыя книги. Изъ этихъ произведеній составляется приблизительно въ 100 г. до Р. Х. новое третье собраніе священныхъ писаній, которое называется Гаіографіей. Это тѣ ветхозавѣтныя книги, которыя не вошли въ составъ Закона или Пророковъ, а именно: Псалмы, Притчи, Книга Іова, Пѣснь Пѣсней, Книга Руѳь, Плачъ Іереміи, Екклезіастъ, Есѳирь, Даніилъ, Ездра, Неемія и Первая и Вторая Книга Паралипоменонъ. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ книгъ, однако, еще долго относились съ недовѣріемъ. До самой смерти Павла происходили пренія о томъ, слѣдуетъ ли причислить къ канону Екклезіаста и Пѣснь Пѣсней Соломона. И ни одна изъ книгъ этой третьей части канона, вплоть до христіанской эры, не пользовалась среди еврейскаго народа такимъ же авторитетомъ, какъ книги двухъ первыхъ частей. Высшее мѣсто у нихъ занималъ Законъ; немного ниже его были Пророки и значительно ниже обоихъ — Гаіографія. И дѣйствительно, евреи только съ нерѣшительностью и, допуская нѣкоторую неточность въ выраженіяхъ, говорили о Гаіографіи, какъ о Священномъ Писаніи въ настоящемъ значеніи этого слова.

Такова въ краткихъ чертахъ исторія образованія ветхозавѣтнаго канона, согласно наивѣрнѣйшимъ даннымъ, добытымъ современной критикой. Но вправѣ ли мы считать, что эта исторія не можетъ содержать ни малѣйшей погрѣшности? Утверждать подобную вещь можетъ развѣ только человѣкъ съ предвзятыми мнѣніями. Безспорно, что въ общемъ достигнутые библейской критикой результаты превосходны, и мы должны высоко цѣнить ихъ. Но компетентные ученые не заявляютъ въ данномъ случаѣ притязаній на непогрѣшимость.

Канонъ Новаго Завѣта.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ составился канонъ Новаго Завѣта. Во многихъ существенныхъ отношеніяхъ мы

видимъ здѣсь повтореніе ветхозавѣтной исторіи. Въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ отъ начала христіанства новая религія создаетъ обширную и разнообразную литературу. Изъ этой литературы рано или поздно должна была образоваться новая священная книга; это было такъ же естественно и неизбѣжно, какъ образованіе священной книги изъ еврейской литературы, созданной религіознымъ опытомъ и жизнью еврейскаго народа. Такъ и случилось въ дѣйствительности. До начала II-го столѣтія никто изъ христіанъ повидимому даже не находилъ возможнымъ существованіе другихъ священныхъ книгъ, кромѣ Ветхаго Завѣта. И когда наконецъ появились Евангелія и различныя Посланія, они еще долгое время пользовались гораздо меньшимъ авторитетомъ, чѣмъ древнія писанія, а до середины II вѣка, даже чѣмъ устныя преданія тѣхъ религіозныхъ общинъ, въ которыхъ проповѣдывали сами апостолы. Но къ концу II-го столѣтія дѣло постепенно измѣняется. Нѣкоторыя новозавѣтныя книги начинаютъ пріобрѣтать большее значеніе, чѣмъ остальныя, и мало по-малу какъ бы образуютъ новые священные сборники. Съ теченіемъ времени онѣ у христіанъ входятъ все въ большее употребленіе. Но въ продолженіе еще нѣсколькихъ столѣтій многія церкви наряду съ нашими новозавѣтными писаніями употребляютъ и такія книги, которыя мы считаемъ подложными. Любопытенъ тотъ фактъ, что изъ всѣхъ великихъ писателей и Отцевъ древней церкви едва ли найдется хоть одинъ, который причислялъ бы къ новозавѣтному канону именно тѣ книги, изъ которыхъ состоитъ нашъ теперешній Новый Завѣтъ. Почти всѣ они или признавали каноническими такія писанія, которыя мы отвергаемъ, или, наоборотъ, отвергали нѣкоторыя изъ писаній, включенныхъ въ нашъ канонъ. Такъ напр., Ириней, одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе авторитетныхъ Отцевъ Церкви, отвергаетъ пять книгъ, входящихъ въ составъ нашего Новаго Завѣта, а именно: Посланіе къ Евреямъ, Посланія Іуды и Іакова, Второе Посланіе Петра и Третье Посланіе Іоанна. Въ то же время онъ ставитъ очень высоко и причисляетъ къ священнымъ писаніямъ одну изъ такъ называемыхъ апокрифическихъ книгъ (Пастырь Герма). Климентъ Александрійскій ставитъ три апокрифическія книги — Апокалипсисъ Петра, Посланіе Варнавы и Пастырь Герма — наравнѣ съ тремя нашими каноническими ново-

завѣтными книгами: Посланіями къ Евреямъ, Вторымъ Іоанна и Іуды. Знаменитый Тертуліанъ исключаетъ изъ Новаго Завѣта всѣ книги, кромѣ четырехъ Евангелій, Дѣяній, тринадцати Посланій Павла, Откровенія и Перваго Посланія Іоанна; и даже Афанасій находитъ нѣсколько апокрифическихъ писаній такими же цѣнными и боговдохновенными, какъ тѣ, которыя вошли въ составъ нашего канона.

Вѣкъ образованія новозавѣтнаго канона. Если мы возьмемъ во вниманіе особенность, составляющую характернѣйшую черту того вѣка, въ которомъ былъ составленъ новозавѣтный канонъ, мы легко поймемъ, что въ тѣ времена подобная работа и не могла быть исполнена иначе, какъ весьма несовершенно. Дѣло въ томъ, что это былъ вѣкъ всеобщаго крайняго легковѣрія и полнаго отсутствія научной критики. Въ нашъ вѣкъ науки, подвергающей все тщательному изслѣдованію и испытанію, даже трудно представить себѣ, съ какой легкостью люди того времени принимали на вѣру все, во что имъ хотѣлось вѣрить, довольствуясь при этомъ самыми недостовѣрными свидѣтельствами или даже вовсе обходясь безъ нихъ. Приводимъ по этому поводу вѣскія и тщательно обдуманныя слова Д-ра Хеджа (Hedge): „Несмотря на все то, что было извлечено библейскими критиками и археологами изъ пыли древности въ доказательство подлинности книгъ Новаго Завѣта, противъ достовѣрности ихъ все-таки говоритъ тотъ фактъ, что времена, въ которыя эти книги появились и были пущены въ обращеніе, были временами полнаго отсутствія научной критики, развившейся лишь въ послѣднее время, — той науки, которая строго анализируетъ всякія утвержденія, взвѣшивая относительныя достоинства противорѣчивыхъ свидѣтельствъ, и тщательно очищаетъ истину отъ всякой примѣси лжи; это были времена безграничнаго легковѣрія, располагавшаго людей вѣрить такъ же легко въ чудеса, какъ и въ дѣйствительныя событія, не требуя для первыхъ болѣе вѣскихъ доказательствъ, чѣмъ тѣ, которыми они довольствовались для вторыхъ, т. е. слуховъ и пересказовъ; времена, когда литературная честность была еще совершенно незнакомой добродѣтелью, и слѣдовательно литературныя поддѣлки появлялись такъ же часто, какъ и подлинныя произведенія; когда переписчики священныхъ книгъ, не задумываясь, измѣняли текстъ подлинника, какъ въ своихъ личныхъ видахъ,

такъ и для поддержанія какой-нибудь предвзятой доктрины. Недавно открытый Синайскій кодексъ (древнѣйшая извѣстная намъ рукопись Новаго Завѣта) относится къ IV столѣтію. Тишендорфъ, извѣстный правовѣрный критикъ, открывшій ее, съ негодованіемъ говоритъ о той вольности, съ которой повидимому обращались съ текстомъ этой рукописи, — вольности, особенно характеризующей, по его словамъ, первыя три столѣтія.“*)

Мы не должны забывать, что именно эти вѣка и были временемъ образованія Канона Новаго Завѣта.

Давидсонъ говоритъ: „Невозможно установить, какими собственно принципами руководились при составленіи новозавѣтнаго Канона. Очевидно, не существовало никакихъ опредѣленныхъ и сознательно установленныхъ основаній для принятія или непринятія въ канонъ тѣхъ или другихъ книгъ. Выборъ ихъ зависѣлъ отъ различныхъ обстоятельствъ. Ни одинъ изъ членовъ собора (когда-либо занятаго рѣшеніемъ вопроса, какія писанія должны быть включены въ канонъ) не примѣнялъ въ этомъ дѣлѣ своихъ критическихъ способностей, и большинство рѣшало дѣло весьма поверхностно. При этомъ епископы руководствовались или традиціями, или авторитетами.“ Кромѣ того, при рѣшеніи этихъ вопросовъ, члены собора обнаруживали всегда не малую долю нетерпимости, партійности и личнаго раздраженія. Епископы нерѣдко обвиняли другъ друга въ подлогѣ священныхъ писаній и искаженіи первоначальнаго текста, такъ что дебаты соборовъ, принимавшихъ участіе въ установленіи канона, сильно напоминаютъ намъ образъ дѣйствія наихудшихъ политическихъ собраній нашего времени.**)

---

*) „Ways of the Spirit“, стр. 325. Прекрасную картину умственнаго состоянія христіанскаго міра въ тѣ вѣка, когда составлялся новозавѣтный канонъ, можно найти въ соч. Лекки „History of European Morals“, т. II, стр. 108 — 211.

**) О духѣ, господствовавшемъ на этихъ соборахъ, можно получить понятіе изъ соч. Лекки „European Morals“, т. II-й, стр. 207 — 210. Dean Milman говоритъ: „Нигдѣ христіанство не является въ менѣе привлекательномъ видѣ, чѣмъ на церковныхъ соборахъ... Интриги, несправедливости, насилія, рѣшеніе на основаніи одного лишь авторитета, и при томъ авторитета буйнаго большинства... колеблютъ чувство почтенія, по крайней мѣрѣ по отношенію къ позднѣйшимъ соборамъ, и заставляютъ сомнѣваться въ правильности ихъ поста-

Окончательнаго установленія канона никогда не было. Въ этомъ отношеніи никогда не было достигнуто никакихъ опредѣленныхъ и окончательныхъ результатовъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что канонъ былъ окончательно установленъ Лаодикейскимъ соборомъ (въ 363 г. по Р. Х.), но высшій авторитетъ по этому предмету, Давидсонъ, отрицаетъ это. Вотъ его слова: „Несмотря на всѣ усилія восточной и западной церквей впродолженіе IV и V столѣтій установить канонъ, онъ все-таки не былъ окончательно установленъ. По прежнему появлялись отдѣльныя личности, выражавшія сомнѣнія, и послѣдующіе вѣка оставили намъ не мало свидѣтельствъ о недостаткѣ всеобщаго соглашенія относительно нѣкоторыхъ книгъ.“ И въ самомъ дѣлѣ, если этимъ соборомъ было установлено, какія именно книги должны принадлежать къ Ветхому и Новому Завѣту, то мы теперь неправильно исключаемъ книгу Варуха изъ нашего Ветхаго Завѣта и такъ же неправильно включаемъ Откровеніе въ Новый Завѣтъ. Если же канонъ былъ установленъ, какъ иногда утверждаютъ, Карѳагенскимъ соборомъ (397 г. по Р. Х.?), то мы не должны были бы исключать изъ нашей Библіи книги: Премудрости Іисуса, сына Сирахова, Премудрости Соломона, Товита, Іудиѳь и I и II Книги Маккавейскія.

Въ самомъ дѣлѣ, католики считаютъ канонъ установленнымъ только со времени новаго Тридентскаго собора, созваннаго въ 1545 году и длившагося до 1563 года, т. е. какъ разъ во время нѣмецкой реформаціи. Соборъ этотъ издалъ формальный декретъ, опредѣляющій, какія именно книги принадлежатъ къ Библіи. Въ немъ перечислены тѣ самыя книги, которыя и теперь входятъ въ составъ нашей протестантской Библіи, съ прибавленіемъ къ нимъ четырнадцати ветхозавѣтныхъ апокрифическихъ. Католики поэтому, съ ихъ теоріей непогрѣшимости Церкви и ея рѣшеній, имѣютъ право утверждать, что у нихъ есть авторитетный канонъ Священнаго Писанія. Протестанты

новленій. Эти постановленія почти неизмѣнно кончаются страшной анаѳемой, въ которой такъ и слышатся ненависть, задорное торжество, радость по поводу проклятія, бросаемаго противнику, котораго удалось унизить.“ „History of Latin Christianity“, т. I, стр. 227. См. такъ же Gibbon, „Decline and Fall of the Roman Empire“, гл. XLVII и „History of Latin Christianity“, кн. I, гл. II и кн. II, гл. I — IV, passim.

же не имѣютъ никакого основанія для подобнаго утвержденія.

Несовершенство Канона. Лютеръ рѣшительно придерживался того мнѣнія, что нашъ настоящій Канонъ во многомъ несовершененъ. Онъ думалъ, что ветхозавѣтная Книга Есѳирь не должна принадлежать къ Библіи. Съ другой стороны онъ, переводя Ветхій Завѣтъ, перевелъ также апокрифическія книги: Іудиѳь, Премудрости Соломона, Товита, Премудрости Іисуса, сына Сирахова, Варуха, Первую и Вторую книги Маккавейскія и Молитву Манассіи. Въ предисловіяхъ онъ высказываетъ намъ свои мнѣнія объ этихъ книгахъ. Первую книгу Маккавейскую онъ считаетъ почти равной другимъ книгамъ Священнаго Писанія и не находитъ ее недостойной занять мѣсто между ними. О книгѣ Премудрости Соломона говоритъ, что онъ долго сомнѣвался, слѣдуетъ ли ее причислить къ каноническимъ книгамъ. Книгу Іисуса, сына Сирахова, онъ находитъ безусловно хорошимъ произведеніемъ, написаннымъ мудрымъ человѣкомъ. Такъ же опредѣленны были его сужденія относительно нѣкоторыхъ книгъ Новаго Завѣта. Онъ думалъ, что Посланіе къ Евреямъ не исходитъ ни отъ Павла, ни отъ какого другого апостола, и что оно не можетъ быть поставлено наравнѣ съ Посланіями, написанными самими апостолами. Апокалипсисъ (или Откровеніе) онъ не считалъ ни апостольскимъ, ни пророческимъ и не признавалъ за нимъ почти никакой цѣны. Онъ не вѣрилъ, что Посланіе Іуды составлено апостоломъ, и называлъ неапостольскимъ и „ничего не стоющимъ“ Посланіе Іакова.

Великій швейцарскій реформаторъ Цвингли утверждалъ, что Апокалипсисъ собственно не библейская книга. И даже Кальвинъ не считалъ Павла авторомъ Посланія къ Евреямъ, а Петра — авторомъ такъ называемаго Второго Посланія Петра; что же касается Откровенія Іоанна, то онъ объявилъ его непонятнымъ и запретилъ женевскимъ пасторамъ дѣлать какія бы то ни было попытки толкованія этой книги.

Таковы нѣкоторые изъ наиболѣе важныхъ фактовъ, относящихся къ образованію нашихъ ветхо- и новозавѣтныхъ каноновъ, — фактовъ, выясненныхъ самой безпристрастной, научной критикой нашего времени. При свѣтѣ этихъ фактовъ мы легко можемъ видѣть, что люди, на которыхъ лежитъ отвѣтственность

въ составленіи нашей Библіи, сдѣлали много промаховъ, иногда весьма важныхъ.

Но остережемся слишкомъ узкаго или несправедливаго сужденія. Если бы мы могли ясно представить себѣ всѣ обстоятельства, при которыхъ сложилась Библія, мы, вѣроятно, были бы удивлены, что промахи не были еще многочисленнѣе и важнѣе, и навѣрное увидѣли бы, какъ много мы имѣемъ основаній быть благодарными. То обстоятельство, что книги, объявленныя каноническими и дошедшія въ такомъ видѣ до насъ, въ общемъ, и въ нравственномъ, и въ духовномъ отношеніяхъ такого высокаго достоинства, — говоритъ въ пользу вѣрности и надежности нравственнаго и духовнаго чутья человѣчества. Оно кромѣ того доказываетъ, что великій, чудный законъ, называемый въ наукѣ „естественнымъ отборомъ“ и „переживаніемъ наиболѣе приспособленнаго“, существуетъ такъ же сильно и постоянно дѣйствуетъ не только въ физическо-органическомъ, но и въ умственномъ, нравственномъ и религіозномъ мірахъ. Или, облекая эту же мысль въ форму, которую бы ей придало христіанство, оно доказываетъ, что въ мірѣ есть безконечный „духъ истины,“ который проявляетъ себя всюду и не оставляетъ ни одного вѣка „безъ свидѣтельства о себѣ“.*)

Сходство между образованіемъ христіанскаго и буддійскаго канона. — Изслѣдованіе Макса Мюллера о происхожденіи буддійскихъ священныхъ писаній и образованіи ихъ канона бросаетъ такой яркій свѣтъ на происхожденіе писаній Новаго Завѣта и на процессъ образованія изъ нихъ каноническаго сборника, что было бы непростительно съ моей стороны, если бы я не привелъ здѣсь цитаты изъ его сочиненія.

„Пока Будда былъ живъ, говоритъ Мюллеръ, не было нужды

---

*) Для дальнѣйшихъ свѣдѣній о каноне Ветхаго и Новаго Завѣтовъ см. слѣдующія сочиненія: Davidson, „Canon of the Bible“ или статью „Canon“ въ Encycl. Brit., (представляющую сокращенное изложеніе книги Davidson'a); Buhl, „Canon and Text of the Old Testament“; Ryle, „Canon of the Old Testament“; Robertson Smith, „Old Testament in the Jewish Church“, лекціи V и VI; Toy, „Judaism and Christianity“, стр. 68 — 76; Knappert, „Religion of Israel“, гл. XXI; Westcott, „Canon of the New Testament“.

въ записяхъ событій или въ священномъ писаніи, которое содержало бы поученія великаго учителя. Одного присутствія его было достаточно, и мысль о будущемъ рѣдко приходила на умъ тѣмъ, которые слѣдовали за нимъ. Только когда Будда покинулъ міръ, чтобы погрузиться въ Нирвану, ученики его постарались воскресить память о всѣхъ дѣлахъ и словахъ умершаго ихъ друга и учителя. Съ жаромъ привѣтствовали они тогда все, что казалось увеличивающимъ славу Будды, какъ бы необыкновенно и невѣроятно оно ни было; если же находились очевидцы, осмѣливавшіеся критиковать или отвергать недоказанныя утвержденія или какимъ-нибудь образомъ умалять священный характеръ Будды, то ихъ никто не хотѣлъ слушать. Когда же, несмотря на все это, между учениками Будды возникали разногласія, то ихъ не устраняли путемъ тщательнаго взвѣшиванія всѣхъ доводовъ и свидѣтельскихъ показаній, а клеймили названіемъ „невѣрія“ или „ереси“; эти слова въ Индіи были придуманы такъ же скоро, какъ и въ другихъ мѣстахъ, и противныя стороны перебрасывались ими, какъ мячемъ, до тѣхъ поръ, пока спорящіе богословы не бывали вынуждены обратиться къ свѣтской власти. Тогда цари и императоры созывали соборы для подавленія раскола, для установленія одной православной вѣры и составленія священнаго канона. Мы знаемъ напримѣръ, что царь Асока, современникъ Селевка, отправилъ своего царскаго посла въ собраніе старѣйшинъ, чтобы дать имъ наставленіе, какъ дѣйствовать и чего избѣгать, и отъ его имени обратить ихъ вниманіе на апокрифическій или еретическій характеръ нѣкоторыхъ книгъ, которыя, по его мнѣнію, не должны были быть приняты въ священный канонъ.

„Изъ этого мы можемъ вывести заключеніе, — продолжаетъ Мюллеръ, — подтверждаемое также изученіемъ другихъ религій, что, хотя каноническія книги въ большинствѣ случаевъ и доставляютъ наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія, доступныя ученому изслѣдователю религій, но что довѣряться имъ слѣпо нельзя. Напротивъ, онѣ должны быть подвергнуты болѣе тщательной критикѣ и болѣе строгому изслѣдованію, чѣмъ всѣ другія историческія книги“.

Читая вышеприведенныя строки, съ трудомъ вѣрится тому, что изложенная профессоромъ Мюллеромъ исторія возникнове-

нія священныхъ писаній и образованія канона трактуетъ о буддійскихъ священныхъ писаніяхъ и о буддійскомъ канонѣ, а не о нашемъ Новомъ Завѣтѣ. Стоитъ намъ замѣнить „Будду“ „Іисусомъ“, „Индію“ „бассейномъ Средиземнаго моря“, „царя Асоку“ „императоромъ Константиномъ“ и еще однимъ или двумя христіанскими императорами, — и мы получимъ почти точную исторію возникновенія большой части литературы, вызванной жизнью и ученіемъ Іисуса, и того процесса, съ помощью котораго изъ всей этой литературы была выдѣлена только извѣстная часть ея и постепенно связана и объединена въ нашъ Новый Завѣтъ.

XVII.

Текстъ Ветхаго и Новаго Завѣта; его образованіе и сохраненіе.

I.

Мы видѣли, какъ произошли различныя книги Библіи и какъ онѣ были собраны вмѣстѣ въ одинъ священный канонъ; теперь намъ предстоитъ еще разсмотрѣть вопросъ о томъ, какимъ образомъ онѣ сохранились до нашихъ дней.

Существуетъ общераспространенный взглядъ, что, если Библія и не была первоначально написана на нашемъ родномъ языкѣ, то мы, по крайней мѣрѣ, можемъ прослѣдить происхожденіе нашего еврейскаго и греческаго текста, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, отъ самыхъ рукописей вдохновенныхъ авторовъ Библіи, такъ что подлинность ихъ словъ такъ же мало подлежитъ сомнѣнію, какъ подлинность декларації американской независимости или всякой книги, напечатанной вчера съ рукописи автора. Въ настоящей и послѣдующей главахъ мы поставили себѣ цѣлью показать, насколько правиленъ такой взглядъ и какъ дѣло это обстоитъ въ дѣйствительности.

Языкъ Библіи. На какомъ языкѣ были написаны книги Ветхаго Завѣта? За исключеніемъ нѣкоторыхъ частей книгъ Ездры и Даніила, написанныхъ на арамейскомъ языкѣ, онѣ всѣ были написаны по-еврейски.*)

*) Ездра IV, 8 — VI, 18 и VII, 12 — 26; Дан. II, 4 — VII, 28; а также представляющій позднѣйшую вставку стихъ въ Іер. X, 11.

Оба эти языка были семитическаго происхожденія и приблизительно такъ же родственны другъ другу, какъ англійскій и нѣмецкій. Еврейскій языкъ, конечно, былъ природнымъ языкомъ еврейскаго народа, но онъ вышелъ изъ народнаго употребленія за три или четыре столѣтія до Р. Х. (послѣ возвращенія изъ Вавилонскаго плѣненія) и былъ замѣненъ арамейскимъ языкомъ, широко распространеннымъ между путешественниками и торговыми людьми всей западной Азіи. Большая часть ветхозавѣтныхъ книгъ была написана въ то время, когда еврейскій языкъ еще былъ разговорнымъ языкомъ. Но и послѣ того, какъ онъ былъ вытѣсненъ изъ общаго употребленія арамейскимъ нарѣчіемъ, онъ все еще оставался литературнымъ и священнымъ языкомъ; поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что и остальныя книги, сохраненныя канономъ, несмотря на водвореніе арамейскаго языка, были написаны на еврейскомъ.

Обращаясь теперь къ Новому Завѣту, мы находимъ, что онъ былъ написанъ на греческомъ языкѣ. Съ перваго взгляда это обстоятельство кажется нѣсколько страннымъ. Іисусъ и его ученики были евреями. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что они говорили по-арамейски, подобно всѣмъ другимъ евреямъ Палестины. Почему же Новый Завѣтъ не былъ написанъ по-еврейски, т. е. на священномъ, ветхозавѣтномъ языкѣ евреевъ? Или, если не по-еврейски, то почему не на арамейскомъ народномъ языкѣ?

Нѣкоторыя изъ болѣе раннихъ христіанскихъ писаній были написаны на арамейскомъ языкѣ, но изъ нихъ почти ни одно не сохранилось. Открыть причины, почему греческій языкъ сдѣлался новозавѣтнымъ языкомъ не трудно. Причины эти слѣдующія:

1) На христіанство почти съ самаго его возникновенія стали смотрѣть, не какъ на іудейскую секту, а какъ на новую религію; и точно такъ же смотрѣли на дѣло и сами христіане. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они не тяготѣли къ старому священному языку.

2) Христіанство очень скоро пустило отъ себя побѣги за предѣлы Палестины и пріобрѣло больше всего силы и успѣха среди языческихъ народовъ. Поэтому для христіанъ едва ли могло быть желательно взвалить на себя бремя такого мертваго языка, какъ еврейскій, который былъ непонятенъ для большинства послѣдователей новой религіи.

3) Главная же причина та, что греческій языкъ въ тѣ времена сдѣлался важнѣйшимъ литературнымъ языкомъ, языкомъ международныхъ сношеній и въ значительной мѣрѣ также торговымъ языкомъ. Въ Палестинѣ онъ грозилъ вытѣснить арамейскій языкъ, по крайней мѣрѣ среди болѣе образованнаго и зажиточнаго населенія, въ большей же части Римской имперіи онъ былъ господствующимъ языкомъ. Даже ветхозавѣтныя еврейскія писанія были переведены на греческій языкъ для евреевъ, говорившихъ по-гречески, ибо ихъ страна, и особенно весь говорившій по-гречески языческій міръ, и были главными разсадниками христіанства. Поэтому греческій языкъ естественно и необходимо долженъ былъ стать языкомъ новой религіи и ея новыхъ священныхъ писаній.

Итакъ мы знаемъ, на какихъ языкахъ первоначально были написаны Ветхій и Новый Завѣты, и видимъ съ самаго начала нашего изслѣдованія, что всѣ писанія Библіи, которую мы читаемъ, не только переведены на нашъ родной языкъ, но что слова Іисуса, — самаго главнаго изъ всѣхъ учителей Библіи, — сказанныя имъ самимъ на арамейскомъ языкѣ и переданныя міру по-гречески должны были пройти черезъ два перевода, чтобы дойти до насъ, говорящихъ на новыхъ языкахъ.

Что же мы въ дѣйствительности знаемъ о подлинныхъ еврейскихъ и греческихъ писаніяхъ? Попробуемъ пробить себѣ дорогу назадъ къ этимъ подлинникамъ и начнемъ съ Ветхаго Завѣта.

Рукописи Ветхаго Завѣта.

У насъ въ настоящее время есть ветхозавѣтный текстъ, напечатанный по-еврейски. Какова можетъ быть его давность? Онъ не можетъ быть очень древнимъ, такъ какъ книгопечатаніе — изобрѣтеніе новаго времени. Но нѣтъ ли у насъ рукописей книгъ Ветхаго Завѣта и, можетъ быть, очень древнихъ? Самый древній нашъ еврейскій манускриптъ всего Ветхаго Завѣта относится къ 1009 году по Р. Х., а самая древняя изъ рукописей отдѣльныхъ книгъ Библіи (Пророческій кодексъ) написана въ 916 г. по Р. Х.*) Намъ кажется, что это было очень давно, но въ сущности мы прошли еще только очень малую

*) Обѣ эти рукописи хранятся въ С.-Петербургской Императорской Библіотекѣ.

часть всего длиннаго пути, отдѣляющаго насъ отъ тѣхъ давнихъ временъ, когда писали древніе пророки, псалмопѣвцы и законодатели! А тѣ двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать столѣтій, которыя еще лежатъ между этими рукописями и временемъ зарожденія ветхозавѣтныхъ книгъ? Какъ можемъ мы быть увѣрены въ томъ, что эти сравнительно новые (но самые древніе, какіе у насъ есть) манускрипты — вѣрныя копіи книгъ, написанныхъ столько вѣковъ тому назадъ Исаіей, Іереміей и Ездрой?

Древне-еврейскія письмена не имѣютъ гласныхъ. Съ первыхъ же шаговъ нашего изслѣдованія о первоначальномъ языкѣ Ветхаго Завѣта, мы встрѣчаемся съ фактомъ огромнаго, даже поражающаго значенія. Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что еврейскій письменный языкъ первоначально не имѣлъ ни гласныхъ, ни замѣняющихъ ихъ знаковъ. Изъ этого, конечно, вытекаетъ немаловажное слѣдствіе, что книги Ветхаго Завѣта были написаны однѣми согласными и въ этомъ видѣ сохранялись въ продолженіе многихъ столѣтій.

Правда, если мы теперь возьмемъ еврейскую Библію или рукопись, то мы найдемъ въ нихъ остовъ согласныхъ заполненнымъ точками и другими знаками снизу и сверху, обозначающими недостающія гласныя. Но эти знаки не составляли принадлежности древней еврейской Библіи. Тогда люди читали книги по однѣмъ согласнымъ, заполняя ихъ гласными, каждый по мѣрѣ своего умѣнья, и сообразно съ кажущимися требованіями смысла и устныхъ преданій.

Неясность письма однѣми согласными. Попробуйте представить себѣ, насколько точно можетъ быть и въ наше время письмо, написанное однѣми согласными, когда напримѣръ буквы *крв* могутъ обозначать одинаково: кровь, кривой, корова, кровъ или буквы *рк* — должны обозначать рѣку или руку, рекъ или ракъ, или рокъ, буквы *дн* — день, дано, дно, дань, дунь и т. д.

Въ поясненіе приведу одно или два слова изъ древне-еврейскаго языка. Еврейское слово (или остовъ согласныхъ этого слова) qtl можетъ быть существительнымъ, глаголомъ или причастіемъ, и если оно глаголъ, то оно можетъ быть дѣйствительнымъ, страдательнымъ и возвратнымъ залогомъ и можетъ имѣть девять различныхъ значеній, смотря по тому какія гласныя будутъ добавлены при чтеніи. Еврейское слово

dbhr можетъ имѣть пять различныхъ значеній, а именно: „слово“, „онъ сказалъ“, „говорить“, „говоря“, „сказано“ и „чума“, смотря по гласнымъ, которыми оно будетъ заполнено. Итакъ вотъ тотъ письменный языкъ, которымъ первоначально была написана большая часть нашей Библіи. „Легко понять, говоритъ Гезеніусъ, какъ несовершененъ и неясенъ такой способъ письма.“

Профессоръ Т. Ф. Куртисъ сравниваетъ письмо согласными съ стенографической скорописью газетныхъ репортеровъ. Онъ говоритъ: „Покуда еврейскій языкъ былъ разговорнымъ языкомъ, онъ писался безъ всякихъ гласныхъ и двойныхъ буквъ. Совершенно тѣмъ же способомъ пишутся въ наше время стенографическіе отчеты, и этого письма обыкновенно бываетъ довольно, чтобы напомнить репортеру рѣчь, смыслъ которой онъ недавно ясно понялъ... И древне-еврейское письмо безъ знаковъ такъ же было пригодно для людей, хорошо знакомыхъ съ предметомъ и языкомъ, по крайней мѣрѣ оно могло служить руководствомъ для священниковъ и напомнить имъ законъ, такъ что они могли объяснить его народу; но и здѣсь всегда было много случаевъ, въ которыхъ смыслъ письменъ оставался крайне сомнительнымъ и могъ быть понятъ только съ помощью авторитета преданія.*)“

Профессоръ Робертсонъ Смитъ говоритъ по этому поводу: „Прошу васъ представить себѣ ясно и точно, какимъ образомъ книжники временъ Христа и до него обращались съ Библіей. Они имѣли передъ собой только голый текстъ безъ гласныхъ, такъ что одни и тѣ же слова могли быть прочтены и истолкованы различными способами. Хорошимъ примѣромъ для этого можетъ служить 21-й стихъ Посланія къ Евреямъ, гл. XI, гдѣ мы читаемъ, что „Яковъ поклонился на верхъ жезла своего“, тогда какъ въ нашей еврейской Библіи, какъ она напечатана теперь (Бытіе XLVII, 31) ничего не сказано о „жезлѣ,“ а говорится о возглавіи „постели“ его. Слово „постель“ по еврейски называется hammittah, жезлъ hammatteh, согласныя въ этихъ двухъ словахъ однѣ и тѣ же, разница только въ гласныхъ. А такъ какъ

*) „Human Element in Inspiration“; стр. 170 — 174. См. также Davidson, „Introduction to the Old Testament“, т. I, стр. 107.

писались только согласныя, то нѣтъ ничего удивительнаго, что одно лицо читало „постель,“ какъ написано въ нашей Библіи, согласно съ еврейскими книжниками, и что, съ другой стороны, авторъ Посланія къ Евреямъ понялъ это слово, какъ „жезлъ“, согласно греческому переводу Семидесяти Толковниковъ. Помимо голаго текста, какъ мы видѣли, часто двусмысленнаго, книжники не имѣли другого руководства, кромѣ устнаго ученія. У нихъ не было грамматическихъ правилъ, которымъ бы они могли слѣдовать. Тотъ еврейскій языкъ, на которомъ они сами писали, часто допускалъ обороты рѣчи, невозможные въ древнемъ языкѣ, и когда имъ встрѣчалось устарѣлое слово или выраженіе, они не могли сами находить ключъ къ его пониманію, безъ указаній учителя, какъ произносить и понимать эти слова.*)

Введеніе знаковъ, замѣняющихъ гласныя. Въ такомъ положеніи еврейскій письменный языкъ находился не только въ самомъ началѣ, но въ продолженіе еще многихъ столѣтій. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ серьезный недостатокъ еврейской Библіи былъ устраненъ не ранѣе седьмого или восьмого вѣка по Р. Х., когда еврейскіе ученые, извѣстные подъ названіемъ массоритовъ, съ большимъ терпѣніемъ провѣрили весь текстъ Ветхаго Завѣта и, по лучшему своему разумѣнію, прибавили къ нему знаки, замѣняющіе гласные; но у нихъ не было никакихъ руководствъ, кромѣ собственнаго сужденія и очень несовершеннаго преданія; и что они дѣйствительно сдѣлали безчисленное множество ошибокъ, это не составляетъ тайны ни для одного знатока еврейскаго языка. Профессоръ Драйверъ говоритъ: „Правда, что со времени возникновенія школы массоритовъ въ VII и VIII столѣтіи (и вѣроятно для нѣкоторыхъ частей Ветхаго Завѣта, особенно для Закона Моисея, еще гораздо ранѣе) евреи выказали чрезвычайную добросовѣстность и точность въ сохраненіи и правильной передачѣ текста священныхъ книгъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этому періоду осторожнаго обращенія съ текстомъ предшествовалъ другой, когда отношеніе было весьма вольное, благодаря чему въ текстъ вкрались различныя искаженія. Евреи принялись охранять свои священныя книги съ необыкновенной заботливостью уже

*) „Old Testament in the Jewish Church“, стр. 50, 51.

тогда, когда было слишкомъ поздно исправить такимъ образомъ нанесенный имъ вредъ. Результатомъ этой заботливости было только увѣковѣченіе искаженій, которыя теперь были поставлены по авторитетности (конечно безсознательно) совершенно на одинъ уровень съ подлиннымъ текстомъ и облечены въ фиктивное подобіе подлинности.*)

Прежде придерживались того мнѣнія, что гласные знаки были введены въ еврейскій текстъ Ездрой въ V столѣтіи до Р. Х., и что онъ для этой работы былъ особо вдохновленъ Богомъ, такъ что онъ не могъ сдѣлать ошибокъ. Когда въ XVI и XVII столѣтіи Левита и Капеллюсъ во Франціи опровергли это мнѣніе и доказали, что гласные знаки были введены только массоритами, т. е. болѣе тысячи лѣтъ спустя послѣ Ездры, это открытіе произвело большую сенсацію во всей протестантской Европѣ. Многимъ казалось, что новая теорія ведетъ за собой полное ниспроверженіе религіи; ибо если гласные знаки не были дѣломъ божественнаго откровенія, а только человѣческимъ изобрѣтеніемъ, и притомъ гораздо позднѣйшаго времени, то какъ можно было полагаться на текстъ Писанія? Возбужденныя этимъ открытіемъ пренія были одними изъ самыхъ горячихъ въ исторіи новой библейской критики и длились болѣе столѣтія. Но, наконецъ, они прекратились: вѣрность новаго взгляда была всѣми признана, и оказалось къ великому удивленію многихъ, что это нисколько не повредило

*) „Notes on the Hebrew Text of the Books of Samuel", стр. 37.

С. Н. Н. Wright говоритъ слѣдующее: „Хотя существенное содержаніе Священнаго Писанія хорошо сохранилось, книги Писанія не дошли до насъ въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ онѣ были первоначально написаны, или хотя бы даже въ окончательной версіи, приданной имъ лицами, занимавшимися пересмотромъ ихъ до нашей эры. Массориты приложили всѣ старанія къ тому, чтобы установить однообразный текстъ, и при этомъ увѣковѣчили не мало ошибокъ. И еврейскіе манускрипты, хотя они и согласны въ существенныхъ чертахъ съ текстомъ, установленнымъ этими учеными, содержатъ много ошибочнаго, какъ это было доказано Kennicott'омъ, De Rossi и др., тщательно изслѣдовавшими эти манускрипты." „Introduction to the Old Testament", стр. 14, 15. См. гл. III и IV. См. также Smith, „Old Testament in the Jewish Church", лекціи II, III, IV и V.

религіи. Они просто снова сдѣлали ту самую ошибку, которую ретрограды повторяютъ по десяти тысячъ разъ въ каждомъ столѣтіи: они предполагали, что текстъ священнаго Писанія есть дерево, на которомъ произростаетъ религія, — такъ что измѣнить слова значитъ подвергнуть опасности религію; тогда какъ въ дѣйствительности какъ разъ наоборотъ, религія сама дерево, выростающее въ живой божественной душѣ человѣка, а тексты и писанія только его плоды, цвѣты и листья, которые могутъ спадать и мѣняться, тогда какъ само дерево живетъ и растетъ, покрываясь все новыми, еще болѣе пышными и обильными листьями, цвѣтами и плодами.

Ошибки переписчиковъ. Но далеко не всѣ неточности еврейскаго текста Ветхаго Завѣта происходятъ отъ недостатка гласныхъ знаковъ. Многими ошибками мы обязаны тому факту, что писанія въ продолженіе многихъ вѣковъ переписывались рукописью. Въ нашъ вѣкъ книгопечатанія намъ трудно представить себѣ все значеніе этого факта. И теперь довольно трудно быть точнымъ; что же должно было быть прежде? Профессоръ Смитъ говоритъ: „Библія переписывалась перомъ. Предположимъ, что переписчикъ, безъ особой подготовки или руководства, просто садился переписывать или писалъ подъ диктовку съ купленнаго или взятаго на время манускрипта. Во-первыхъ, онъ почти навѣрное долженъ былъ сдѣлать нѣсколько ошибокъ по недосмотру или недослышкѣ; но помимо этого, манускриптъ, лежавшій передъ нимъ, по всей вѣроятности также содержалъ въ себѣ ошибки прежняго переписчика. Долженъ ли былъ онъ переписывать эти ошибки такъ, какъ онѣ были, и увѣковѣчить ихъ такимъ образомъ или не считалъ ли онъ себя во многихъ случаяхъ способнымъ открыть и исправить ошибки своего предшественника? Въ послѣднемъ случаѣ легко могло случиться, что онъ слишкомъ высоко цѣнилъ свои критическія способности и дѣлалъ новыя ошибки. И такъ мало по малу, при отсутствіи контроля, если каждый переписчикъ поступалъ совершенно самостоятельно и безъ руководства постоянной, хорошо организованной школы, ошибки неминуемо должны были накопляться, и текстъ долженъ былъ подвергаться большимъ видоизмѣненіямъ.*)“ Но это еще не все. „Ману-

*) „Old Testament in the Jewish Church“, стр. 53.

скрипты переписывались и вновь переписывались писцами, которые не только иногда ошибались въ буквахъ или словахъ, но даже позволяли себѣ вводить въ текстъ новые матеріалы, или соединять въ одной рукописи безъ всякихъ отмѣтокъ или раздѣленій писанія различныхъ авторовъ.*)“ Въ тѣ времена былъ широко распространенъ обычай дѣлать на поляхъ манускриптовъ разныя замѣтки и выписки, можетъ быть изъ другихъ манускриптовъ, казавшіяся важными и умѣстными. Одинъ изъ послѣдующихъ переписчиковъ легко могъ ввести эти замѣтки въ самый текстъ. Такъ увеличивались варіанты и искаженія подлиннаго текста.**)

Отсутствіе въ древности „общепризнаннаго текста.“ Надо помнить, что до христіанской эры у евреевъ не было одного общепризнанаго текста. Каждый компиляторъ и каждый книжникъ имѣлъ свой собственный текстъ. Какимъ образомъ составился наконецъ общепризнаный текстъ, съ достовѣрностью неизвѣстно; вѣрно только то, что при этомъ не были примѣнены должные критическіе пріемы. Вмѣсто того, чтобы собрать всѣ существовавшіе варіанты текста и составить изъ нихъ одинъ, по здравымъ критическимъ принципамъ, книжники, вѣроятно, избрали одинъ какой-нибудь манускриптъ образцомъ, съ котораго должны были быть сняты всѣ послѣдующія копіи, и по возможности уничтожили всѣ остальные существовавшіе тексты. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы дать намъ текстъ, на который мы можемъ положиться, они только навсегда ли-

*) Toy, „Judaism and Christianity“, стр. 72.

**) „Если человѣкъ, купившій или переписавшій книгу, могъ сдѣлать ее болѣе удобной для употребленія, вставляя въ нее то или другое слово, или примѣчаніе, или вводя добавочный матеріалъ, взятый изъ другихъ источниковъ, онъ, не колеблясь, дѣлалъ это. Однимъ словомъ, каждый древній ученый, переписывавшій книгу или дѣлавшій на ней замѣтки для своего собственнаго употребленія, находился приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ новѣйшій редакторъ, съ той разницей, что въ то время еще не было обычая дѣлать замѣтки и выноски внизу страницы, включать примѣчанія въ скобки и предпосылать сочиненіямъ объяснительныя предисловія, вообще не было всѣхъ тѣхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ все вводное можетъ быть отдѣлено отъ подлиннаго текста.“ Robertson Smith, „Old Testament in the Jewish Church“, стр. 107.

шили насъ возможности, путемъ сравненія разныхъ варіантовъ, установить вѣрный текстъ.*)

Искаженіе теперешняго еврейскаго текста. Разъ усвоивъ себѣ все вышесказанное, мы не станемъ больше удивляться, если, читая пророковъ Михея и Осію, найдемъ текстъ во многихъ мѣстахъ до того искаженнымъ, что его совершенно невозможно понять; если найдемъ чуть ли не такимъ же плохимъ текстъ Книгъ Самуила**) и увидимъ, что другія книги можетъ быть немного лучше, но все же очень плохо составлены.

Къ счастью, приблизительно за 200 лѣтъ до Р. Х. въ Александріи былъ сдѣланъ переводъ Ветхаго Завѣта съ еврейскаго на греческій, извѣстный подъ названіемъ перевода Семидесяти

---

*) „Можно сказать съ увѣренностью, что въ болѣе ранніе вѣка даже въ средѣ такихъ ученыхъ людей, какъ авторъ „Книги Юбилейныхъ Годовъ", циркулировали и свободно читались копіи Библіи съ гораздо большими отклоненіями отъ общепринятаго текста, чѣмъ въ существующихъ еще у насъ рукописяхъ Новаго Завѣта. Въ позднѣйшее время всѣ слѣды этихъ разнообразныхъ копій исчезли. Вѣроятно онѣ были уничтожены или постепенно вытѣснены сознательными усиліями книжниковъ. Нѣмецкій ученый Нёльдеке сравниваетъ ихъ истребленіе съ уничтоженіемъ Халифомъ Османомъ всѣхъ копій Корана, сколько-нибудь отличавшихся отъ избраннаго имъ образца... Итакъ текстъ, которымъ мы теперь пользуемся, избранъ для насъ еврейскими книжниками (здѣсь конечно говорится о текстѣ, писанномъ *однѣми согласными*. Онъ былъ избранъ книжниками, какъ выше было сказано, вскорѣ послѣ Христа, гласные же знаки, какъ мы видѣли, были введены еще позже). Были ли они въ состояніи выбрать лучшій текстъ, критически выработать редакцію, которая по справедливости могла бы быть принята за образецъ, такъ чтобы мы не потеряли ничего отъ истребленія всѣхъ остальныхъ копій?... Не подлежитъ сомнѣнію, что копія, которую они, исключивъ всѣ остальныя, наконецъ избрали образцомъ, обязана была своимъ отличіемъ не критической обработкѣ, которой она была подвергнута, а только какому-нибудь случайному внѣшнему обстоятельству, придавшему ей особую славу... Всѣ же ошибки, поправки и случайныя особенности манускрипта, избраннаго образцомъ всѣхъ послѣдующихъ копій, были оставлены безъ всякаго измѣненія." Robertson Smith, „Old Testament in the Jewish Church", стр. 74, 76 и 80.

**) См. Driver, „Notes on the Hebrew Text of Samuel".

Толковниковъ. Этотъ переводъ далъ намъ возможность сдѣлать многія поправки и при ближайшемъ изученіи поможетъ намъ исправить еще больше ошибокъ, вкравшихся въ еврейскій текстъ со времени его перевода на греческій языкъ. При сравненіи нашего еврейскаго текста съ Самарійскимъ Пятикнижіемъ также было обнаружено и исправлено нѣсколько ошибокъ. Но все это имѣетъ очень мало значенія и такъ же мало обѣщаетъ впереди. Многія мѣста въ Ветхомъ Завѣтѣ для насъ еще остаются очень сомнительными и вѣроятно навсегда останутся таковыми, вслѣдствіе невозможности установить первоначальный текстъ. Д-ръ Самуилъ Давидсонъ, весьма компетентный критикъ, въ своей книгѣ „Revision of the Hebrew Text“ приводитъ отъ семи до восьми тысячъ мѣстъ, въ которыхъ различные манускрипты и версіи отличаются отъ нашего текста; а въ книгѣ, озаглавленной: „Anglo-American Bible Revision“, составленной членами Американской Комиссіи для пересмотра текста Священнаго Писанія въ 1879 г., Докторъ Говардъ Озгудъ (Howard Osgood), профессоръ еврейскаго языка въ баптистской теологической семинаріи въ Рочестрѣ, говоритъ, что существуетъ около десяти тысячъ различныхъ варіантовъ текста Ветхаго Завѣта, и кончаетъ слѣдующими многозначительными словами: „Надо помнить, что если бы мы для критики Ветхаго Завѣта обладали такимъ совершеннымъ критическимъ аппаратомъ, какъ для Новаго, число варіантовъ еще на много увеличилось бы.“

Конечно, большая часть этихъ видоизмѣненій имѣютъ, сами по себѣ, мало значенія, только слегка измѣняя смыслъ, или даже вовсе не измѣняя его. Но есть среди нихъ и много важныхъ и нѣсколько весьма важныхъ разногласій. Во всякомъ случаѣ, какъ бы мало или велико ни было значеніе этихъ различій, одно слѣдствіе, по крайней мѣрѣ, безспорно вытекаетъ изъ нихъ: а именно, что у насъ нѣтъ и по самому существу дѣла и не можетъ быть совершеннаго и непогрѣшимаго еврейскаго текста Ветхаго Завѣта.

XVIII.

Текстъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ; его образованіе и сохраненіе.

II.

Греческія рукописи Новаго Завѣта.

Теперь перейдемъ отъ ветхозавѣтныхъ еврейскихъ манускриптовъ къ новозавѣтнымъ греческимъ. Найдемъ ли мы здѣсь больше доказательствъ въ пользу непогрѣшимости ихъ текста? Посмотримъ.

Число рукописей Новаго Завѣта гораздо больше, чѣмъ Ветхаго, и онѣ дошли до насъ изъ гораздо болѣе отдаленныхъ временъ. Самые древніе и цѣнные наши манускрипты: Codex Sinaiticus и Codex Vaticanus, написанные оба въ IV столѣтіи по Р. Х., Codex Alexandrinus и Codex Ephraemi V столѣтія и Codex Bezae VI столѣтія.

Несовершенство этихъ манускриптовъ. Всѣ эти манускрипты написаны однѣми *прописными* буквами безъ всякаго раздѣленія на слова и безъ знаковъ препинанія, а частью также безъ знаковъ ударенія и придыханія. Эти недостатки конечно вводятъ элементъ неопредѣленности и неясности въ смыслъ многихъ мѣстъ новозавѣтнаго текста. Письмо прописными буквами было въ употребленіи въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ и только постепенно замѣнилось *курсивомъ* или скорописью около IX или X столѣтія.

Первыя неумѣлыя и несовершенныя попытки введенія знаковъ препинанія мы встрѣчаемъ въ IV и V столѣтіи. Они состояли просто въ разставленныхъ кое-гдѣ точкахъ и маленькихъ промежуткахъ, оставленныхъ мѣстами въ строкѣ. Та совершенная пунктуація, которая у насъ теперь существуетъ, была введена только въ новое время, уже послѣ изобрѣтенія книгопечатанія. Придыханія и ударенія (необходимыя въ правильномъ греческомъ текстѣ) вошли во всеобщее употребленіе только съ VII столѣтія.

Мы склонны думать, что наши теперешнія дѣленія на главы и стихи заимствованы нами изъ подлиннаго новозавѣтнаго текста. Но это заблужденіе: наше теперешнее дѣленіе на главы было сдѣлано кардиналомъ Гуго въ XIII столѣтіи. Дѣленіе же

на стихи впервые появилось въ изданіи латинской Библіи (Vulgata), напечатанной Робертомъ Стивенсомъ въ 1555 г.

Достоенъ вниманія еще слѣдующій фактъ: у насъ принято думать, что заглавія книгъ Новаго Завѣта и находящіяся въ концѣ ихъ примѣчанія,*) какъ нѣчто исходящее отъ самихъ авторовъ, составляютъ часть этихъ книгъ. Но, вообще говоря, заглавія и заключительныя примѣчанія въ Новомъ Завѣтѣ заслуживаютъ такъ же мало довѣрія, какъ и въ Ветхомъ. Въ древнѣйшихъ греческихъ рукописяхъ заглавія гораздо короче, чѣмъ въ позднѣйшихъ, а что касается „прибавленій, сдѣланныхъ въ концѣ нѣкоторыхъ книгъ, то ихъ якобы историческія показанія не только поздняго происхожденія, но и не имѣютъ никакой цѣнности.“**) Заключительныя примѣчанія къ Посланіямъ Апостола Павла приписываются Евѳалію Александрійскому, который жилъ во второй половинѣ V столѣтія.

Здѣсь будетъ кстати привести весьма поучительныя слова д-ра Филиппа Шаффа, профессора союзной теологической семинаріи въ Нью-Іоркѣ, изъ его „Руководства къ изученію греческаго Евангелія и его англійскаго перевода“, написаннаго имъ въ качествѣ предсѣдателя Американской Комиссіи для пересмотра Библіи. Отъ него мы навѣрное услышимъ только самое добросовѣстное, достовѣрное и по возможности консервативное показаніе. Говоря о нашемъ греческомъ текстѣ, докторъ Шаффъ говоритъ: „Если бы даже у насъ были апостольскіе автографы, то и тогда мы имѣли бы достаточно основаній для критическаго изслѣдованія текста и для различныхъ толкованій, ибо рукописи эти навѣрное такъ же, какъ и другія древнія книги, были написаны, какъ одно безпрерывное цѣлое, безъ ударепій, безъ или почти безъ знаковъ препинанія, безъ раздѣленія не только на предложенія, но и на слова (за исключеніемъ дѣленія на параграфы), безъ заглавій и подписей, даже безъ имени автора, если оно не было введено въ самый текстъ. „Духъ“ могъ означать и человѣческій духъ, и божественный (Святой Духъ), и то отли-

---

*) Въ русскомъ синодальномъ изданіи Библіи этихъ примѣчаній нѣтъ. Они содержатъ свѣдѣнія о томъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ была написана данная книга.

(Прим. ред.).

**) Статья „Bible“ Робертсона Смита въ „Encyclopaedia Britannica.“

чіе, которое мы дѣлаемъ, начиная слово съ прописной буквы, не могло основываться на манускриптахъ, въ которыхъ всѣ буквы были прописными. При разстановкѣ знаковъ препинанія также руководствовались не манускриптами, а только смысломъ контекста. При этомъ часто могли оказывать вліяніе догматическія соображенія; примѣромъ можетъ служить знаменитый стихъ, касающійся божественности Христа (Римл. IX, 5), допускающій три или даже семь различныхъ способовъ разставленія знаковъ и, слѣдовательно, построеній фразы.*)"

Какимъ образомъ въ текстъ вкрались другія ошибки. Въ прошлой главѣ мы видѣли, что множество ошибокъ вкралось въ ветхозавѣтный текстъ во время процесса переписыванія. То же самое было и съ Новымъ Завѣтомъ. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ появленіемъ первыхъ рукописей Новаго Завѣта, явились и различныя версіи. Ириней уже во II вѣкѣ намекаетъ на существованіе различныхъ версій текста. Оригенъ въ III столѣтіи объявляетъ, что дѣло идетъ все хуже. „Съ этого времени, говоритъ профессоръ Эзра Абботъ, въ манускриптахъ всѣхъ вѣковъ, въ писаніяхъ Святыхъ Отцовъ и во всѣхъ различныхъ восточныхъ и западныхъ переводахъ можно найти по нѣсколько варіантовъ почти каждаго стиха." Отчего это могло произойти? Профессоръ Абботъ даетъ намъ слѣдующій отвѣтъ: „Древняя Церковь была чужда того щепетильнаго цѣпляньа за букву, которое характеризуетъ научное усердіе и благочестіе новѣйшихъ временъ, и поэтому вовсе не была такъ озабочена сохраненіемъ точныхъ подлинныхъ словъ текста. Кромѣ того первыя копіи были сдѣланы скорѣе для частнаго, чѣмъ для общаго употребленія. Писцы были небрежны, часто писали подъ диктовку и иногда неправильно понимали смыслъ переписываемаго."**)

Но это еще не все. Иногда въ рукописяхъ встрѣчались сокращенія. Слѣдующій переписчикъ, желая выписать все цѣлостью, могъ легко ошибиться. Иногда передъ нимъ лежала страница, запачканная или потускнѣвшая и стертая отъ времени; онъ старался по мѣрѣ силъ отгадать недостающія слова,

*) „Companion to the Greek Testament and the English Version." Стр. 88 и 89.

**) Schaff-Herzog Encyclopaedia; ст. „Bible-Text".

но иногда догадки его были не вѣрны. Нерѣдко случалось, что переписчики дѣлали то, что они называли поправками въ текстѣ, въ интересахъ грамматики или стиля, или желая исправить то, что имъ казалось исторической, географической или еще какой-нибудь ошибкой; или съ цѣлью установленія большей гармоніи между Евангеліями, или чтобы согласовать цитаты въ Новомъ Завѣтѣ съ греческимъ переводомъ Семидесяти Толковниковъ.

Собственники рукописей обыкновенно писали на .ихъ широкихъ поляхъ всякаго рода замѣтки или взятыя изъ другихъ мѣстъ Библіи и даже совершенно посторонніхъ источниковъ цитаты, которыя, по ихъ мнѣнію, бросали свѣтъ на то или другое мѣсто текста. Эти замѣтки на поляхъ при дальнѣйшей перепискѣ легко могли быть включены въ самый текстъ. Вѣроятно, такимъ образомъ объясняется происхожденіе первыхъ одиннадцати стиховъ восьмой главы Евангелія Іоанна и послѣдніе двѣнадцать стиховъ Евангелія Марка, которые совершенно отсутствуютъ въ древнихъ рукописяхъ.

Употребленіе различныхъ писаній Новаго Завѣта *въ церковной службѣ* также послужило причиной нѣкоторыхъ прибавленій. Легко могло случиться, напримѣръ, что къ мѣстамъ, обыкновенно читавшимся въ литургіи, прибавлялось подходящее *окончаніе*. Таково, безъ сомнѣнія, происхожденіе славословія въ молитвѣ Господней, ибо его нѣтъ ни въ одномъ древне-греческомъ манускриптѣ. Точно такъ же, когда какой-нибудь отрывокъ изъ Новаго Завѣта читался во время богослуженія, могло казаться необходимымъ сдѣлать къ нему предисловіе, которое содержало бы въ себѣ нѣсколько объяснительныхъ словъ, и эти объяснительныя слова легко и естественно могли со временемъ быть включены въ самый текстъ.

При случаѣ могли быть сдѣланы и умышленныя вставки, съ цѣлью выяснить какой-нибудь догматъ. Ревностный переписчикъ, переписывая какое-либо мѣсто, думаетъ, что оно много выиграло бы, если бы излагаемый въ немъ догматъ былъ выраженъ немного яснѣе. Онъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что самъ хорошо понимаетъ его смыслъ. Отчего ему не прибавить нѣсколько словъ, если они только могутъ способствовать уясненію смысла? И въ благочестивомъ усердіи своемъ онъ рѣшается сдѣлать эту вставку. Подобнымъ же образомъ, безъ сомнѣнія,

объясняется знаменитое мѣсто въ пятой главѣ I Посланія Іоанна, названное текстомъ о Трехъ Небесныхъ Свидѣтеляхъ и служившее въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ главнымъ основаніемъ догмата Святой Троицы. Оно исключено изъ пересмотрѣннаго англійскаго перевода Библіи, ученые же изслѣдователи давно знали, что его слѣдовало опустить.

150,000 различныхъ варіантовъ. Мы видѣли, какимъ образомъ въ прежніе вѣка въ греческій текстъ Новаго Завѣта могло вкрасться большое число различныхъ видоизмѣненій. И дѣйствительно, число варіантовъ, открытыхъ до сихъ поръ, просто поразительно: мы нисколько не переступимъ границъ достовѣрнаго, если скажемъ, что ихъ насчитываютъ около 150,000. Многіе авторитеты находятъ это число слишкомъ ограниченнымъ, но это то число, которое было объявлено міру Американской Комиссіей для пересмотра Библіи.

Конечно, многія разногласія въ этихъ варіантахъ очень незначительны и едва достойны вниманія, но есть много и такихъ, которыя вовсе не могутъ считаться ничтожными: это извѣстно не только каждому знатоку греческаго Новаго Завѣта, но очевидно и всякому, хотя бы и не знающему греческаго языка, кто возьметъ на себя трудъ сравнить общепринятый переводъ Библіи съ провѣреннымъ англійскимъ Новымъ Завѣтомъ.

Новый исправленный греческій текстъ. Однимъ изъ превосходныхъ плодовъ новѣйшей критики была выработка новаго греческаго текста Новаго Завѣта; этотъ новый текстъ имѣетъ большія преимущества передъ старымъ греческимъ текстомъ, съ котораго былъ сдѣланъ англійскій переводъ при королѣ Іаковѣ въ 1611 году. Съ той поры были открыты всѣ наши древнѣйшія и наиболѣе цѣнныя рукописи. Трудно представить себѣ, сколько труда было потрачено на изслѣдованіе этихъ рукописей и ихъ сравненіе между собой и съ древними цитатами Отцовъ Церкви. Такимъ образомъ большое количество ошибокъ было исправлено, и мало по малу былъ составленъ греческій текстъ, дѣлающій честь новѣйшей наукѣ. На основаніи этого-то усовершенствованнаго текста и былъ сдѣланъ нашъ англійскій провѣренный переводъ; отсюда главнымъ образомъ и вытекаетъ его значительное превосходство надъ прежнимъ общепринятымъ текстомъ.

Заключеніе. Однако не слѣдуетъ думать, что у насъ теперь есть безошибочный греческій текстъ. Никто лучше самихъ ученыхъ, изучающихъ Новый Завѣтъ, не знаетъ, какъ далекъ этотъ текстъ отъ совершенства. Все еще остается тысяча сомнительныхъ мѣстъ и противорѣчивыхъ варіантовъ. И нѣтъ надежды на то, что это когда-нибудь будетъ иначе. Конечно, при дальнѣйшихъ успѣхахъ научной критики будутъ исправлены еще другія ошибки и сдѣланы дальнѣйшія усовершенствованія. Но, по самому существу дѣла, усовершенствованія здѣсь могутъ быть только очень незначительныя, ибо нѣтъ никакого основанія, на которомъ можно было бы построить совершенный текстъ. Какъ далеко и въ какомъ направленіи мы бы ни старались проникнуть назадъ, мы нигдѣ не находимъ ничего вѣрнаго и опредѣленнаго; сравнивая источники, мы наталкиваемся на безчисленное множество разногласій и противорѣчащихъ другъ другу версій. Если мы можемъ надѣяться найти гдѣ-нибудь гармонію и достовѣрность, то это конечно въ нашихъ древнѣйшихъ и лучшихъ манускриптахъ. Но достовѣрны ли, по крайней мѣрѣ, они? Согласуются ли они между собой? Достаточно самаго поверхностнаго изслѣдованія, чтобы получить отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но обратимся за отвѣтомъ къ ученому и добросовѣстному д-ру Скривенеру, нашему высшему и наиболѣе консервативному авторитету по этому предмету. Въ своемъ сочиненіи „Introduction to the Criticism of the New Testament“*) онъ пишетъ: „Въ древнихъ манускриптахъ нѣтъ никакого единогласія; они всѣ разнятся между собой, даже если мы употребили слово „древніе“ въ самомъ узкомъ смыслѣ, т. е. разумѣя подъ нимъ только пять наидревнѣйшихъ нашихъ списковъ**). Стоитъ только читателю открыть первое попавшееся новое критическое изслѣдованіе, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ рѣдко эти пять манускриптовъ согласуются между собой; они постоянно разнятся другъ отъ друга, при чемъ то два манускрипта сходятся въ своихъ свидѣтельствахъ противъ трехъ, то четыре противъ одного. Всѣ варіанты, встрѣчающіеся въ этихъ почтенныхъ памятникахъ, конечно, должны быть *древ-*

*) Второе изданіе, Лондонъ, стр. 464.

**) Вышеупомянутые кодексы: Sinaiticus, Alexandrinus, Vaticanus, Ephraemi и Bezae.

няго происхожденія, — иначе они не могли бы попасть въ эти списки, — но они не могутъ быть всѣ вѣрными. Распространяя свои изслѣдованія на позднѣйшія версіи и сочиненія первыхъ Отцовъ Церкви, мы, къ великому смущенію и разочарованію своему, сталкиваемся съ тѣмъ же явленіемъ."

И такъ, хотя у насъ есть греческій текстъ Новаго Завѣта, общее достоинство котораго мы не можемъ цѣнить достаточно высоко, — текстъ несравненно болѣе чистый и достовѣрный, чѣмъ нашъ еврейскій текстъ Ветхаго Завѣта — однако и здѣсь мы не можемъ похвалиться безошибочностью и достовѣрностью текста, или возможностью когда-либо достигнуть ея.

XIX.

Нравственный и религіозный прогрессъ отражается въ писаніяхъ Библіи.

Обыкновенно смотрятъ на религію Библіи, какъ на нѣчто однородное и цѣлое, начиная отъ Книги Бытія до Книги пророка Малахіи и отъ Евангелія Матѳея до Откровенія Іоанна. Авторы всѣхъ этихъ разнообразныхъ писаній обыкновенно читаются, признаются и цитируются такъ, какъ будто бы они всѣ были одинаково мудры и исповѣдовали и проповѣдовали однѣ и тѣ же истины, какъ будто бы они по своей авторитетности стояли всѣ на одномъ уровнѣ и одинаково заслуживали довѣрія. Ничто въ самой Библіи не оправдываетъ такого взгляда, въ высшей степени вреднаго и вносящаго много путаницы въ пониманіе Библіи. Религія, которой насъ учитъ Библія, можетъ быть названа „единымъ цѣлымъ, всегда тождественнымъ самому себѣ," только въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ, что жолудь тождественъ съ дубомъ, выросшимъ изъ него, или что неразвитый ребенокъ тождественъ съ мудрымъ мужемъ, въ котораго онъ можетъ превратиться. Религія Библіи — рѣка, которая въ своемъ теченіи становится все шире и глубже, и всякая теорія или толкованіе Библіи, отъ которой ускользаетъ это движеніе впередъ, какъ бы носитъ покрывало на глазахъ своихъ, ибо Библія представляетъ собой панораму религіознаго прогресса. Она считается съ жизнью, а не со смертью: она лѣтопись роста, ибо жизнь никогда не останавливается. Она самая замѣчательная изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ исторій прав-

ственнаго и религіознаго развитія, обнимающая собой всѣ ступени жизни цѣлой націи, проходя черезъ всѣ сорокъ поколѣній ея, т. е. черезъ такой же періодъ времени, какъ отъ Карла Великаго до нашихъ дней; съ фотографической точностью рисуетъ она передъ нами каждый фазисъ индивидуальнаго и національнаго прогресса, начиная съ незрѣлаго дѣтства Израильскаго народа до плодотворнаго періода его возмужалости. Именно эта особенность Библіи и дѣлаетъ ее такой жизненной, такой свѣжей, неистощимой, интересной и властной книгой для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, — *міровой* книгой, не имѣющей соперницъ ни между священными, ни между свѣтскими книгами.

Этотъ религіозный и нравственный ростъ Библіи открывается намъ въ очень различныхъ формахъ и проявленіяхъ. Разсмотримъ вкратцѣ наиболѣе важныя изъ нихъ.

Прогрессъ въ понятіи о Богѣ.

Ветхій Завѣтъ изображаетъ передъ нами ростъ народа отъ политеизма до монотеизма, отъ поклоненія жестокимъ и мстительнымъ богамъ, воплощеннымъ въ различныхъ идолахъ, до чистаго, возвышеннаго, духовнаго поклоненія Богу. Этотъ ростъ не такъ легко прослѣдить, потому что книги размѣщены въ Библіи не въ хронологическомъ порядкѣ и потому что нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, касающіяся самыхъ древнихъ временъ, написаны позже другихъ. Однако при нѣкоторомъ стараніи мы все-таки можемъ добиться кое-какихъ фактовъ. Въ Пятикнижіи мало историческаго. Что десять заповѣдей въ болѣе или менѣе краткой или пространной формѣ дѣйствительно исходятъ отъ Моисея, почти не подлежитъ сомнѣнію. Но даже и въ этихъ заповѣдяхъ мы находимъ намеки на то, что Израильскій народъ вѣрилъ въ другихъ боговъ, кромѣ Ягве. Первая заповѣдь не начинается словами: „Я Господь, — *единственный* Богъ,“ она гласитъ: „Я Господь Богъ *твой*.“ И кажется, что повелѣніе Ягве народу состояло лишь въ томъ, чтобы они боготворили *его* одного, а не другихъ боговъ. Онъ *ихъ* Богъ, онъ много сдѣлалъ для нихъ, вывелъ ихъ изъ земли Египетской и т. д., и потому они должны быть вѣрны ему и не имѣть „другихъ боговъ передъ лицомъ“ его.

Во всемъ Пятикнижіи и во многихъ другихъ мѣстахъ Вет-

хаго Завѣта, Богъ часто называется еврейскимъ словомъ Элогимъ (форма, означающая множественное число). Почему здѣсь употреблено множественное число? Вѣроятно это слово еще было остаткомъ отъ того времени, когда люди обыкновенно говорили и думали только о „богахъ“, а не о единомъ Богѣ. Такія мѣста въ Книгѣ Бытія, какъ: „Создадимъ человѣка по образу Нашему“, „И вотъ Адамъ сталъ какъ одинъ изъ Насъ“, „Вы будете какъ боги“ отзываются политеизмомъ; даже у пророка Ильи мы находимъ взглядъ на Іегову, не какъ на Бога вселенной или единаго Бога, а какъ на Бога въ Израилѣ (III Цар. XVIII, 36). И даже еще дальше, въ 8-омъ стихѣ 86-го псалма мы встрѣчаемъ такое изрѣченіе: „Нѣтъ между богами такого, какъ ты, Господи“.

Политеизмъ и идолопоклонство глубоко коренились въ мысли и чувствахъ древне-еврейскаго народа. И надо было много столѣтій, чтобы искоренить ихъ и подготовить эту націю къ той высшей религіи, которая должна была явиться со временемъ, и сѣмя которой было посѣяно еще Моисеемъ.

Книга Судей разсказываетъ намъ, что, когда израильтяне вступили въ землю Ханаанскую, они почти немедленно примкнули къ религіозному культу жившихъ тамъ народовъ: хананеевъ, хеттеевъ и аморреевъ (Суд. III, 5, 6), — вѣроятно присоединивъ эти культы къ поклоненію ихъ собственному Богу Ягве. Эта же книга разсказываетъ, что въ тѣ времена истуканы и литые кумиры, эфоды и терафимы составляли необходимую принадлежность священниковъ Ягве (Суд. XVII. 3 — 5, 13). Даже царь Соломонъ приносилъ жертвы „Астартѣ, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской“ и „построилъ жертвенникъ Хамосу, мерзости Моавитской, и Молоху, мерзости сыновъ Аммона“ (III Цар. XI, 5 — 7). Въ самомъ дѣлѣ, изъ тридцати семи царей Израиля и Іудеи, начиная съ Саула до Іосія, тридцать одинъ открыто поклонялись еще другимъ Богамъ, кромѣ Ягве. Когда мы читаемъ о поклоненіи золотому тельцу въ пустынѣ во времена Аарона, мы склонны думать, что это единичный фактъ въ исторіи Израиля. Въ дѣйствительности же эта форма религіознаго культа практиковалась даже въ такой поздній періодъ, какъ царствованіе Іероваома II (III Цар. XII, 26 — 33). Кюненъ доказываетъ съ большей убѣдительностью, что въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ

и почти до самаго времени плѣненія въ Израилѣ широко было распространено поклоненіе Ягве въ образѣ быка*). Вообще же о древней религіи евреевъ онъ говоритъ слѣдующее: „Въ началѣ религіей Израиля былъ политеизмъ. Въ восьмомъ столѣтіи до Р. Х. огромное большинство народа еще признавало существованіе многихъ боговъ, болѣе того — оно поклонялось имъ. И мы можемъ прибавить къ этому, что такое идолопоклонство продолжало существовать въ VII столѣтіи и вплоть до начала Вавилонскаго плѣненія (586 г. до Р. Х.) Іеремія могъ сказать своимъ современникамъ, не боясь опроверженія: „у тебя Іуда боговъ столько же, сколько и городовъ.“**)

По всему видно, что политеизмъ, идолопоклонство и употребленіе истукановъ вполнѣ исчезло въ Израилѣ только со времени изгнанія и только съ этой поры народная религія Израиля стала дѣйствительно и прочно монотеистической. Такъ велика была эта задача и такое долгое воспитаніе требовалось для пересозданія религіозныхъ понятій и чувствъ народа.

Однако это развитіе вело не *просто* къ монотеизму; гораздо важнѣе то, что оно вело къ *этическому* монотеизму.

Трудно понять въ наше время все значеніе этого факта, трудно потому, что мы такъ плохо представляемъ себѣ, какъ низки были понятія о характерѣ божества у еврейскаго народа въ началѣ его національнаго развитія. Въ тѣхъ частяхъ Ветхаго Завѣта, которыя раскрываютъ передъ нами самый ранній періодъ мысли и жизни евреевъ, мы видимъ, что Богъ не только изображается въ тѣлесномъ образѣ, расхаживающимъ по землѣ, разговаривающимъ, сходящимъ съ неба, чтобы посмотрѣть, что дѣлаютъ люди, „борющимся съ однимъ изъ патріарховъ и ѣдящимъ телятину и лепешки съ другимъ,“ или состязающимся — въ началѣ безуспѣшно — въ волшебствѣ съ другими богами, — но видимъ также, какъ онъ приходитъ въ гнѣвъ, ревнуетъ, раскаивается, самъ обманываетъ и одобряетъ обманъ другихъ, отдаетъ приказанія, поражающія своей жестокостью, и вообще постоянно доказываетъ намъ, что онъ не чуждъ почти ни одной человѣческой страсти или несовершенства. Во славу его приносится безчисленное множество же-

*) „Religion of Israel“ т. I, стр. 235 — 6, 345 — 6.
**) Тамъ же т. I, стр. 223.

стокихъ и кровавыхъ жертвъ, не только животныхъ, — нѣтъ, въ Библіи мы находимъ явные слѣды даже человѣческихъ жертвоприношеній. Исторія Авраама, которому Ягве приказываетъ принести въ жертву его собственнаго сына Исаака, знакома всѣмъ. Правда, намъ въ этомъ случаѣ говорятъ, что жертва въ дѣйствительности не была принесена, однако мы слышимъ ясное приказаніе Ягве принести эту жертву и видимъ серьезныя приготовленія Авраама для приведенія его въ исполненіе (Кн. Бытія гл. XXII).

А вотъ еще случай, въ которомъ жертва дѣйствительно была принесена — это дочь Іефѳая, Іефѳай обѣщаетъ Іеговѣ человѣческую жертву и исполняетъ это обѣщаніе, закалывая свое собственное дитя (Суд. XI. 30 — 40). Кюненъ говоритъ: въ культѣ Ягве человѣческія жертвоприношенія не были рѣдки. Когда Михей приводитъ слова одного изъ своихъ современниковъ, поклонниковъ Іеговы: „Развѣ дамъ Ему первенца моего за преступленіе мое и плодъ чрева моего за грѣхъ души моей?“ то онъ этимъ доказываетъ, что въ его время на такую жертву не смотрѣли, какъ на нѣчто безразсудное. Человѣческія жертвоприношенія, кажется, были обычнымъ явленіемъ въ культѣ быка въ царствѣ десяти колѣнъ; Давидъ старается отвратить гнѣвъ Ягве смертью потомковъ Саула (II Цар. XXI, I — 14); Самуилъ разрубаетъ на части Амаликитскаго царя Агага *передъ лицомъ Ягве* въ Галгалѣ. (I Цар. XV, 33*).

Съ такого культа и съ такихъ понятій о Богѣ началось развитіе еврейской религіи. Насъ возмущаютъ изображенія Бога, совершенно лишеннаго нравственныхъ свойствъ и благосклонно принимающаго человѣческія жертвы. Но не надо забывать, что мы здѣсь имѣемъ дѣло только съ зачатками религіи Библіи, а не съ окончательной формой ея. Въ томъ то и состоитъ достоинство Библіи, что она намъ даетъ исторію *прогресса* народа, начиная отъ этихъ самыхъ низкихъ проявленій религіознаго чувства, до служенія праведному Богу проро-

*) О человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у древнихъ евреевъ вообще см. „Religion of Israel“ Kuenen'a, т. I. стр. 237, 250 — 252; „Commentary on Leviticus“ Kalisch'a, часть I, стр. 248 — 253; „Bible for Learners“, т. I стр. 26, 146 — 149, 319, 320, 410; т. II, 16, 17, 299, 300, 402, 509.

ковъ дѣлами милосердія и справедливости и еще выше — до Бога Іисуса, нашего Отца, культъ котораго состоитъ въ любви.

Ростъ вѣры въ безсмертіе. Переходя отъ болѣе древнихъ писаній Библіи къ болѣе позднимъ, мы убѣждаемся также въ томъ, какіе большіе успѣхи сдѣлала въ ней человѣческая мысль по отношенію къ ученію о безсмертіи. Новый Завѣтъ весь проникнутъ этимъ ученіемъ. Что же касается Ветхаго Завѣта, то ученые до сихъ поръ не рѣшили, можно ли сказать, что и въ немъ проповѣдуется вѣра въ загробную жизнь. Большая часть книгъ, въ особенности болѣе древнихъ, совершенно замалчиваютъ этотъ вопросъ. Религія древняго Израиля была по преимуществу религіей міра сего. Интересы его были только земные; онъ ожидалъ себѣ награды и наказанія только въ этой жизни. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы встрѣчаемся съ полнымъ отрицаніемъ какой бы то ни было загробной жизни человѣка. Скептическій авторъ книги Екклезіаста говоритъ: „Мертвые ничего не знаютъ и уже нѣтъ имъ возмездія;“ „Участь сыновъ человѣческихъ и участь скотовъ — одинаковая участь: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти; и одинъ духъ у всѣхъ, и преимущества у человѣка передъ скотомъ нѣтъ.“ Деканъ Стэнли (Dean Stanley), считаетъ, что ученіе о будущей жизни встрѣчается только въ послѣднихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, но что въ нихъ, по крайней мѣрѣ, оно безспорно существуетъ. Профессоръ Той подвергаетъ критикѣ всѣ главныя мѣста Ветхаго Завѣта, которыя якобы содержатъ въ себѣ это ученіе, и приходитъ къ заключенію, что если понимать подъ безсмертіемъ сознательную, разумную, дѣятельную жизнь, полную надеждъ и интересовъ, наградъ и наказаній, то можно съ достовѣрностью сказать, что ни одно изъ этихъ мѣстъ не содержитъ въ себѣ такого ученія*). По его мнѣнію, загробное существованіе, о которомъ говорится въ Ветхомъ Завѣтѣ, и которому вѣрили древніе евреи, представляетъ собой нѣчто до того блѣдное, мало дѣйствительное и безотрадное, что оно не заслуживаетъ названія безсмертія. Онъ видитъ въ этомъ ученіи „древне-семитическое представленіе о безцвѣтномъ существованіи въ Шеолѣ, въ этомъ мрачномъ подземномъ мірѣ, загра-

*) „Judaism and Christianity“, стр. 379 — 382.

жденномъ вратами съ засовами, въ которомъ безрадостныя тѣни влачатъ сѣрую, однообразную жизнь, не освѣщенную обычными волненіями человѣка, лишенную стимула его обычныхъ цѣлей и надеждъ, отдѣленную отъ жизни великаго міра надъ нимъ и отрѣзанную отъ живого общенія съ Богомъ*). Первой еврейской книгой, содержащей въ себѣ ученіе о безсмертіи, въ сколько нибудь соотвѣтствующемъ этому понятію смыслѣ, онъ считаетъ апокрифическую книгу Премудрости Соломона**), написанную около 200 лѣтъ до Р. Х. и, по какимъ то страннымъ, непонятнымъ для насъ и неразумнымъ соображеніямъ, не попавшую въ каноиъ. Книга Даніила, написанная около 164 г. до Р. Х., безспорно такъ же заключаетъ въ себѣ это ученіе; кромѣ того, по мнѣнію многихъ ученыхъ, идея безсмертія встрѣчается также въ нѣкоторыхъ псалмахъ.

Но къ какому бы заключенію мы ни пришли относительно Ветхаго Завѣта, какъ только мы приходимъ къ Новому Завѣту, всѣ наши сомнѣнія разсѣиваются. Здѣсь ученіе о будущей жизни освѣщаетъ каждую страницу. И нѣтъ, можетъ быть, въ Новомъ Завѣтѣ ни одной доктрины болѣе очевидной, и ужъ навѣрное ни одной, которая способна была бы такъ вдохновлять людей, какъ ученіе о безсмертіи.

Возникновеніе вѣры въ сатану. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что не всякая перемѣна, не всякое нововведеніе въ Библіи представляетъ собою прогрессъ. Хорошимъ примѣромъ для насъ можетъ служить появленіе ученія о существованіи сатаны. Ученіе это отсутствуетъ въ древнѣйшихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, т. е. въ пророчествахъ VIII и VII вѣка и появляется только въ книгахъ, написанныхъ во время или послѣ плѣненія. Если даже допустить, что змѣй въ разсказѣ объ изгнаніи изъ рая въ книгѣ Бытія долженъ быть отождествленъ съ сатаной, этотъ фактъ все-таки не будетъ исключеніемъ, такъ какъ мы должны помнить, что книга Бытія вѣроятно была закончена не ранѣе начала V вѣка до Р. Х., т. е. на цѣлое столѣтіе позже конца Вавилонскаго плѣненія. Сатана является дѣйствующимъ лицомъ также въ книгахъ Іова, Захаріи и Паралипоменонъ, но все это книги болѣе поздняго происхожденія.

---

*) „Judaism and Christianity“, тамъ же.
**) „Judaism and Christianity“, стр. 578.

Вѣра въ существованіе такого злого духа, врага Бога, обвинителя праведнаго, искусителя людей, кажется пришла въ іудейство изъ религіи персовъ, во время соприкосновенія евреевъ съ этимъ народомъ въ продолженіе Вавилонскаго плѣненія.

Въ появленіи этой новой вѣры, мы находимъ поучительное объясненіе страннаго противорѣчія, существующаго между разсказами о народной переписи въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ. (II Цар. XXIV; 1, и I Парал. XXI, 1) Самуилъ разсказываетъ намъ, что Господь повелѣлъ Давиду произвести народную перепись; въ книгѣ же Паралипоменонъ сказано, что это повелѣніе исходило отъ *сатаны*. Это разногласіе очевидно объясняется тѣмъ, что книга Самуила древнѣе книги Паралипоменонъ на два или три столѣтія. Въ то время, когда она была написана, вѣра въ такое существо, какъ сатана, была еще неизвѣстна, и зло, какъ и добро, одинаково приписывались одному источнику — Богу. Но когда были составлены книги Паралипоменонъ, вѣра въ сатану уже успѣла водвориться въ Израилѣ, и теперь онъ, а не Богъ, считался подстрекателемъ на всякое зло. Вотъ почему событіе, которое въ болѣе древнихъ книгахъ естественно приписывалось Богу, такъ же естественно приписывалось теперь сатанѣ.

Вѣра въ существованіе сатаны проявляется также во многихъ книгахъ Новаго Завѣта; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ въ Апокалипсисѣ, она занимаетъ даже выдающееся мѣсто.

И такъ мы видимъ, что перемѣна мыслей въ Библіи не всегда означаетъ движеніе впередъ — къ истинѣ; она иногда представляетъ собой также временный регрессъ или появленіе новаго суевѣрія. Но главное движеніе какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, безъ сомнѣнія, прогрессивное по направленію къ болѣе широкой и высокой жизни и правдѣ.

Нравственный прогрессъ. Прогрессъ, который можно прослѣдить въ ученіяхъ Библіи, быть можетъ наиболѣе ярко проявляется въ области нравственныхъ понятій. Конечно, насъ легко можетъ ввести въ заблужденіе то обстоятельство, что мы на первыхъ же страницахъ нашей теперешней Библіи встрѣчаемся съ изображеніемъ райскаго сада, съ совершенными людьми и съ идиллическими картинами жизни патріарховъ. И только оставивъ все это въ сторонѣ, какъ легенду и поэзію, а не

историческій фактъ, и вспомнивъ, что самое древнее и достовѣрное изображеніе еврейской жизни мы находимъ въ книгахъ Судей и Самуила, — мы будемъ приготовлены къ тому, чтобы открыть дѣйствительный нравственный прогрессъ, такъ явно обнаруживающійся въ исторіи Израиля.

Израильскій народъ выступаетъ изъ тумана доисторическаго времени — скажемъ въ XI или XII столѣтіи до Р. Х. — въ состояніи, которое едва ли можно назвать полу-цивилизованнымъ. У него нѣтъ установившагося государственнаго строя. Среди него царятъ беззаконіе и жестокость. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочитать дошедшія до насъ разсказы изъ того времени, напримѣръ объ убійствахъ, совершенныхъ Аодомъ[1]) и Іаилью[2]); о звѣрствахъ надъ Адони-Везекомъ и семьюдесятью царями (Суд. I, 6, 7); объ оргіяхъ Самсона (Суд. XVI); о тѣхъ словахъ, которыми Самуилъ напутствовалъ Саула, отправлявшагося на сраженіе: „Теперь ступай, порази Амалика и истреби все, что у него; не пощади его, но предай смерти мужей и женъ, отроковъ и грудныхъ дѣтей“ (I Цар. XV, 3); и о массовыхъ избіеніяхъ женщинъ и невинныхъ дѣтей, сопровождавшихъ завоеваніе Ханаана[3]) — стоитъ только прочитать все это, чтобы увидѣть, какой долгій путь предстояло пройти Израилю до благородной этики пророковъ, Іова и Іисуса, сына Сирахова, не говоря уже о Павлѣ и Іисусѣ.

Нигдѣ, можетъ быть, этотъ долгій и блестящій прогрессъ не выступаетъ съ такой рельефностью, какъ въ словахъ самого Іисуса въ его нагорной проповѣди: „Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вамъ, любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ.“ „Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ. А я говорю вамъ: не противься злому.“ Обращаясь ко 2-ой книгѣ Моисея, въ которой находятся слова, приводимыя Іисусомъ, мы находимъ ихъ въ болѣе полномъ видѣ: „Глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, рука

---

[1]) Суд. III, 21.
[2]) Суд. IV, 21.
[3]) Второз. XX, 16, 17; Іисуса Навина VIII, 18 — 29; X, 28 — 41; Числъ XXI, 35; XXXI, 17, 18.

за руку, нога за ногу, обожженіе за обожженіе, рана за рану, ушибъ за ушибъ.*) Во Второзаконіи (XIX, 21) мы находимъ подобное же мѣсто: „Да не пощадитъ его глазъ твой, душу за душу, глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, рука за руку, нога за ногу.“ Отъ этого ученія до ученія Христа: „Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ“ или до ученія Павла „Если врагъ твой голоденъ, накорми его; побѣждай зло добромъ“ — такой долгій этическій путь, какой мы только въ силахъ себѣ представить.

Ни одинъ разумный и честный человѣкъ не можетъ отрицать, что въ Ветхомъ Завѣтѣ можно найти санкцію и рабству, и полигаміи, и мести, и обману, убіенію ворожей, войнѣ, поголовному избіенію плѣнныхъ и всякимъ другимъ дурнымъ поступкамъ. Должны ли мы поэтому считать все это зло добромъ? Конечно нѣтъ. Должны ли мы поэтому совсѣмъ отвергнуть Библію, какъ руководительницу, не заслуживающую довѣрія? Да, если смотрѣть на Библію не какъ на постепенное развитіе нравственной идеи, а какъ на книгу одинаково цѣнную и авторитетную во всѣхъ своихъ частяхъ, то она конечно недостойна быть нашей руководительницей. Такой взглядъ на Библію и превращалъ ее во всѣ времена въ арсеналъ, изъ котораго черпали тексты для защиты всякой жестокости, всякаго суевѣрія и всякой неправды. И только когда мы признаемъ въ ней книгу роста и прогресса человѣческой мысли и изберемъ себѣ въ руководство высшія, а не низшія и худшія ея поученія, то, до чего она дошла, а не то, съ чего она *начала*, она сдѣлается для насъ надежной и цѣнной руководительницей.

XX.

Непогрѣшимость Библіи при свѣтѣ новѣйшей науки.

I.

Непогрѣшима ли Библія? Или, употребляя выраженіе, предпочитаемое нѣкоторыми: безошибочна ли Библія?

Едва ли въ наше время найдется вопросъ, который бы зани-

*) Исходъ XXI, 24, 25. Достойно, можетъ быть, вниманія, что это мѣсто составляетъ часть того, что ученые называютъ „Книгой Завѣта“ (Исходъ XX — XXIII), которая безъ сомнѣнія представляла собой древній сводъ законовъ приблизительно временъ Моисея, сохранившійся и вставленный въ этомъ мѣстѣ въ Пятикнижіе.

малъ большее количество умовъ. Едва ли къ какому-нибудь другому вопросу люди относятся такъ серьезно, какъ къ этому. Какой же отвѣтъ можетъ дать на него наука?

Къ счастью, какъ бы неясенъ ни былъ этотъ вопросъ въ прошломъ, въ наше время научное изслѣдованіе Библіи, поскольку оно ведется независимо, честно и компетентно (а только такое изслѣдованіе и заслуживаетъ вниманія), наконецъ въ состояніи дать на него ясный, опредѣленный отвѣтъ.

Такая наука не колеблясь подпишется подъ словами профессора Бриггса, который говоритъ: „Насколько я вижу, въ священныхъ писаніяхъ есть ошибки, которыхъ ничьи объясненія не могли устранить; теорія же, утверждающая, что ошибокъ этихъ не было въ подлинномъ текстѣ — одно предположеніе, на которое никто не можетъ положиться. Если такія ошибки разрушаютъ авторитетъ Библіи, то онъ для историка уже разрушенъ. Люди не могутъ закрыть глаза передъ истиной и фактомъ. Но въ силу какого авторитета считаютъ себя теологи въ правѣ отталкивать такимъ образомъ людей отъ Библіи своей теоріей непогрѣшимости? Въ самой Библіи мы нигдѣ не находимъ такихъ притязаній... Это привидѣніе, которымъ современные проповѣдники евангелизма пугаютъ дѣтей.“*)

Разсмотримъ внимательно, на какихъ основаніяхъ покоятся утвержденія ученыхъ, подобныя только что приведенному нами. Мы уже знакомы съ нѣкоторыми изъ этихъ основаній; ибо, если хоть десятая доля сказаннаго на предыдущихъ страницахъ — правда, то нѣтъ никакой возможности признать Библію непогрѣшимой или безошибочной. Но длинная вереница фактовъ, уже прошедшихъ передъ нами, составляетъ только малую часть тѣхъ свидѣтельствъ, которыя быстро накопляются передъ нами, какъ только мы дѣйствительно дадимъ себѣ трудъ подумать и внимательно разсмотрѣть этотъ вопросъ.

Мы изслѣдовали происхожденіе различныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Мы дѣлали изысканія о томъ, когда, какъ и кѣмъ онѣ были написаны. Могутъ ли полученные нами отвѣты служить для насъ основаніемъ вѣры въ непогрѣшимость первоначальнаго источника библейскихъ писаній? Мы старались узнать, какимъ образомъ различныя книги были собраны въ

*) Inaugural Address (Jan. 20, 1891), стр. 35.

одинъ *Священный Канонъ*. Не нашли ли мы и *здѣсь* явныхъ доказательствъ человѣческаго несовершенства? Мы навели справки о томъ, какъ былъ составленъ подлинный *текстъ* и какъ онъ былъ сохраненъ и переданъ намъ. Былъ ли текстъ огражденъ отъ возможности ошибокъ? Были ли *переводы* текста составлены подъ руководствомъ сверхъестественной мудрости? А *все это* было бы необходимо, чтобы обезпечить намъ *теперь непогрѣшимую Библію*. Если сломается хоть одно звено двухтысячелѣтней цѣпи непогрѣшимаго творчества и такой же непогрѣшимой передачи текста потомству, то, каковы бы ни были наши теоріи, Библія, которой мы теперь обладаемъ, не можетъ уже считаться непогрѣшимой.

Шестьдесятъ шесть непогрѣшимыхъ книгъ? Мы не должны забывать, что, если бы мы даже могли доказать непогрѣшимость одной или хотя бы двадцати книгъ Библіи, мы еще не установили бы этимъ непогрѣшимости остальныхъ, ибо мы видѣли, что книги эти не были въ началѣ собраны вмѣстѣ. Можно установить непогрѣшимость Библіи въ цѣломъ, только доказавъ предварительно непогрѣшимость каждой отдѣльной книги, изъ которыхъ она состоитъ. Если у меня въ библіотекѣ есть шестьдесятъ шесть томовъ прозы, поэзіи, исторіи, біографіи, писемъ и т. п., написанныхъ въ трехъ или четырехъ различныхъ странахъ людьми самаго различнаго характера и всѣхъ ступеней развитія и образованія, отдѣленныхъ другъ отъ друга десятками вѣковъ — можетъ ли тотъ фактъ, что я докажу что-нибудь относительно одного или нѣсколькихъ изъ этихъ томовъ, служить основаніемъ утверждать то же самое о всѣхъ остальныхъ? Такой же точно библіотекой, состоящей изъ шестидесяти шести различныхъ книгъ самаго разнообразнаго и большей частью совершенно независимаго происхожденія, можемъ мы считать также Библію. Поэтому всякая книга, находящаяся въ ней, стоитъ или падаетъ независимо отъ другихъ. Эти различныя книги нисколько не ближе связаны между собой, чѣмъ если бы онѣ были напечатаны и переплетены каждая отдѣльно и составляли бы шестьдесятъ шесть отдѣльныхъ томовъ, носящихъ каждый свое особое заглавіе. Поэтому вопросъ въ данномъ случаѣ сводится не къ непогрѣшимости одной книги, а къ непогрѣшимости *шестидесяти шести* отдѣльныхъ книгъ.

Но есть еще много весьма серьезныхъ и совсѣмъ не затронутыхъ еще мною аргументовъ противъ непогрѣшимости Библіи. Было бы непростительно съ моей стороны, если бы я не разсмотрѣлъ хоть важнѣйшіе изъ нихъ, чтобы возможно полнѣе и очевиднѣе доказать, какъ безнадежна задача искреннихъ, пытливыхъ и мыслящихъ людей, желающихъ сохранить въ нашъ вѣкъ постоянно возростающаго знанія вѣру въ Библію, какъ въ совершенную и непогрѣшимую книгу. Я постараюсь изложить какъ можно короче слѣдующія положенія:

Библія не содержитъ въ себѣ догмата непогрѣшимости. Библія сама не претендуетъ на безошибочность. Хотя мы безъ сомнѣнія находимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Библіи нѣкоторыя притязанія на вдохновеніе свыше и внушенія Божія, но нѣтъ ни одного мѣста, въ которомъ бы утверждалось, что Библія, какъ цѣлое, или даже только значительная часть ея, непогрѣшима. Между всѣми текстами Священнаго Писанія, на которыхъ основывается теорія непогрѣшимости, наиболѣе убѣдительнымъ признается всѣми защитниками этого взгляда, насколько мнѣ извѣстно, слѣдующій текстъ: „Все Писаніе богодухновенно и полезно для ученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности.“ (2 Тим. III, 16). Но какъ только мы присмотримся ближе къ этому тексту, мы тотчасъ замѣтимъ два или три обстоятельства, лишающія его всякой цѣны, какъ доказательство непогрѣшимости Библіи. 1) Въ немъ ничего не сказано о непогрѣшимости; онъ говоритъ только о вдохновенности, а эти двѣ вещи вовсе не обязательно связаны между собой. Ибо Петръ и Павелъ, которыхъ считаютъ вдохновенными Богомъ людьми сознаются въ томъ, что они иногда заблуждаются. Если же боговдохновенные люди могутъ ошибаться, то почему не можетъ ошибаться боговдохновенная книга? 2) Въ то время, когда было написано это Посланіе къ Тимоѳею, еще не было Новаго Завѣта. Собраніе писаній, извѣстныхъ подъ этимъ именемъ, было составлено только много времени спустя. Единственное Священное Писаніе, извѣстное въ то время христіанамъ, — былъ Ветхій Завѣтъ. Поэтому слова „все Писаніе“ конечно относились только къ Ветхому Завѣту. Такъ что, если этотъ текстъ вообще доказываетъ чьюнибудь непогрѣшимость, то это можетъ быть только непогрѣшимость Ветхаго Завѣта. 3) Но что онъ не доказываетъ ни

этого, ни вообще чего-либо подобнаго, въ этомъ мы легко можемъ удостовѣриться, доставъ правильный переводъ этого текста. Ученымъ давно было извѣстно, что этотъ текстъ невѣрно переведенъ. Въ провѣренномъ правильномъ переводѣ текстъ этотъ гласитъ: „Всякое боговдохновенное писаніе также полезно для наученія, для обличенія, для исправленія и т. д.“ Чтобы эти слова доказывали непогрѣшимость Библіи, этого никто не можетъ сказать.

Другой текстъ, часто приводимый въ доказательство непогрѣшимости Библіи, взятъ изъ 2-го Посланія Петра: „Никогда пророчество не было произносимо по волѣ человѣческой; но изрекали его святые Божіи человѣки, будучи движимы Духомъ Святымъ.“ Но нужно помнить, что это Посланіе (какъ мы видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ) почти навѣрное вовсе не исходитъ отъ Петра и что это — не апостольское писаніе конца II-го столѣтія. Оно поэтому имѣетъ очень мало права занимать мѣсто въ Новомъ Завѣтѣ. Но если мы даже признаемъ его подлиннымъ писаніемъ, то что же изъ этого? Оно ничего не говоритъ о непогрѣшимости Библіи. Оно не дѣлаетъ никакихъ утвержденій, касающихся всей Библіи. Словами: „святые человѣки, будучи движимы Духомъ Святымъ“ оно просто утверждаетъ великую истину животворящаго вдохновенія Богомъ человѣческой души, истину также очевидную теперь, какъ и въ прошлыя времена, и не имѣющую никакой необходимой связи съ какой бы то ни было книгой.*)

*) Частое употребленіе въ Ветхомъ Завѣтѣ такихъ торжественныхъ выраженій, какъ: „И сказалъ Богъ“; „Такъ говоритъ Господь“; „И сказалъ Богъ всѣ слова сіи говоря“, и тексты: „Все писаніе богодухновенно“ и „Святые человѣки, будучи движимы Духомъ Святымъ“, составляютъ главныя основанія, на которыя опираются эти притязанія (на непогрѣшимость Библіи). Относительно употребленія приведенныхъ изреченій мы находимъ нѣсколько весьма поучительныхъ фактовъ въ книгѣ сэра Самуила Бэкера „Nile Tributaries“. Онъ говоритъ (стр. 129 — 131): „Разговорный языкъ арабовъ носитъ совершенно тотъ же характеръ, какъ и ветхозавѣтный языкъ. Имя Бога связывается со всякимъ даже самымъ незначительнымъ случаемъ жизни. Когда въ странѣ наступаетъ голодъ, объ этомъ выражаются суровымъ языкомъ Ветхаго Завѣта: „*Господь ниспослалъ* на страну тяжкій голодъ“. Болѣзни и падежъ скота считаются несчастіемъ, посланнымъ велѣніемъ Бога; если ста-

Многіе видятъ утвержденіе непогрѣшимости Библіи въ словахъ Христа: „Небо и земля прейдутъ, но слова Мои не прейдутъ“ (Маркъ XIII, 31). Но слова Христа составляютъ только безконечно малую часть Библіи; они составляютъ только часть четырехъ книгъ изъ шестидесяти шести. При томъ же онъ вѣроятно вовсе не думалъ о писанныхъ словахъ, ибо въ то время еще ни одно слово его не было записано; да и впослѣдствіи была записана только небольшая часть его словъ, и то не ранѣе, какъ спустя цѣлое поколѣніе послѣ его смерти. Онъ вѣроятно имѣлъ въ виду только то, что *сказанныя* имъ слова должны были быть *вѣчны*, потому что они были истинны.

Другіе приводятъ въ доказательство непогрѣшимости Библіи нѣсколько сходное съ этимъ изреченіе Христа въ нагорной проповѣди (Матѳ. V, 18): „Доколѣ не прейдетъ небо и земля ни одна іота или ни одна черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все.“ Но то, что въ тѣ времена разумѣлось подъ именемъ *закона*, вовсе не было тождественно съ нашей теперешней Библіей. Тогда не было еще никакого Новаго Завѣта, ни одной части его. Подъ закономъ разумѣлась только

да преуспѣваютъ и множатся, то и преуспѣяніе ихъ приписывается вмѣшательству Бога... Такимъ образомъ знакомство съ обычаями и рѣчью современныхъ намъ арабовъ бросаетъ свѣтъ на многія мѣста Ветхаго Завѣта. Жизнь и обычаи этихъ не измѣнившихся съ вѣками арабскихъ племенъ представляютъ собой поразительно вѣрную иллюстрацію къ тексту Священныхъ Писаній... Еслибы въ наше время арабскій писатель изложилъ исторію своей страны, то она была бы написана совершенно такимъ же слогомъ, какъ написанъ Ветхій Завѣтъ, и всѣ невзгоды и счастливыя событія, которыя естественно переживали эти племена и отдѣльныя личности въ нихъ, непремѣнно были бы представлены, какъ особыя испытанія, ниспосланныя гнѣвомъ божества, или какъ Божіе благословеніе за добрыя дѣла.

„Когда арабъ видитъ сонъ, внушающій ему извѣстный поступокъ, онъ вѣритъ, что это Богъ *говорилъ* съ нимъ и направилъ его. Арабскій писатель или историкъ, разсказывая объ этомъ случаѣ, непремѣнно назвалъ бы этотъ сонъ „*голосомъ* Бога“, лично говорившаго съ нимъ; или написалъ бы, что Богъ явился къ нему во снѣ и „*сказалъ*“ и т. д. Такая образность мыслей и выраженій народа необходимо должна быть принята во вниманіе европейскимъ читателемъ.“ (Clodd „Childhood of Religion“ стр. 236 — 238).

часть Ветхаго Завѣта (первыя пять книгъ). Но вѣроятно Іисусъ разумѣлъ подъ закономъ нѣчто, еще болѣе ограниченное, а именно только *нравственное* ученіе этихъ книгъ. Оно-то и было исполнено, (*завершено*), училъ онъ, его Евангеліемъ. Изъ этого мы видимъ, что и въ этомъ текстѣ не сказано ничего о непогрѣшимости Библіи.

Намъ остается разсмотрѣть только одно еще изреченіе. Это странныя и ужасныя слова, которыми заканчивается Апокалипсисъ или Книга Откровенія: „свидѣтельствую всякому, слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложитъ что къ нимъ, на того наложитъ Богъ язвы, о которыхъ написано въ книгѣ сей. И если кто отниметъ что отъ словъ книги пророчества сего, у того отниметъ Богъ участіе въ книгѣ жизни и въ святомъ градѣ, и въ томъ, что написано въ книгѣ сей.“ Противъ этого текста могутъ быть сдѣланы два возраженія: во-первыхъ, онъ находится въ самой сомнительной изъ всѣхъ книгъ Библіи, — въ книгѣ, только съ трудомъ получившей доступъ въ Канонъ и не пользовавшейся довѣріемъ многихъ ученыхъ и благочестивыхъ знатоковъ Библіи, какъ древняго, такъ и новаго времени. И во-вторыхъ, это мѣсто не можетъ служить доказательствомъ непогрѣшимости Библіи, ибо оно вовсе не говоритъ о Библіи. Въ тѣ времена еще и не было Библіи, а былъ только Ветхій Завѣтъ, о которомъ въ этомъ текстѣ и намека нѣтъ. Онъ относится только къ „книгѣ *пророчества сего*“, т. е. только къ той книгѣ, въ которой находится это изреченіе — къ Апокалипсису. Желая предохранить свое произведеніе отъ всякаго искаженія, авторъ прибѣгаетъ къ весьма сомнительному пріему угрозъ и проклятій по адресу всякаго, кто попытается внести туда свои измѣненія.

Итакъ мы видимъ, какъ неосновательно мнѣніе, будто Библія сама изъявляетъ притязанія на непогрѣшимость. Мы даже находимъ въ ней много мѣстъ, которыя учатъ насъ какъ разъ противоположному. Іисусъ говоритъ народу: „Зачѣмъ же вы и по самимъ себѣ не судите, чему быть должно?“ И Ветхій и Новый Завѣтъ, помимо разныхъ внѣшнихъ авторитетовъ, постоянно обращаются къ разуму, сердцу и совѣсти людей. Сама Библія безъ стѣсненія указываетъ на несовершенство главныхъ ея героевъ и авторовъ. Едва ли Наѳанъ могъ почитать Давида непогрѣшимымъ, когда онъ сравнивалъ его съ ужаснымъ убій-

цей и говорилъ: „ты — этотъ человѣкъ.“ Точно также и Павелъ не могъ признавать непогрѣшимости Петра, если онъ уже много времени послѣ того, что они оба стали великами проповѣдниками евангелія, говорилъ про Петра: „Я лично противосталъ ему, потому что онъ подвергался нареканію.“ (Галат. 2, 11). Самъ Іисусъ не могъ считать Ветхій Завѣтъ непогрѣшимымъ, иначе онъ не сталъ бы приводить изъ него одну заповѣдь за другой только для того, чтобы опровергнуть ихъ и дать своимъ ученикамъ противоположныя заповѣди. (Матѳ. V, 21 — 48).

Въ дѣйствительности догматъ непогрѣшимости Библіи, проповѣдуемый въ новомъ мірѣ, былъ неизвѣстенъ древнимъ евреямъ, Христу и первоначальной христіанской церкви. Онъ появился не ранѣе XVI или XVII столѣтія и не признавался ни однимъ изъ первыхъ и величайшихъ реформаторовъ, ни Лютеромъ, ни Кальвиномъ, ни Цвингли, ни ближайшими сотрудниками ихъ. Римско-Католическая церковь никогда не признавала его.

Но чтобы убѣдиться въ полной неосновательности этого догмата, совершенно достаточно самому внимательно прочитать Библію.

Противорѣчія въ Библіи. Какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ встрѣчаются многочисленныя противорѣчія. Они представляютъ собой столь неопровержимый аргументъ противъ непогрѣшимости Библіи, что я позволю себѣ привести здѣсь цѣлый рядъ такихъ противорѣчій, хотя это все же будетъ только весьма малая часть ихъ общаго числа.

Мы въ другой главѣ уже обращали вниманіе читателя на противорѣчіе между 2 Цар. XXIV, 1. и 1 Парал. XXI, 1. Въ одномъ изъ этихъ текстовъ сказано, что народная перепись была совершена Давидомъ по повелѣнію *Господа*, въ другомъ, что она была совершена по повелѣнію *сатаны*. Эти два текста могли бы считаться непогрѣшимыми только въ томъ случаѣ, если бы Богъ и сатана были однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Вотъ цѣлый рядъ такихъ противорѣчивыхъ текстовъ, поставленныхъ другъ противъ друга для лучшаго сличенія:

„И встревожилось сердце Давида послѣ того, какъ онъ сосчиталъ народъ и сказалъ Давидъ Господу: тяжко согрѣшилъ я тѣмъ, что сдѣлалъ.“ (II Цар. 24, 10).

„Давидъ дѣлалъ угодное предъ очами Господа и не отступалъ отъ всего того, что Онъ заповѣдалъ ему, во всѣ дни жизни своей, кромѣ поступка съ Уріею, Хеттеяниномъ.“ (III Цар. 15, 5).

Съ одной стороны мы видимъ, что Давидъ согрѣшилъ, произведя народную перепись въ Израилѣ, съ другой намъ говорятъ, что Давидъ ни разу не совершилъ грѣха, за исключеніемъ похищенія жены у хеттеянина Урія.

„И было послѣ этихъ происшествій, что Богъ искушалъ Авраама.“ (Бытіе XXII, I).

„Ты влекъ меня за собою, Господи, и я увлеченъ.“*) (Іерем. XX. 7).

„Въ искушеніи никто не говори: Богъ меня искушаетъ, потому что Богъ не искушается зломъ, и Самъ не искушаетъ никого.“ (Іаковъ I, 13).

Съ одной стороны намъ разсказываютъ, какъ Богъ искушаетъ того и другого, съ другой стороны онъ не искушалъ никого. У Іереміи мы видимъ, что онъ не только искушаетъ, но даже обманываетъ людей. Сравните еще слѣдующіе тексты:

„ ... Земля во вѣки пребываетъ.“ (Екклез. I, 4). „Утвердилъ землю на основаніяхъ ея, такъ что она не поколеблется во вѣки и вѣки.“ (Псаломъ 104, 5).

„Земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ.“ (II Петр. III, 10).

„Они (земля и небеса) погибнутъ, а Ты пребываешь.“ (Евр. I, 11).

И еще:

„И понесся Илія въ вихрѣ на небо.“ (IV Цар. II, 11).

„Никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небесъ Сынъ человѣческій, сущій на небесахъ.“ (Іоан. III, 13).

„Всякій рожденный отъ Бога не дѣлаетъ грѣха... онъ не можетъ грѣшить, потому что рожденъ отъ Бога.“ (I Іоанна III, 9).

„Нѣтъ человѣка, который бы не грѣшилъ“. (III Цар. VIII, 46).

„Нѣтъ человѣка праведнаго на землѣ, который дѣлалъ бы добро и не грѣшилъ.“ (Еккл. VII, 20).

И еще:

„И взялъ Ной изъ всякаго скота чистаго и изъ всѣхъ птицъ

---

*) Въ англійской Библіи слова „влекъ“ и „увлеченъ“ переведены „обманулъ“ и „обманутъ“. (*Ред.*)

чистыхъ и принесъ во всесожженіе на жертвенникѣ. И обонялъ Господь пріятное благоуханіе, и сказалъ Господь въ сердцѣ Своемъ: не буду больше проклинать земли за человѣка.“ (Бытіе VIII, 20, 21).

„И приносите всесожженіе въ пріятное благоуханіе Господу.“ (Числа 28, 27).

„И приносите всесожженіе, огненную жертву, пріятное благоуханіе Господу: тринадцать тельцовъ, двухъ овновъ, четырнадцать однолѣтнихъ агнцевъ.“ (Числа 29, 13).

„Жертвы ты не хочешь, я принесъ бы ее; всесожженія не желаешь.“ (Псаломъ 51, 18).

„Не угодна Мнѣ кровь быковъ, и агнцевъ и козловъ“. (Исаія I, 11).

„Съ чѣмъ предстать мнѣ предъ Господомъ?... Можно ли угодить Господу хоть тысячами овновъ или безчисленными потоками елея?... Чего требуетъ отъ тебя Господь: только дѣйствовать справедливо, любить дѣла милосердія и смиренномудро ходить передъ Богомъ твоимъ“. (Михей VI, 6, 8).

Сравните также слѣдующіе тексты:

„Нѣтъ тьмы и нѣтъ мрака, гдѣ укрылись бы злодѣи.“ (Іовъ XXXIV, 22).

„И скрылся Адамъ и жена его отъ лица Господа Бога между деревьями сада.“ (Бытіе III, 8).

„И захватилъ у него Давидъ *тысячу семьсотъ* всадниковъ и двадцать тысячъ пѣшихъ.“ (2 Цар. 8, 4).

„И взялъ Давидъ у него тысячу колесницъ и *семь тысячъ* всадниковъ.“ (I Парал. 18, 4).

„И не было дѣтей у Мелхолы, дочери Сауловой до *дня* смерти *ея*.“ (2 Цар. VI, 23).

„*И пять сыновъ* Мелхолы, дочери Сауловой.“ (2 Цар. XXI, 8).

„Люди же, шедшіе съ нимъ (Павломъ), стояли въ оцепѣнѣніи *слыша голосъ*, а никого не видя.“ (Дѣянія IX, 7).

„Бывшіе же со мной свѣтъ видѣли и пришли въ страхъ; но *голоса*, говорившаго мнѣ, *не слыхали*.“ (Дѣянія XXII, 9*).

---

*) По поводу трехъ разсказовъ объ обращеніи Павла въ Дѣяніяхъ Апостоловъ (IX, 3 — 19, XXII, 6 — 16 и XXVI, 12 — 18) д-ръ Эдвинъ Хатчъ (Hatch) говоритъ: „Разница между этими разсказами имѣетъ роковое значеніе для той

„Я видѣлъ Бога лицемъ къ лицу.“ (Бытіе XXXII, 31).

„Бога никто никогда не видѣлъ.“ (I Іоан. IV, 12).

„Я вѣчносущій не измѣняюсь.“ (Мал. III, 6).

„у котораго нѣтъ измѣненія и ни тѣни перемѣны.“ (Іак. I, 17).

„И пожалѣлъ Богъ о бѣдствіи, которое назначилъ было навести на нихъ, и не навелъ.“ (Іона III, 10).

„Я Господь, изрекъ и приведу это въ исполненіе; не отмѣню.“ (Іезек. XXIV, 14).

(Въ Библіи встрѣчается не менѣе четырнадцати мѣстъ, въ которыхъ говорится о раскаяніи Бога).

„Ибо нѣтъ лицепріятія у Бога.“ (Римл. II, 11).

„Іакова я возлюбилъ, а Исава возненавидѣлъ.“ (Римл. IX, 13. См. ст. 10 — 18).

„Снисшедшій въ преисподнюю не восходитъ.“ (Іовъ VII, 9).

„Вострубитъ и мертвые воскреснутъ нетлѣнными.“ (I Кор. XV, 52).

Разновидности десяти заповѣдей. Всякій, внимательно изучавшій Библію, знаетъ, что *десять заповѣдей* приведены въ ней не только въ трехъ различныхъ мѣстахъ, но и въ двухъ *различныхъ видахъ* и настолько различныхъ, что нѣтъ никакой возможности отождествить ихъ. Для лучшаго сравненія я приведу эти два различныхъ вида рядомъ.

1) Да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицомъ Моимъ.

1) Ты не долженъ поклоняться богу иному; такъ какъ Господь, Ревнитель имя ему; Богъ Ревнитель Онъ.

2) Не дѣлай себѣ кумира и никакого изображенія.

2) Боговъ литыхъ не дѣлай себѣ.

3) Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно.

3) Праздникъ опрѣсноковъ соблюдай.

4) Помни день субботній, чтобы освятить его. Шесть дней работай и дѣлай всякія дѣла свои. А день седьмой суббота Господу Богу твоему: не дѣлай никакой работы...

теоріи, которая понимаетъ божественное вдохновеніе въ самомъ узкомъ и буквальномъ смыслѣ, но она не можетъ служить вѣскимъ доказательствомъ противъ общей правдивости этихъ разсказовъ.“ (Encyclopaedia Britannica, ст. „Paul“). То же самое вѣрно и по отношенію къ большинству другихъ противорѣчій въ повѣствованіяхъ Библіи.

4) Шесть дней работай, а въ седьмой день покойся; и во время посѣва и жатвы покойся.

5) Почитай отца твоего и мать твою.

5) И праздникъ седьмицъ совершай, праздникъ начатковъ жатвы пшеничной и праздникъ собиранія плодовъ при концѣ года.

6) Не убивай.

6) Три раза въ году долженъ являться весь мужескій полъ твой предъ лице Владыки, Господа Бога Израилева.

7) Не прелюбодѣйствуй.

7) Не изливай на квасный хлѣбъ крови жертвы моей.

8) Не крадь.

8) И не должна оставаться до утра жертва праздника Пасхи.

9) Не произноси ложнаго свидѣтельства на ближняго твоего.

9) Самые первые плоды земли твоей принеси въ домъ Господа Бога твоего.

10) Не желай дома ближняго твоего.

10) Не вари козленка въ молокѣ матери его.

Изъ этихъ двухъ видовъ у насъ вошелъ въ употребленіе только первый, т. е. XX гл. Исхода и V гл. Второзаконія, несмотря на то, что въ XXXIV гл. Исхода ясно сказано, что эта вторая форма и есть та самая, которая была дана Богомъ Моисею и была написана Моисеемъ по повелѣнію Бога на каменныхъ скрижаляхъ, какъ „слова завѣта или десять заповѣдей.“

Противорѣчія въ Евангеліяхъ.

Въ разсказахъ *о жизни Іисуса* также встрѣчается множество противорѣчій. Но я могу здѣсь разсмотрѣть только немногія изъ нихъ и только вкратцѣ.

Прежде всего мы видимъ разногласія въ разсказахъ о дѣтствѣ Христа. По словамъ евангелиста Луки, онъ былъ рожденъ въ Виѳлеемѣ, послѣ чего (II, 22) родители повезли его въ Іерусалимъ, для совершенія надъ нимъ обряда на 40-ой день отъ рожденія, и затѣмъ сейчасъ же вернулись въ Галилею, въ родной городъ ихъ Назаретъ, (II, 39). Съ той поры они каждый годъ пріѣзжали въ Іерусалимъ къ празднику Пасхи (II, 41.) Итакъ

вотъ одно описаніе дѣтства Іисуса до 12 лѣтъ. Обращаясь къ евангелію Матѳея (гл. II), мы находимъ совершенно иной, противорѣчащій этому разсказъ о дѣтствѣ Христа. Матѳей разсказываетъ намъ, что, тотчасъ послѣ рожденія Христа и поклоненія ему волхвовъ, родители увезли его не домой въ Назаретъ, а въ Египетъ, откуда они возвратились въ Назаретъ только послѣ смерти Архелая, сына и наслѣдника Ирода. Какъ согласовать эти противорѣчія?

Такія же непреоборимыя затрудненія встрѣчаемъ мы въ генеалогіяхъ Іисуса въ Евангеліяхъ Матѳея и Луки. Въ обѣихъ этихъ генеалогіяхъ перечисляются предки Іисуса, какъ сына Іосифа. Но послѣ этого и Матѳей и Лука объявляютъ намъ, что Іисусъ не былъ сыномъ Іосифа. Итакъ мы должны считать Іисуса потомкомъ Давида только на томъ основаніи, что чужой для него по крови человѣкъ происходитъ отъ Давида. Странная генеалогія! Затѣмъ у Матѳея сказано, что всѣхъ поколѣній отъ Авраама до Давида было четырнадцать, отъ Давида до Вавилонскаго плѣненія также четырнадцать и отъ Вавилонскаго плѣненія до Христа — опять четырнадцать. Но если мы по данной имъ же генеалогіи внимательно сосчитаемъ число поколѣній отъ Авраама до Давида, то мы насчитаемъ ихъ только *тринадцать;* столько же поколѣній окажется и отъ Вавилонскаго плѣненія до Христа. Кромѣ того генеалогіи Іосифа, мужа Маріи, (которыя могли бы называться генеалогіями Іисуса только, еслибы онъ дѣйствительно былъ сыномъ Іосифа) данныя намъ Матѳеемъ и Лукой, тоже вовсе не согласуются между собой, ибо изъ всего перечня именъ онѣ сходятся только въ пятнадцати и расходятся въ сорока именахъ. Если мы возьмемъ во вниманіе, что обѣ генеалогіи ведутся только по мужеской линіи, переходя отъ сына къ отцу, дѣду и прадѣду и т. д., то для насъ станетъ очевиднымъ, что разногласіе въ этихъ генеалогіяхъ можетъ быть приписано только заблужденію одного изъ авторовъ или ихъ обоихъ. Предположеніе, что въ одной изъ этихъ генеалогій происхожденіе Іисуса ведется черезъ Марію, было бы лишено всякаго основанія и противорѣчило бы буквальному тексту.

Переходя отъ рожденія и дѣтства Іисуса къ его служенію, мы встрѣчаемъ еще болѣе несогласій и противорѣчій. Такъ напримѣръ, Іисусъ, по словамъ евангелиста Марка, уходитъ въ

пустыню *немедленно* послѣ своего крещенія и остается тамъ въ продолженіе сорока дней. Но обращаясь къ Евангелію Іоанна, мы видимъ Іисуса на третій день послѣ крещенія въ Канѣ Галилейской на свадьбѣ и не находимъ у него ни малѣйшаго намека на пребываніе Іисуса въ пустынѣ и его искушеніе. Оба эти разсказа могли бы быть вѣрны только въ томъ случаѣ, еслибы Іисусъ могъ одновременно находиться въ двухъ различныхъ мѣстахъ на сѣверѣ и на югѣ Палестины.

Надпись на крестѣ всѣми евангелистами передается различно.

У Матѳея (XXVII, 37) сказано: „Сей есть Іисусъ, царь Іудейскій“

У Марка (XV, 26) — „Царь Іудейскій.“

У Луки (XXIII, 38) — „Сей есть царь Іудейскій.“

У Іоанна (XIX, 19) — „Іисусъ Назорей, царь Іудейскій.“

Конечно только одна изъ этихъ надписей можетъ быть вѣрна. Противъ этого могутъ возражать, что разница въ формѣ можетъ зависѣть отъ того, что надпись была сдѣлана на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, а потому каждый изъ евангелистовъ могъ привести особую форму. Но и это объясненіе мало помогаетъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ разновидности могло бы быть только *три*, а ихъ четыре, такъ что мы все-таки принуждены сознаться, что по крайней мѣрѣ одинъ изъ евангелистовъ ошибся.

Вотъ еще одна неточность: Павелъ разсказываетъ намъ (I Кор. XV, 5) что *двѣнадцать* апостоловъ видѣли Христа послѣ его воскресенія. Но тогда не было двѣнадцати апостоловъ, ихъ было только *одиннадцать*, ибо Іуда передъ тѣмъ повѣсился, а замѣститель его, Матоей, былъ избранъ только послѣ вознесенія Христа.

Въ разсказахъ о воскресеніи и о событіяхъ между воскресеніемъ и вознесеніемъ есть тоже нѣсколько явныхъ противорѣчій. Но я не остановлюсь на нихъ, такъ же какъ и на многихъ другихъ противорѣчіяхъ въ разныхъ частяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта.

Я, конечно, знаю, какое возраженіе встрѣтятъ и уже слишкомъ часто встрѣчали подобныя цитаты: это возраженіе — гнѣвъ и угрозы каждому, кто осмѣливается раскрывать недостатки и неточности въ Библіи, и объявленіе этихъ противо-

рѣчій измышленіями невѣрующихъ, измышленіями, „которыя были опровергнуты уже тысячу разъ.“ На это я долженъ сказать, что это вовсе не чьи-либо *измышленія*, а просто очевидные факты, которые отказываются служить чьимъ бы то ни было желаніямъ, „невѣрныхъ ли“ или христіанъ все равно. Что же касается того, что они были опровергнуты уже тысячу разъ, то вѣрнѣе было бы сказать, что на нихъ уже *возражали* тысячу разъ, но *опровергнуты* они еще не были ни разу. Пусть догматики отвергаютъ эти факты, — изслѣдователь, любящій истину, всегда признаетъ ихъ. Признаніе — единственный возможный отвѣтъ на факты. Только очень немногія изъ этихъ противорѣчій въ силахъ ослабить общую историческую вѣрность и цѣнность Библіи, но они совершенно разрушаютъ догматъ о ея непогрѣшимости.

XXI.

Непогрѣшимость Библіи при свѣтѣ новѣйшей науки.

II.

Теперь я перейду къ изслѣдованію другихъ причинъ, заставляющихъ насъ отвергать догматъ непогрѣшимости Библіи. Я постараюсь быть какъ можно болѣе краткимъ и приведу только тѣ примѣры, которые необходимы для уясненія моей мысли.

Нелѣпости въ Библіи. Библія содержитъ не мало разсказовъ, нелѣпыхъ по самой своей сущности. Напримѣръ разсказъ о томъ, какъ женщина была сдѣлана изъ ребра мужчины, — о говорящей змѣѣ и говорящемъ ослѣ; исторія Іоны, жившаго три дня въ желудкѣ рыбы (въ Ев. отъ Матѳ. XII 40, въ общепринятомъ переводѣ сказано во чревѣ кита), и Навуходоносора, питавшагося, подобно быку, травой въ продолженіе семи лѣтъ.*)

*) Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить еще слѣдующія несообразности: Саррѣ, во время ея пребыванія въ Герарѣ, гдѣ она, благодаря красотѣ своей подвергалась такой же большой опасности, какъ и въ Египтѣ, оказывается, было уже больше, чѣмъ девяносто лѣтъ (кн. Бытія XX; XVII, 17). Измаилъ, уведенный за руку своей матерью и оставленный ею умирать подъ кустомъ, (Бытіе XXI, 14, 15) находится уже въ возрастѣ между 14 и 20 годами (Бытіе XVI, 16; XVII 25; XXI, 5. 8). Іаковъ отправился въ Падданъ-Арамъ, когда ему было около сорока лѣтъ (Бытіе XXVI 34; XXVII, 46; XXVIII, 1) и прожилъ

Когда мы встрѣчаемъ подобные разсказы во всѣхъ другихъ священныхъ книгахъ, за исключеніемъ нашей, то мы ни на минуту не вѣримъ имъ. Мы говоримъ, что они настолько нелѣпы, что вѣрить имъ совершенно невозможно. Но развѣ такіе разсказы перестаютъ быть нелѣпыми оттого, что мы находимъ ихъ въ нашей собственной священной книгѣ?*).

2) Историческія ошибки. Въ Библіи встрѣчаются также разсказы о фактахъ, исторически невѣрныхъ. Такъ напримѣръ мы читаемъ въ Евангеліи Луки, что отъ римскаго императора Кесаря Августа вышло повелѣніе „сдѣлать перепись по всей землѣ“ и что вслѣдствіе этого Іосифъ и Марія также должны были отправиться въ правленіе Квиринія Сиріею въ свой родной городъ, Виѳлеемъ, чтобы тамъ записаться. Во время этого пребыванія ихъ въ Виѳлеемѣ и родился Іисусъ. (См. Ев. Луки глава II).

Въ этомъ разсказѣ можно насчитать не менѣе трехъ или четырехъ явныхъ заблужденій. Во-первыхъ, въ исторіи нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы въ Римской имперіи когда-либо была произведена *всеобщая* перепись. Во-вторыхъ, Квириній дѣйствительно производилъ перепись въ Палестинѣ, но только въ предѣлахъ Іудеи и Самаріи, на Галлилею же перепись эта не распространялась и потому она не могла касаться дома Іосифа (въ Назаретѣ). Въ-третьихъ, перепись эта была произведена только десять лѣтъ спустя послѣ смерти Ирода, а вовсе не въ его царствованіе, какъ повѣствуетъ намъ евангелистъ Лука. И наконецъ въ то время, когда родился Іисусъ,

---

тамъ двадцать лѣтъ (Бытіе XXXI, 38, 41), въ продолженіе которыхъ родился Іосифъ (Бытіе XXX, 24); однако намъ говорятъ, что ему было болѣе девяноста лѣтъ, когда родился Іосифъ. (Бытіе XLI, 46; XLVII, 9). А Веніаминъ, этотъ маленькій мальчикъ, котораго отецъ не рѣшается отпустить отъ себя, (Бытіе XLIII, 8; XLIV, 20, 22, 30) оказывается въ то время уже былъ отцомъ десятерыхъ дѣтей (Бытіе XLVI) 21), (E. H. Hall, Unitarian Review, ноябрь 1880 г., стр. 435).

*) Называя эти разсказы нелѣпыми, я, конечно, разсматриваю ихъ только со стороны *дѣйствительности и достовѣрности* переданныхъ ими фактовъ. Если же смотрѣть на нихъ такъ, какъ мы обыкновенно смотримъ на эти разсказы, когда встрѣчаемъ ихъ въ другихъ священныхъ книгахъ, т. е. какъ на *легенды и мивы*, — то они всѣ очень интересны, и нѣкоторые изъ нихъ даже весьма поучительны и прекрасны.

правителемъ въ Сиріи былъ не Квириній, а Квинтъ Сентій Сатурнинъ.

Вотъ еще одинъ примѣръ. Въ Евангеліи отъ Матѳея XXIII, 35 сказано, что евреи убили Захарія, сына Варахіина, между храмомъ и алтаремъ. Но это невѣрно. Тамъ былъ убитъ Захарій, сынъ Іодая, — совсѣмъ другое лицо (См. 2 Парал. XXIV, 20 — 22). Захарій, сынъ Варахія, жилъ уже 230 лѣтъ спустя послѣ этого Захарія. Такихъ очевидныхъ историческихъ ошибокъ еще множество.

Я указываю на эти ошибки не потому, чтобы онѣ сами по себѣ имѣли большое значеніе или составляли вѣское доказательство несостоятельности Библіи, какъ исторіи, а потому, что онѣ представляютъ собой неопровержимое свидѣтельство противъ непогрѣшимости Библіи. Для непогрѣшимой книги недостаточно быть вообще достойной довѣрія, она должна быть точна во всемъ, во всѣхъ мелочахъ. Если она грѣшитъ хоть въ чемъ-нибудь, она уже перестаетъ быть непогрѣшимой.

3) Научныя заблужденія. Въ 3-ей книгѣ Моисея мы читаемъ, что Израильтянамъ запрещается ѣсть зайца, „потому что онъ жуетъ жвачку, но копыта у него не раздвоены.“ Здѣсь авторъ грѣшитъ противъ научнаго факта, ибо заяцъ не жуетъ жвачки. Въ Библіи и особенно въ Ветхомъ Завѣтѣ встрѣчается не мало такихъ утвержденій, которыя противорѣчатъ свидѣтельству науки. Такова вся исторія сотворенія міра и потопа въ книгѣ Бытія и разсказъ о томъ, какъ остановилось солнце по повелѣнію Іисуса Навина. Пытались согласовать эти разсказы съ наукой. Но для этого приходилось прибѣгать къ такимъ искаженіямъ языка, которыя позволительны развѣ только въ одной теологіи, ибо они уничтожаютъ всякое значеніе человѣческой рѣчи, влагая въ нее какой угодно смыслъ или безсмыслицу.*)

*) См. стр. 12, 13. Сравните недобросовѣстныя хитросплетенія, искаженія языка и всѣ особыя увертки большинства „примирителей“ науки съ Священнымъ Писаніемъ съ мужественнымъ прямодушіемъ и правдивостью такихъ людей, какъ Dean Stanley, который безъ малѣйшаго колебанія заявляетъ: „Теперь очевидно для всѣхъ знатоковъ Библіи, что первая и вторая главы книги Бытія содержатъ рядомъ два разсказа, *различающихся другъ отъ друга почти во всѣхъ данныхъ*, относительно времени, мѣста и порядка дѣйствія.“ (Надгробное слово при погребеніи Сэра Чарльза Ляйеля). См. сочиненія епископа Колен-

4) Преувеличенія. Въ Библіи встрѣчаются явныя преувеличенія. Таковы напримѣръ утвержденія будто Маѳусалъ жилъ 969 лѣтъ, а Енось 905, что Ламеху было 182 года, когда родился его первый сынъ; затѣмъ разсказъ въ XIII гл. 2 Парал. о численности еврейскихъ войскъ, гдѣ говорится, что у іудейскаго царя Авія было 400,000 человѣкъ отборнаго войска, а у израильскаго царя Іероваама 800,000 человѣкъ такихъ же отборныхъ и храбрыхъ, и что изъ нихъ онъ въ одномъ только сраженіи потерялъ 500,000 человѣкъ.

Чудовищность этого преувеличенія, превосходящаго всѣ границы возможнаго, — станетъ намъ вполнѣ ясна, если мы вспомнимъ, что вся страна Палестина, изъ которой были набраны эти 1,200,000 „отборныхъ и храбрыхъ людей," по величинѣ своей не достигала даже размѣровъ такой маленькой страны, какъ Уэльсъ. Величайшая армія Наполеона, та, съ которой онъ совершалъ нашествіе на Россію, состояла только изъ 500,000 человѣкъ, то есть какъ разъ равнялось числу воиновъ, павшихъ, по словамъ Библіи, въ одномъ сраженіи и съ одной только стороны.

Въ 1 Книгѣ Царствъ (VI, 19) мы находимъ подобный же разсказъ о томъ, какъ Господь поразилъ пятьдесятъ тысячъ семьдесятъ человѣкъ изъ села Веѳсамиса за то, что они заглянули въ ковчегъ. Не говоря уже о чудовищности такого страшнаго наказанія за столь ничтожный проступокъ, обратите вниманіе на число убитыхъ. Ни въ одномъ государствѣ число взрослыхъ мужчинъ не составляетъ больше одной пятой всего населенія. Изъ этого мы видимъ, что Веѳсамисъ (извѣстный, намъ какъ совершенно незначительный городокъ) долженъ былъ, согласно этому разсказу, имѣть не меньше 250,000 человѣкъ населенія. Похоже ли это на непогрѣшимость?

Разсматривая внимательно цифры, встрѣчающіяся въ Исходѣ,

зо; Curtis, „Human Element in Inspiration", гл. IV; Wm. Denton „The Irreconcilable Records, or Genesis and Geology"; „The Deluge in the Light of Modern Science" того же автора; J. W. Draper, „The Conflict between Religion and Science"; A. D. White, „The Warfare of Science"; New Chapters in the Warfare of Science" того же автора; H. W. Crosskey, „The Method of Creation"; „Order of Creation" (статьи Гладстона, Гексли, Мюллера, Ревилля и Линтона).

мы и въ нихъ найдемъ огромныя преувеличенія. Намъ говорятъ, что между евреями, покинувшими Египетъ, было 600,000 мужчинъ. Прибавивъ къ этому число женщинъ и дѣтей въ обычной пропорціи, мы получимъ народъ, состоящій изъ двухъ или трехъ милліоновъ душъ. Представьте себѣ такую огромную массу, равняющуюся населенію цѣлаго государства, переходящей черезъ Красное море, совершающей одинъ большой походъ, раскидывающей свои шатры, путешествующей въ пустынѣ и тѣсно сплоченной въ продолженіе сорока лѣтъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ огромныя трудности продовольственнаго вопроса, представимъ себѣ, чего стоитъ одна организація и передвиженіе такой орды. Мы читаемъ, что они приготовились къ походу въ одну ночь и прошли черезъ море въ одну ночь. Но и то, и другое вещи совершенно невозможныя. Когда въ 1812 году Наполеонъ повелъ свои войска черезъ Нѣманъ, потребовалось три дня и три ночи для того, чтобы всѣ эти войска могли пройти тѣсными рядами черезъ три моста. Но эта армія составляла менѣе половины боевой рати Израильтянъ, и можетъ быть, не болѣе десятой части всей народной массы, не говоря уже о стадахъ, которыя они гнали съ собой. Итакъ мы видимъ, что въ этомъ разсказѣ Исхода мы имѣемъ дѣло съ прямо невѣроятными величинами*). А такихъ преувеличеній во всѣхъ болѣе древнихъ историческихъ частяхъ Библіи очень много.

5) Дѣтскія представленія о Богѣ. Въ Библіи мы встрѣчаемся съ представленіями о Богѣ, которыя кажутся намъ просто дѣтскими при свѣтѣ ученія, даннаго намъ Іисусомъ. Въ Исходѣ XXX, 34 — 38 мы напримѣръ видимъ, что Богъ даетъ Моисею очень подробныя наставленія, какъ приготовить благовонное куреніе, которое было бы „святыней для Господа“ и употреблялось въ скиніи собранія, гдѣ Господь долженъ былъ явиться Моисею. Всякій другой, приготовившій себѣ курительный составъ, подобный этому, долженъ былъ быть преданъ смерти. Итакъ мы видимъ Творца вселенной, занятымъ великимъ дѣломъ обученія Моисея, какъ составить пріятную для него благовонную смѣсь, которой онъ непремѣнно желаетъ наслаждаться одинъ, приговаривая къ смерти всякаго, кто вздумалъ бы конкурировать съ нимъ въ фабрикаціи благовонныхъ веществъ.

*) См. „Bible for Learners“, vol. I pp. 284. 285.

6) Нравственно унизительныя представленія о Богѣ. Нѣсколько примѣровъ, относящихся по существу къ этой главѣ, помѣщены уже нами въ главѣ о „Нравственномъ и религіозномъ прогрессѣ въ Библіи," къ которой мы и отсылаемъ читателей.

Кромѣ того, я приведу здѣсь нѣсколько фактовъ.

Ни одинъ искренній читатель Библіи не можетъ отрицать того, что въ ней встрѣчаются такія представленія о Богѣ, которыя изображаютъ его, какъ несовершенное въ нравственномъ отношеніи существо. Мы, напримѣръ, читаемъ, что Богъ ожесточалъ сердце Фараона, чтобы онъ не выпускалъ сыновъ Израиля изъ Египта (Исходъ VII, 13 и XI, 10), послѣ чего онъ за это посылаетъ на него самыя ужасныя наказанія. Могло ли это быть справедливымъ со стороны Бога? Конечно нѣтъ; иначе мы должны были бы думать, что нравственность Бога несравненно ниже нравственности человѣка. Во второй заповѣди Богъ запрещаетъ намъ идолопоклонство на томъ основаніи, что онъ ревнивый Богъ*). Здѣсь ему приписывается такая черта характера, которая унизительна даже для человѣческаго достоинства.

Далѣе Богъ приказываетъ Моисею сказать египетскому царю: „мы хотѣли бы пойти въ пустыню на три дня пути, чтобы принести жертву Господу Богу нашему," тогда какъ цѣль ихъ на самомъ дѣлѣ была вовсе не жертвоприношеніе, а совершенное бѣгство изъ Египта навсегда. Здѣсь мы видимъ, что Богъ учитъ Моисея лжи. Немного далѣе Богъ повелѣваетъ Моисею внушить евреямъ, чтобы они, передъ выступленіемъ въ походъ, заняли у своихъ сосѣдей, египтянъ, какъ можно больше драгоцѣнныхъ вещей и увезли ихъ съ собой. Здѣсь онъ повелѣваетъ не только ложь, но и грабежъ.

Когда въ пустынѣ среди израильтянъ происходило возстаніе противъ Моисея подъ предводительствомъ трехъ человѣкъ: Корея, Даѳана и Авирама, Богъ повелѣваетъ Моисею и Аарону отдѣлиться отъ народа, чтобы предать весь народъ огню. Но Моисей и Ааронъ просятъ Бога не гнѣваться на весь народъ за грѣхъ одного человѣка. Несмотря на это заступничество было поражено 14,700 человѣкъ, не считая 250 бунтовщиковъ,

*) Исходъ XX, 5; XXXIV. 14; Второз. V, 9.

поглощенныхъ землетрясеніемъ. И они были бы истреблены всѣ до единаго, какъ виновные, такъ и невиновные, если бы Ааронъ не поспѣшилъ туда съ кадильницей полной куренія, чтобы этимъ искупить грѣхъ народа и прекратить пораженіе. (Числа XVI, 20 — 50). Здѣсь Ааронъ и Моисей представлены не только болѣе милосердными, но и болѣе справедливыми, чѣмъ Богъ.

Далѣе мы видимъ, что Богъ приказываетъ Іисусу Навину истребить населеніе цѣлаго ряда городовъ, всѣхъ мужчинъ, женщинъ и невинныхъ дѣтей, только для того, чтобы онъ (Іисусъ Навинъ) и его спутники могли завладѣть этими городами и ихъ богатыми землями. (Іисусъ Навинъ X, 28 — 41). Если бы христіане встрѣтили подобные разсказы въ Коранѣ, они не преминули бы воспользоваться этимъ, какъ явнымъ доказательствомъ низости и безнравственности понятій о Богѣ, проповѣдуемыхъ магометанской религіей. Но если эти понятія низки и несовершенны, когда встрѣчаются въ Коранѣ, то развѣ они менѣе низки и несовершенны, когда мы находимъ ихъ въ нашемъ Ветхомъ Завѣтѣ?

Приведу еще одинъ примѣръ. Въ жизнеописаніи Іуя мы находимъ столько ужасныхъ преступленій, сколько одинъ человѣкъ только въ силахъ совершить, и всѣ они сдѣланы по повелѣнію Бога или съ его согласія (см. 4 Цар. гл. IX и X). Прежде всего Іуй застрѣливаетъ царя Іорама и приказываетъ убить царя Охозія; затѣмъ онъ хитростью завладѣваетъ головами семидесяти сыновъ Ахава, которыя ему приносятъ въ Изреель въ корзинахъ. Дѣлая видъ, будто это избіеніе совершено безъ участія и вѣдома его, онъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ избивать всѣхъ остальныхъ родныхъ и друзей Ахава, всѣхъ вельможъ и священниковъ его, такъ что „не осталось ни одного уцѣлѣвшаго.“ Однако оказывается, что въ живыхъ осталось еще сорокъ два брата Охозіи. Онъ закалываетъ и ихъ; затѣмъ онъ хитростью заманиваетъ въ храмъ священниковъ Ваала и, не предупредивъ ихъ ни словомъ, избиваетъ ихъ всѣхъ. Очевидно Іуй поступаетъ какъ безсовѣстный узурпаторъ, полагающій безопасность своего трона въ истребленіи всей предшествующей династіи. Избіеніе же служителей Ваала было сдѣлано имъ отчасти въ угоду священникамъ Іеговы, служившимъ ему орудіемъ въ осуществленіи его плановъ, отчасти же для того, чтобы вытравить

изъ народа всѣ слѣды симпатіи къ дому Ахава. Онъ былъ обманщикъ, лицемѣръ и убійца въ полномъ смыслѣ слова, но Библія говоритъ намъ, что онъ дѣлалъ все угодное въ очахъ Божіихъ, и все, „что было на сердцѣ у Бога“ и за это былъ одобренъ и награжденъ имъ.

Что намъ сказать на все это? Можемъ ли мы теперь, при свѣтѣ цивилизаціи и христіанства примириться съ такими недостойными представленіями о Богѣ? Можемъ ли мы хоть одну минуту вѣрить въ непогрѣшимость книги, содержащей въ себѣ такія понятія?

7) *Внушеніе злыхъ и несправедливыхъ дѣлъ.* Но Ветхій Завѣтъ не только и прямо, и косвенно даетъ свою санкцію всякимъ дурнымъ дѣламъ; онъ во многихъ мѣстахъ прямо-таки учитъ совершать ихъ. Такъ напримѣръ мы читаемъ въ Исходѣ (XXII, 18) заповѣдь: „Ворожей не оставляй въ живыхъ.“ Это повелѣніе убивать ворожей, можно сказать почти съ достовѣрностью, было причиной того, что сотни и тысячи, если не милліоны невинныхъ людей были повѣшены, сожжены, потоплены, убиты всякими другими способами; совершенно такъ же какъ подобный этому и упомянутый нами выше текстъ въ Ведахъ заставилъ безчисленное множество индусскихъ вдовъ совершить надъ собой ужасный обрядъ Сёгти*). Такое роковое значеніе имѣетъ для человѣчества ложная проповѣдь или дурное повелѣніе, возложенное на людей во имя непогрѣшимости священной книги.

Во Второзаконіи (XXI, 18, — 21) мы находимъ повелѣніе побивать камнями буйныхъ и непокорныхъ дѣтей, и притомъ просто по обвиненію родителей, безъ всякаго суда. Представьте себѣ, что какое-либо изъ нашихъ законодательствъ издало бы такой законъ въ наше время, и что гражданскія власти попытались бы привести его въ исполненіе. Не осудила ли бы его немедленно общественная совѣсть, какъ не только несправедливый, но прямо-таки жестокій и страшный законъ? Во Второзаконіи (XIV, 21) мы читаемъ: „Не ѣшьте никакой мертвечины; пришельцу, который въ городахъ твоихъ, отдай ее — онъ пусть ѣсть ее, или продай иноземцу.“ Какъ согласовать такую торговлю дурнымъ мясомъ съ правиломъ не дѣлать другимъ того,

*) Обрядъ сожженія вдовъ. *(Ред.)*

чего не желаешь себѣ? Въ IX Псалмѣ есть молитва, въ которой псалмопѣвецъ молитъ Господа ниспослать на врага и даже на дѣтей его самыя ужасныя бѣдствія. Онъ говоритъ: „да будутъ дни его (врага) малочисленны;“ „дѣти его да будутъ сиротами и жена его вдовою;“ „пусть дѣти его скитаются и просятъ;“ „да не будетъ милующаго сиротъ его.“ Въ другомъ псалмѣ (CXXXVI) авторъ восклицаетъ при видѣ своего врага: „Блаженъ, кто возьметъ и разобьетъ младенцевъ твоихъ о камень.“ Вдохновенны ли были псалмопѣвцы, когда писали такія слова? Если да, то нужно еще спросить: вдохновлены кѣмъ? Богомъ или сатаной?

Въ третьей книгѣ Моисея (XXV, 44 — 16) мы находимъ проповѣдь рабства, и не какъ временнаго учрежденія, но какъ чего-то вѣчнаго: „отъ нихъ (т. е. отъ сосѣднихъ народовъ. *Перев.*) покупайте раба и рабыню... вѣчно владѣйте ими, какъ рабами.“ Но довольно!

Что же намъ теперь сказать объ этихъ явныхъ несправедливостяхъ, освящаемыхъ религіей и проповѣдуемыхъ во имя ея? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: онѣ должны быть осуждены, гдѣ бы онѣ намъ ни встрѣтились. Конечно, если бы подобныя наставленія составляли самую сущность ученія Библіи, то она не только не имѣла бы никакой цѣны въ религіозномъ отношеніи, но была бы еще проклятіемъ для міра. Къ счастью, каждый разумный читатель знаетъ, что это не главныя ученія Библіи. Тѣмъ не менѣе эти безнравственныя требованія составляютъ *часть* ея ученій. Этого факта никто не можетъ отрицать. Какимъ же образомъ мы можемъ лишить ихъ зловреднаго дѣйствія? Конечно не отрицаніемъ и еще меньше защитой ихъ или попытками оправдать ихъ. *Это* значило бы увѣковѣчить и бережно сохранять ихъ нравственный ядъ. Единственный способъ сдѣлать ихъ безвредными, это открыто признать всѣ эти несовершенства и въ то же время указать на то, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть только начало Библейской религіи, а не конечный результатъ ея; что они продуктъ ея дѣтскаго періода, а не совершеннолѣтія ея; они только первые кислые и горькіе — и даже ядовитые, незрѣлые плоды ея, не похожіе на тѣ питательные и здоровые плоды, которые созрѣваютъ въ свое время. Отъ этого перваго низкаго уровня религія Библіи поднимается все выше до духовной высоты великихъ пророковъ и

Іисуса. *Они* тѣ учителя, которые придаютъ Библіи *главный* ея характеръ, они представители ея истинной религіи, поставившіе Библію во главѣ всѣхъ другихъ произведеній этической и религіозной литературы.

Итоги. Мы сдѣлали весьма краткій обзоръ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе очевидныхъ затрудненій, встрѣчающихся на пути мыслящихъ людей, которые желали бы вѣрить въ совершенство и непогрѣшимость Библіи при свѣтѣ новой науки и современнаго умственнаго развитія.

Обыкновенно проповѣдники и учители религіи обвиняютъ людей, не вѣрящихъ въ непогрѣшимость Библіи, въ томъ, что они не *желаютъ* вѣрить и не желаютъ вслѣдствіе какихъ-нибудь дурныхъ побужденій другими словами, ихъ невѣріе считается чѣмъ-то преднамѣреннымъ, злымъ. Надѣюсь, что мнѣ удалось доказать ошибочность этого мнѣнія. Люди *обязаны* вѣрить, что два и два — четыре. Они не могутъ думать иначе, какъ бы они ни желали этого. Такимъ же образомъ, когда люди принимаются за изученіе Библіи съ открытыми глазами и честнымъ сердцемъ и видятъ, что въ книгѣ этой есть недостатки, соотвѣтствующіе недостаткамъ народовъ и временъ, отъ которыхъ она происходитъ, то одно желаніе по прежнему видѣть въ Библіи совершенную и непогрѣшимую книгу не въ состояніи уже удержать въ нихъ эту вѣру. Многочисленныя и явныя несовершенства, прошедшія передъ нашими глазами на предыдущихъ страницахъ, постоянно возстаютъ передъ ними и, несмотря на всѣ усилія считать ихъ совершенствами, они все-таки будутъ видѣть въ нихъ только несовершенства. Поэтому настойчивое требованіе церкви, *во чтобы то ни стало*, считать все въ Библіи совершенствомъ, можетъ казаться только весьма страннымъ и неразумнымъ.

Такое требованіе церкви приводитъ людей къ невѣрію. Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ то, что результатомъ такого образа дѣйствія церкви рано или поздно должно быть враждебное отношеніе всѣхъ искреннихъ, мыслящихъ людей къ церкви и Библіи. И дѣйствительно духовенство и религіозная пресса постоянно сѣтуютъ на то, что многіе изъ самыхъ интеллигентныхъ нашихъ умовъ отворачиваются отъ христіанства, и этотъ фактъ очевидно въ значительной мѣрѣ объясняется слѣпымъ безумiемъ христіанской церкви, упорно требующей вѣры

въ непогрѣшимость Библіи и исключающей изъ своей христіанской паствы всѣхъ, не вѣрующихъ въ нее. Почему этому безумію до сихъ поръ не положенъ конецъ?

Лучшій и болѣе мудрый исходъ. Какимъ образомъ интеллигентные христіане могутъ не видѣть, что нѣтъ никакой необходимой связи между вѣрой въ безошибочность всѣхъ разсказовъ и ученій, изложенныхъ въ Библіи, и вѣрой въ высокія нравственныя и духовныя ученія Исаіи, Павла и Іисуса? Конечно, для церкви и всѣхъ, кому близки интересы христіанства, наиболѣе мудрый исходъ — стать на совершенно иную точку зрѣнія въ вопросѣ о непогрѣшимости Библіи. Пусть они оставятъ всѣ безполезныя, безумныя и неизбѣжно вредящія имъ усилія искусственно поддерживать этотъ догматъ. Есть средство болѣе достойное ихъ: это открыто и не колеблясь признать всѣ ошибки и несовершенства, которыхъ разумная и честная критика находитъ въ Библіи. Пусть они съ спокойнымъ довѣріемъ возложатъ всѣ свои надежды на тѣ высокія достоинства и заслуги Библіи, которыя такая критика въ полной мѣрѣ за ней признаетъ. Пусть они скажутъ: „Намъ не нужно, чтобы кто-нибудь вѣрилъ въ то, во что нѣтъ основанія вѣрить. Мы, какъ никто болѣе, заинтересованы въ томъ, чтобы открыть всѣ ошибки и несовершенства Библіи, дабы предостеречь людей противъ нихъ. Мы заботимся только о *правдѣ* и особенно о нравственной и духовной правдѣ, о правдѣ совѣсти и сердца, которая сама свидѣтельствуетъ о себѣ.“ Какъ только всѣ христіанскія церкви и народы станутъ на эту точку зрѣнія (а многіе изъ мудрѣйшихъ между ними уже становятся на нее), они избавятся отъ сокрушающаго бремени несовершенства Библіи, которое они несли до сихъ поръ, отъ этой безнадежной Сизифовой работы — защищать эти несовершенства и всячески, правдой и неправдой, стараться навязать людямъ нашего времени вѣру въ ихъ совершенство. Тогда освобожденныя такимъ образомъ духовныя силы христіанства найдутъ себѣ лучшее и болѣе достойное примѣненіе.

Если мы отрѣшимся отъ идеи о непогрѣшимости Библіи, то она много выиграетъ отъ этого, и какъ молитвенная книга, и какъ руководство для практической религіи. Нѣкоторые опасаются, чтобы отрѣшеніе отъ догмата непогрѣшимости не повредило Библіи, какъ молитвенной книгѣ и руководству

практической религіи. Но это опасеніе напрасно: во многихъ весьма важныхъ отношеніяхъ оно напротивъ подняло бы ея значеніе. Ибо, какъ мы уже говорили, устраненіе идеи непогрѣшимости не можетъ нанести никакого вреда высшимъ и болѣе духовнымъ ученіямъ Библіи, — тѣмъ частямъ ея, которыя „полезны для наученія, для обличенія, для исправленія и наставленія въ праведности“. Это просто значило бы впустить въ христіанскую религію струю здороваго воздуха, которая бы выдула изъ нея, какъ мякину, массу вещей, не только не способныхъ дать пищу благочестивымъ умамъ или духовное назиданіе кому бы то ни было, но служащихъ, напротивъ того, для всѣхъ препятствіемъ къ благочестію и ущербомъ для назиданія.

Доктрина непогрѣшимости, — врагъ добродѣтели, опасный особенно для дѣтей. Многіе изъ самыхъ мудрыхъ и трезвыхъ нашихъ умовъ все сильнѣе и сильнѣе убѣждаются въ томъ, что одно изъ самыхъ великихъ препятствій, съ которымъ въ наше время приходится бороться добродѣтели, — общераспространенное настойчивое требованіе церкви, считать ветхозавѣтную нравственность совершенной. Мы видѣли, что въ ней очень много несовершеннаго. Ни одному человѣку, приступившему къ изученію Ветхаго Завѣта съ неизвращеннымъ умомъ, не придетъ въ голову называть ветхозавѣтныя понятія о нравственности — совершенными. И даже тѣ люди, которые серьезно защищаютъ ихъ совершенство, безъ малѣйшаго колебанія осудили бы всѣ ихъ недостатки, если бы нашли ихъ въ какой-нибудь другой изъ великихъ священныхъ книгъ міра. Почему же такая нравственность въ наше время еще выставляется образцомъ? Развѣ она не должна неизбѣжно нанести вредъ людямъ и особенно дѣтямъ? Подумайте о тѣхъ милліонахъ дѣтей воскресныхъ школъ, съ молодыми, впечатлительными душами, которымъ изъ году въ годъ каждое воскресенье систематически внушается, что Іисусъ Навинъ былъ правъ, избивая мужчинъ, женщинъ и дѣтей, что Іуй поступалъ хорошо, истребляя весь домъ Ахава, а Моисей и Ааронъ, обманывая Фараона, только исполняли повелѣніе Божіе, что еврейскій народъ долженъ былъ убивать ворожей, держать рабовъ и т. п. вещи (о которыхъ въ Библіи сказано, что онѣ совершались по повелѣнію Божію), и представьте себѣ, какое основаніе закладывается

этимъ ученіемъ въ милліоны дѣтскихъ душъ, и можно ли на такомъ фундаментѣ строить нравственный характеръ и развить чуткую совѣсть, можно ли такимъ воспитаніемъ сдѣлать изъ дѣтей чистыхъ и возвышенныхъ духомъ мужчинъ и женщинъ! Можетъ ли что-нибудь когда-либо вознаградить или исправить это полное смѣшеніе и извращеніе нравственныхъ понятій въ дѣтской душѣ?

Мы не должны оставаться индиферентными къ этому вопросу. Изъ этого мы видимъ, что ученіе о непогрѣшимости Библіи вовсе не такая вещь, къ которой кто-либо изъ насъ можетъ относиться индиферентно, и что совсѣмъ не безразлично знать или не знать истину въ этомъ отношеніи. На насъ лежитъ тяжелая и торжественная религіозная обязанность отречься отъ догмата, наносящаго такой сильный ущербъ характеру Божества, которому мы поклоняемся, и дѣйствительности нашихъ нравственныхъ интуицій. Здѣсь опасность грозитъ всему, что у насъ есть самаго высокаго и священнаго въ религіи и жизни. И если мы хотимъ сохранить религію, то мы не должны закрывать глаза на эту опасность. Когда мы встрѣчаемъ въ Библіи унизительныя и безнравственныя изображенія Бога, мы *должны* сказать: они ложны, люди писавшіе ихъ, имѣли низкія и несовершенныя понятія своего времени; мы же, озаренные свѣтомъ, даннымъ намъ Іисусомъ и 18-ью вѣками, прошедшими съ тѣхъ поръ, поклоняемся Богу несравненно высшему и лучшему, чѣмъ Богъ тѣхъ несовершенныхъ древнихъ писаній.

Продолжая серьезно держаться Библіи, мы должны быть разборчивы. Высоко цѣня богатое наслѣдіе нравственныхъ и религіозныхъ истинъ и чувствъ, которыя мы находимъ на ея почтенныхъ страницахъ, мы отнюдь не должны впадать въ роковое безуміе, освящающее заблужденія только потому, что они случайно связаны съ истиной. Разумно понимая Библію и правильно употребляя ее, мы можемъ оставить ее въ нашихъ воскресныхъ школахъ, церквахъ и домахъ, какъ великую и въ истинномъ смыслѣ слова священную книгу религіи, но мы должны остерегаться дѣлать изъ нея, вмѣсто благословенія, проклятіе для насъ самихъ и въ особенности для нашихъ дѣтей, признавая и заставляя другихъ признавать ее тѣмъ, что она не есть на самомъ дѣлѣ, т. е.: *непогрѣшимой книгой.*

XXII.

Библія и вдохновеніе.

Приближаясь къ концу нашего изслѣдованія, мы должны остановиться еще на нѣсколькихъ вопросахъ, настоятельно требующихъ отвѣта.

Вдохновеніе.

Можетъ ли Библія, при свѣтѣ открытыхъ нами фактовъ, считаться книгой богодухновенной?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ очевидно зависитъ отъ того, какъ мы понимаемъ слово „вдохновеніе“. Если мы придаемъ ему то узкое, механическое, не духовное значеніе, которое до сихъ поръ слишкомъ часто придавалось ему, если мы видимъ въ вдохновенныхъ писателяхъ только пассивныя орудія, какъ бы музыкальные инструменты, на которыхъ игралъ всемогущій музыкантъ, или писцовъ, рука которыхъ чудеснымъ образомъ направлялась для начертанія словъ, за инціативу и смыслъ которыхъ они не отвѣтственны, — если мы такъ понимаемъ слово вдохновеніе, то мы должны отвѣтить, какъ всюду съ возрастающей ясностью и единодушіемъ отвѣчаетъ новѣйшая библейская критика: „нѣтъ, ничто въ священныхъ писаніяхъ не указываетъ на *такое* вдохновенное происхожденіе ихъ.“ Но если мы подъ вдохновеніемъ разумѣемъ нѣчто живое, а не механическое, нѣчто не только божественное, но и человѣческое, и божественное именно потому, что оно такъ высоко гуманно и благородно; если мы подъ вдохновеніемъ разумѣемъ не пассивное состояніе, а, напротивъ, дѣятельность наиболѣе интенсивную, вслѣдствіе живительнаго соприкосновенія съ безконечнымъ разумомъ, когда человѣкъ озаряется „тѣмъ истиннымъ свѣтомъ, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ,“ открываетъ свою душу приливу безконечной жизни и становится ясновидящимъ и пророкомъ, руководителемъ и вождемъ своихъ собратьевъ во всемъ, касающемся духовной жизни; если мы, однимъ словомъ, разумѣемъ подъ вдохновеніемъ нѣчто, достаточно широкое, благородное и духовное, то мы должны будемъ отвѣтить: Библія богата такимъ вдохновеніемъ, и ростъ науки не только не можетъ его омрачить, но долженъ сдѣлать его еще болѣе лучезарнымъ.

Конечно, ни одинъ разумный ученый не станетъ утверждать,

что это вдохновеніе въ Библіи вездѣ одинаково высоко; и въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что нѣкоторыя части ея не носятъ на себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ вдохновенія. Въ другихъ частяхъ, наоборотъ, у насъ недостаетъ словъ, чтобы достойнымъ образомъ выразить всю глубину и богатство открывающейся въ нихъ нравственной и духовной силы. Изъ какого другого источника, кромѣ вѣчнаго и божественнаго, могла исходить истина тѣхъ великихъ изреченій Ветхаго и Новаго Завѣта, которыя тотчасъ же возстаютъ въ нашемъ умѣ, какъ только мы подумаемъ о томъ, что есть высшаго въ нашей религіи? Изъ какого другого родника, какъ не изъ самаго божественнаго въ мірѣ вдохновенія, могли пить люди, слова которыхъ во всѣ времена находили отзвукъ въ безчисленныхъ милліонахъ человѣческихъ сердецъ, волнуя и вдохновляя ихъ такъ, какъ ничто другое никогда не волновало и не вдохновляло ихъ?

Откровеніе. Есть ли Библія божественное *откровеніе*? Или вѣрнѣе: *содержитъ ли* Библія въ себѣ божественное откровеніе? И здѣсь опять компетентное научное изслѣдованіе даетъ намъ утвердительный или отрицательный отвѣтъ, смотря по тому, какое значеніе мы придаемъ слову „откровеніе“: болѣе широкое или узкое, духовное и жизненное или формальное и механическое.

Чаннингъ говоритъ: „Іисусъ пришелъ, чтобы открыть намъ Отца. Но развѣ о Богѣ, безконечномъ и общемъ Отцѣ нашемъ, свидѣтельствуетъ только одинъ этотъ голосъ, раздавшійся много вѣковъ тому назадъ на берегахъ Іордана или озера Тиверіадскаго? Развѣ небо и земля всегда говорятъ съ нами непонятнымъ намъ языкомъ? Развѣ на страницахъ природы не написано ничего? Развѣ душа человѣка не носитъ въ себѣ никакихъ свидѣтельствъ о своемъ Творцѣ? Развѣ совѣсть не признаетъ высшаго Авторитета кромѣ себя самой? Развѣ разумъ не находитъ нигдѣ ни слѣда высшаго Разума, непонятнаго для него, но отъ котораго онъ самъ исходитъ, какъ лучъ исходитъ отъ солнца? Развѣ сердце въ предѣлахъ вселенной не находитъ Друга, достойнаго довѣрія и любви?“

Геберъ Ньютонъ говоритъ: „Настоящій престолъ Божій въ душѣ человѣка, куда Вѣчный нисходитъ, чтобы открыть себя человѣку. Откровеніе — свѣтъ. Всюду, гдѣ есть проблески свѣта духовнаго или нравственнаго, всюду, гдѣ темныя загадки

происхожденія, природы и назначенія человѣка озаряются свѣтомъ; всюду, гдѣ существо, личность и характеръ Бога выступаютъ изъ мрака, наполняя насъ съ новой силой чувствомъ благоговѣнія, высшей надежды, вѣры и любви, — тамъ мы имѣемъ дѣло съ истиннымъ откровеніемъ для нашей души."

Эти слова двухъ выдающихся религіозныхъ учителей нашего столѣтія намекаютъ на то широкое пониманіе откровенія, которое библейская критика старается дать намъ вмѣсто прежняго узкаго и болѣе механическаго пониманія. Если мы въ этомъ смыслѣ поймемъ слово откровеніе, то у насъ не можетъ быть болѣе вопроса о томъ, содержитъ ли въ себѣ Библія откровеніе отъ Бога и о Богѣ.

Но это не *единственное* божественное откровеніе. Въ цѣломъ оно безъ сомнѣнія составляетъ высшій и лучшій продуктъ древняго міра, но это еще не все, что видѣлъ міръ. Ибо смѣемъ ли мы отвергать всѣ другія священныя книги человѣчества; индусскую и персидскую библіи, болѣе древнія, чѣмъ наша; буддійскую библію, содержащую въ себѣ одно изъ самыхъ возвышенныхъ этическихъ ученій міра и почитаемую священной гораздо бо́льшимъ числомъ людей, чѣмъ наша христіанская Библія; китайскія библіи, тоже древнія и почтенныя книги; и Коранъ — библію нѣкоторыхъ изъ благороднѣйшихъ народовъ прошлаго? Должны ли мы отвергнуть всѣ эти священныя книги и объявить, что голосъ Бога не слышенъ въ нихъ? Я, во всякомъ случаѣ, не осмѣливаюсь сдѣлать это. Я не осмѣлюсь отрицать, что Богъ открылъ себя людямъ черезъ посредство тысячи великихъ и чистыхъ душъ, мысли которыхъ наполняютъ всѣ наши библіотеки, и что онъ все еще продолжаетъ проявлять себя все болѣе явственно и полно, какъ въ природѣ, въ каждомъ цвѣткѣ и каждой звѣздѣ, такъ и въ наукѣ во всѣхъ ея областяхъ, въ искусствѣ, поэзіи, музыкѣ, исторіи, въ умѣ, совѣсти и сердцѣ каждаго человѣка. Я не осмѣливаюсь думать, чтобы человѣкъ могъ когда-либо обладать какимъ бы то ни было цѣннымъ знаніемъ, полезной истиной, благороднымъ стремленіемъ, вдохновеніемъ или побужденіемъ, которое не исходило бы отъ Бога и не было бы поэтому Божьимъ откровеніемъ. Какъ могло бы откровеніе Божіе заключаться въ одной какой-нибудь книгѣ, или даже цѣлой серіи книгъ, когда и всѣ книги въ мірѣ не могутъ вмѣстить его во всей его пол-

нотѣ? И хотя бы книги писались еще въ продолженіе десяти тысячъ лѣтъ, и въ мірѣ оказалось бы столько же библіотекъ, сколько звѣздъ на небѣ, и такихъ же обширныхъ, какъ древняя Александрійская, — и тогда источникъ откровенія Божія остался бы все такимъ же богатымъ и неизсякаемымъ.

Библія ли произвела религію и нравственность, или же она сама продуктъ религіи и нравственности? Можно ли назвать Библію источникомъ религіи и нравственности? И можно ли сказать, что люди не знали бы ни истинной религіи, ни нравственности, если бы никогда не существовало такой книги, какъ наша Библія?

Послѣ всѣхъ предыдущихъ разсужденій эти вопросы, конечно, могутъ показаться по меньшей мѣрѣ излишними, но они такъ часто ставятся искренними и серьезными людьми, что заслуживаютъ и здѣсь точнаго и опредѣленнаго отвѣта. Мы вполнѣ удовлетворительно исполнимъ эту задачу, если укажемъ на отношеніе къ этимъ вопросамъ всего, открытаго нами въ предыдущихъ главахъ.

И религія, и нравственность существовали у людей задолго до появленія Библіи или хоть какой-нибудь части ея. Въ тѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ о нашей Библіи никогда не слыхали, и религія, и нравственность тѣмъ не менѣе процвѣтали и приносили обильные плоды въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій. На первыхъ страницахъ этой книги мы указали на то, что многія изъ самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ нравственныхъ и религіозныхъ ученій Ветхаго и Новаго Завѣта съ большей или меньшей рельефностью изложены и въ другихъ священныхъ книгахъ человѣчества, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ книгъ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ наши. И если мы изслѣдуемъ литературу и исторію даже тѣхъ народовъ, у которыхъ не было священныхъ книгъ, какъ напримѣръ грековъ и римлянъ, то мы и у нихъ найдемъ многочисленныя проявленія благородныхъ добродѣтелей; что же касается благочестія, то никто не будетъ отрицать, что произведенія ихъ часто проникнуты духомъ истиннаго и чистаго поклоненія Богу.

Итакъ мы видимъ, что не Библія была творцомъ нравственности въ мірѣ, а, наоборотъ, нравственность и религія въ своемъ постоянномъ ростѣ и развитіи, въ постоянной борьбѣ съ неясностью и путаницей понятій и человѣческой слабостью,

въ постоянномъ стремленіи къ большой опредѣленности и силѣ, произвели нашу Библію и всѣ другія священныя книги человѣчества. И если бы наша Библія и всѣ другія существующія библіи были уничтожены, религія и нравственность порождали бы все новыя и новыя книги, покуда въ мірѣ чувствуется потребность въ нихъ. Основы добродѣтели и религія находятся не въ какой бы то ни было книгѣ, но въ *Богѣ*, въ *природѣ вещей*, въ *душѣ человѣка*.

Это, конечно, не значитъ, что Библія, разъ она была создана, не оказала весьма существенной помощи прогрессу и развитію нравственности и религіи у тѣхъ народовъ, среди которыхъ она распространялась; въ общемъ можно сказать, что эти народы обязаны ей весьма многимъ, и что исторія ихъ сложилась бы вѣроятно совершенно иначе, если бы Библія не появилась среди нихъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ назвать нашу Библію въ извѣстномъ и истинномъ смыслѣ *источникомъ* той особой формы религіи, которая извѣстна подъ именемъ *христіанства*, совершенно такъ же, какъ мы можемъ назвать Веды источникомъ религіи браминовъ. Но мы никогда не должны забывать, что не Библія создала религію, а религія и праведность создали Библію.

Какъ отличить истинное отъ ложнаго, вдохновенное отъ невдохновеннаго въ Библіи. Если Библія не есть книга непогрѣшимаго вдохновенія, если въ ней есть ошибки и недостатки, то какъ узнать, что̀ въ ней истинно и плодъ вдохновенія и что̀ — ложно и лишено вдохновенія? Другими словами, что̀ мы должны принять и что̀ мы должны отвергнуть въ Библіи? Этотъ вопросъ нерѣдко приводитъ серьезные и добросовѣстные умы въ истинное смятеніе. Не странно ли это, когда отвѣтъ такъ простъ и ясенъ?

Во всемъ, что касается научныхъ и историческихъ вопросовъ и вообще всей *фактической* стороны Библіи, мы можемъ открыть, что̀ правда и что̀ неправда, совершенно такимъ же способомъ, какимъ мы открываемъ ложь или истину въ другихъ вещахъ, т. е. посредствомъ изслѣдованія. Путемъ честнаго изслѣдованія и безпристрастнаго изученія легко будетъ также разрѣшить главнѣйшіе вопросы, касающіеся фактовъ, изложенныхъ въ Библіи.

Что же касается того, какъ узнать, что̀ принять и что̀

отвергнуть изъ *нравственныхъ* ученій Библіи, то это дѣло, пожалуй, еще проще. И въ самомъ дѣлѣ, въ этой области кажется и не существовало никогда серьезныхъ затрудненій, въ особенности для тѣхъ, которые раціонально и серьезно изучали Библію. Великія основныя ученія нравственности ясны и не могутъ быть превратно поняты. Они запечатлѣны въ самой природѣ человѣка и по мѣрѣ того, какъ человѣческій родъ подвигается впередъ, достигая все высшей и болѣе совершенной цивилизаціи, эти ученія выступаютъ все съ большей и большей ясностью, и это происходитъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никто никогда не слыхалъ о нашей Библіи. Не странно ли поэтому, что мы, живущіе въ самомъ сердцѣ высшей цивилизаціи, которая когда-либо существовала въ мірѣ, непремѣнно хотимъ имѣть сверхъестественно непогрѣшимую Библію, чтобы отличать добродѣтель отъ порока, и низкое въ поведеніи человѣка отъ благороднаго. Читая другія книги, мы обыкновенно безъ оссбаго труда составляемъ себѣ сужденія о томъ, что въ нихъ превосходно и достойно удивленія и что дурно и унизительно. Почему же мы находимъ слишкомъ труднымъ рѣшить самимъ, читая Библію, что въ ней нравственно и хорошо, и что дурно? Да вѣдь на самомъ дѣлѣ мы всѣ, каковы бы ни были наши теоріи относительно Библіи, все-таки дѣлаемъ это различіе. Это ясно видно напримѣръ изъ того, что всѣ христіанскіе народы нашего времени, какого бы вѣроисповѣданія они ни были, отвергаютъ ученія Библіи о рабствѣ, полигаміи и избіеніи ворожей, и въ то же время признаютъ десять заповѣдей Моисея, правило: не дѣлать ближнему того, чего не желаешь себѣ самому, и ученіе о первенствующемъ значеніи любви.

То же самое вѣрно и по отношенію къ великимъ *духовнымъ* ученіямъ Библіи. Они всѣ носятъ сами въ себѣ свои вѣрительныя грамоты и свое право на авторитетность. Такія изреченія, какъ заповѣди блаженства и глава Павла о милосердіи, не могутъ подать поводъ никакимъ недоразумѣніямъ. Все дѣло сводится къ одному, и ничего не можетъ быть проще: все въ Библіи, что помогаетъ жить читающимъ ее людямъ, даетъ имъ силу и высшее понятіе о Богѣ, что увеличиваетъ ихъ вѣру въ человѣчество, расширяетъ ихъ симпатіи, очищаетъ ихъ желанія, дѣлаетъ ихъ самихъ глубже и серьезнѣе и надежды ихъ

болѣе свѣтлыми, все, что направляетъ ихъ впередъ и заставляетъ ихъ все съ бо́льшимъ постоянствомъ посвящать себя служенію истинѣ, красотѣ и добру, все это можетъ быть принято всякимъ съ такой же увѣренностью, какъ будто бы голосъ съ неба громко сказалъ ему эти слова. Съ другой стороны все, что въ Библіи или гдѣ бы то ни было ведетъ къ умаленію понятій человѣка о Богѣ или смѣшенію нравственныхъ его взглядовъ, къ пониженію его жизненныхъ идеаловъ и его понятій о своихъ обязанностяхъ или къ омраченію его духовнаго зрѣнія — все это навѣрное не отъ Бога, если мы называемъ Богомъ воплощеніе правды и нравственнаго совершенства, достойное поклоненія; людей, поэтому никакая церковная санкція, никакія ссылки на свидѣтельство чудесъ и ничто другое не можетъ вмѣнить людямъ въ обязанность принять такое ученіе.

Поставьте заповѣди блаженства рядомъ съ проклятіями 109-го псалма, или исторію вѣроломной Іаили, тайно убивающей человѣка, къ которому она должна была бы относиться дружелюбно, рядомъ съ притчей о добромъ Самарянинѣ; или заявленіе Екклезіаста: „и преимуществъ у человѣка надъ скотомъ нѣтъ,“ со словами Іоанна: „Возлюбленные, мы теперь дѣти Божіи,“ можетъ ли быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что̀ тутъ исходитъ отъ Бога и что̀ нѣтъ? Когда люди читаютъ Библію, какъ всякую другую книгу, безъ искусственныхъ теорій о непогрѣшимости, смущающихъ здравый смыслъ и извращающихъ ихъ сужденія, то всякія затрудненія почти или даже совершенно исчезаютъ. Трудность опредѣленія, что принять и что отвергнуть въ Библіи, издали кажущаяся нѣкоторымъ такой непреодолимой, при ближайшемъ изслѣдованіи таетъ и испаряется и въ концѣ концовъ оказывается, что это былъ только теологическій сонъ.

Библія въ сравненіи съ другими книгами. Можно ли ставить Библію на одинъ уровень съ другими книгами? На этотъ вопросъ я отвѣчаю согласно тому, что уже не разъ говорилось на предыдущихъ страницахъ: самые авторитетные критики и сужденія повидимому съ полнымъ единодушіемъ отвѣчаютъ на это: нѣтъ! Хотя на свѣтѣ много водопадовъ, но есть только одна Ніагара; хотя благородное искусство ваянія процвѣтало во многихъ странахъ, но Греція — только одна; всѣ націи и

вѣка имѣли своихъ поэтовъ, но міръ произвелъ только одного Шекспира. Точно также надо сказать, что хотя многія страны породили великія и благородныя религіи, но Палестина была только одна, и это можно сказать нисколько не будучи пристрастнымъ. Во всѣхъ другихъ религіяхъ появлялись великіе и чистые учители религіи, но человѣчество произвело только одного Іисуса. Природа всегда скупа на лучшія свои произведенія, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Очевидно, лучшее нравственное и духовное произведеніе того древняго міра, въ которомъ возникли всѣ наши великія религіи и въ которомъ таятся глубочайшіе источники нашей нравственной и духовной жизни, появилось въ Іудеѣ и Галилеѣ и нашло себѣ выраженіе въ собраніи еврейскихъ религіозныхъ писаній, которое мы называемъ Библіей.

XXIII.

Неизмѣнная цѣнность Библіи.

Намъ уже много приходилось говорить о цѣнности Библіи. Но на вопросѣ этомъ еще слѣдуетъ остановиться подробнѣе. Опредѣлимъ же окончательно, въ чемъ состоитъ эта цѣнность.

1) Библія, какъ литературное произведеніе. Всѣми признано, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя части Библіи имѣютъ высокую литературную цѣнность. Самые компетентные критики держатся, повидимому, того мнѣнія, что извѣстныя книги какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими литературными произведеніями всѣхъ странъ и вѣковъ. Не мало такихъ авторитетовъ, которые ставятъ псалмы Давида такъ же высоко, какъ лирическія произведенія Пиндара и Уордсуорта и сравниваютъ книгу Іова съ трагедіями Софокла и Шекспира, а пророчества Исаіи и Посланія къ Римлянамъ считаютъ равными любому изъ лучшихъ религіозныхъ и этическихъ произведеній въ мірѣ. Вѣроятно немногіе будутъ спорить со мной, если я назову Библію въ цѣломъ, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ у насъ теперь, — величайшимъ и благороднѣйшимъ классическимъ произведеніемъ въ Англіи. Первый переводъ Библіи на англійскій языкъ былъ сдѣланъ такъ рано и тотчасъ же такъ неоспоримо занялъ первое мѣсто въ нашей литературѣ и сдѣлался нашей великой національной книгой, что онъ сильнѣе всякой другой книги повліялъ на

образованіе англійскаго языка и всей англійской литературы. Мы можемъ сказать, что переводъ Библіи, сдѣланный по приказанію короля Іакова въ 1611 г., послужилъ главнымъ основаніемъ англійскаго языка нашего времени. Если бы созвать десять наиболѣе компетентныхъ ученыхъ и предложить имъ избрать лучшій, самый простой, чистый, сильный и въ то же время изящный образецъ англійскаго языка, девять изъ нихъ навѣрное указали бы на общепринятый у насъ переводъ Библіи.

2) Библія нераздѣльно связана съ каждой стадіей нашей цивилизаціи. Библія принадлежитъ несравненно болѣе важное и центральное мѣсто въ исторіи развитія европейской и американской цивилизаціи, чѣмъ какой бы то ни было другой книгѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сомнительно, чтобы человѣкъ, изучающій нашъ новый христіанскій міръ, его исторію, литературу, философію, искусство, политику и учрежденія, могъ бы испытать столько неудобствъ отъ незнакомства съ Гомеромъ, Платономъ, Виргиліемъ, Цицерономъ, Данте и многими другими величайшими писателями міра, сколько онъ испыталъ бы отъ незнакомства съ однимъ только этимъ томомъ нашего Священнаго Писанія.

Этотъ фактъ нигдѣ, можетъ быть, не выступаетъ съ большей рельефностью, чѣмъ въ *искусствѣ*. Посѣщая великія художественныя галлереи христіанскаго міра, мы видимъ, что искусство цѣлыхъ вѣковъ, и притомъ самыхъ плодотворныхъ періодовъ, со времени классическаго Рима и Аѳинъ, почти исключительно занято темами, взятыми изъ Библіи. Со времени обращенія въ христіанство Рима и до самыхъ новѣйшихъ временъ искусство въ Европѣ было такъ тѣсно связано съ христіанской религіей, что знакомство съ Библіей едва ли менѣе необходимо для пониманія европейскаго искусства въ цѣломъ, чѣмъ знакомство съ законами тяготѣнія для пониманія астрономіи и физики.

Но внимательный изслѣдователь европейской *литературы*, *исторіи*, *философіи*, *политики* и европейскихъ *учрежденій* едва ли согласится съ тѣмъ, что они стоятъ въ менѣе тѣсной связи съ Библіей, чѣмъ искусство. Можетъ быть эта связь не такъ непосредственна и ее не такъ легко прослѣдить, какъ въ искусствѣ, но, заглядывая глубже въ самую сущность вещей,

мы находимъ, что въ дѣйствительности вліяніе христіанства едва ли было менѣе сильно и въ этой области.

3) Библія, какъ исторія эволюціи религіи. Ни одно другое произведеніе литературы не даетъ намъ такой жизненной и поразительной картины *эволюціи религіи и нравственности* и въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ Библія. Библія представляетъ собой литературный памятникъ роста Израильскаго народа въ продолженіе десяти или двѣнадцати вѣковъ самой разнообразной и чудесной исторіи, начиная отъ религіозныхъ и нравственныхъ понятій, мало отличавшихся отъ понятій окружавшихъ ихъ языческихъ народовъ, до идей, проповѣдованныхъ Іисусомъ и признанныхъ высшимъ религіознымъ и этическимъ ученіемъ міра. Но объ этомъ намъ нѣтъ надобности распространяться здѣсь, такъ какъ мы уже подробнѣе разсматривали этотъ вопросъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Мы говоримъ о развитіи нашей англійской конституціи, какъ о чемъ-то чудесномъ, и объ исторіи ея, какъ о самомъ цѣнномъ *политическомъ* завѣщаніи, оставленномъ прошлымъ всѣмъ народамъ, говорящимъ по-англійски. Подобнымъ же завѣщаніемъ, но только несравненно болѣе цѣннымъ для всего *религіознаго* міра, является исторія эволюціи религіи, изображенная намъ Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ.

4) Библія и монотеизмъ. Библія — *мать монотеизма* въ мірѣ, насколько это вообще можно сказать о какой бы то ни было книгѣ. Достойно вниманія, что всѣ три великія монотеистическія религіи посредственно или непосредственно коренятся въ нашемъ священномъ Писаніи. Іудейство и христіанство непосредственно, а магометанство — косвенно.

Мы склонны цѣнить въ Библіи лишь то, что связано съ христіанской религіей. Но это несправедливо. Іудейство тоже благородная религія, и оно оказывало большое вліяніе на міръ не только до, но и послѣ наступленія христіанской эры. Когда мы узнаемъ все, что исторія можетъ намъ раскрыть, вѣроятно окажется, что новая цивилизація гораздо бо̀льшимъ обязана Израилю, чѣмъ мы желаемъ признать, и не только въ религіозномъ отношеніи, но также въ отношеніи торговли, воспитанія, науки и литературы.*)

*) Болѣе подробное изслѣдованіе вліянія евреевъ въ Римѣ и

И магометанство, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тоже благородная религія, и не подлежитъ сомнѣнію, что вліяніе его не только на религіозную, но и на интеллектуальную и политическую исторію міра было чрезвычайно могущественно, и сфера его была очень обширна. Если вѣрить извѣстіямъ, которыя приходятъ къ намъ изъ Азіи и Африки, то магометанство въ настоящее время распространяется въ мірѣ съ большой быстротой.

Но магометанская религія не можетъ быть вполнѣ понята безъ знакомства съ Библіей, ибо оно такое же дитя Библіи, какъ и Корана, а Іудейская религія ужъ совсѣмъ непонятна безъ знакомства съ Ветхимъ Завѣтомъ.

Не замѣчательно ли, что эта книга такъ тѣсно связана съ тремя величайшими монотеистическими религіями въ мірѣ? Уже одного этого факта достаточно, чтобы по справедливости отдать Библіи предпочтеніе передъ всѣми остальными священными книгами человѣчества.

5) Библія, какъ книга практической религіи. Но только изучая Библію съ практической стороны, какъ руководство къ жизни, мы научаемся понимать высшую цѣнность ея. Каковы бы ни были ея несовершенства, она въ цѣломъ все-таки должна быть признана книгой безподобной нравственной глубины, полной вдохновенія и какъ нельзя болѣе пригодной для того, чтобы служить высокимъ нравственнымъ стимуломъ человѣчеству. Съ неослабной энергіей и иногда прямо съ поражающей силой лучшіе авторы Библіи настаиваютъ на величіи нравственной стороны жизни — на важности праведности, истины, милосердія и особенно правдивости въ поведеніи человѣка. Едва ли міръ когда-либо видѣлъ людей такъ глубоко-нравственныхъ, какъ наши ветхозавѣтные пророки, едва ли кто-нибудь

всей Римской имперіи въ продолженіе первыхъ вѣковъ христіанства читатель найдетъ въ книгѣ проф. Huidekoper'a „Judaism in Rome."

Дрэпэръ въ „Intellectual Development of Europe" также даетъ краткій обзоръ просвѣтительной дѣятельности евреевъ въ средніе вѣка: основанія ими университетовъ и пожертвованій на нихъ и вообще поощренія ими наукъ, въ особенности медицины. См. стр. 414, 417 (Harper's Edition). Для болѣе полнаго ознакомленія съ этимъ вопросомъ см. „History of the Jews" Graetz'a.

другой такъ мужественно и честно служилъ тому, что считалъ добромъ и истиной въ религіи, какъ они. Порой слишкомъ фанатичные, порой грубые и жестокіе, нѣкоторые изъ нихъ истые сыны своего суроваго вѣка, весьма различные какъ по нравственному и духовному своему складу, такъ и по умственному развитію и общественному своему положенію, они тѣмъ не менѣе въ цѣломъ были великіе люди, слова которыхъ и до сихъ поръ, словно трубный гласъ, призываютъ человѣчество къ праведности.

М. Арнольдъ прекрасно выразилъ это въ слѣдующихъ словахъ: „Покуда міръ стоитъ, всѣ стремящіеся къ нравственному совершенствованію будутъ искать вдохновенія у Израиля, какъ у народа, проявившаго больше всего страстности и силы въ стремленіи къ праведности; слушая и читая слова, сказанныя Израилемъ, всѣ, озабоченные своей нравственной жизнью, почерпнутъ въ нихъ такую силу и горячее рвеніе, которыхъ они не могутъ найти больше нигдѣ. Представьте себѣ, что человѣкъ, у котораго есть талантъ къ ваянію, сталъ бы развивать его безъ помощи памятниковъ греческаго искусства, или что человѣкъ съ поэтическимъ дарованіемъ не захотѣлъ бы изучать Гомера и Шекспира; то же самое было бы, если бы человѣкъ, одаренный стремленіемъ къ добродѣтели или праведности, вздумалъ развить въ себѣ этотъ даръ безъ помощи Библіи.

б) Библія, какъ источникъ утѣшенія и вдохновенія. Если мы обратимъ теперь свой взоръ на ту сторону жизни, которая обыкновенно называется духовной и включаетъ въ себѣ любовь, благодарность, благоговѣніе, молитву, надежду, вѣру, высшія стремленія и поклоненіе Богу, — то и здѣсь безъ преувеличенія можно сказать, что нѣтъ въ мірѣ книги, которая могла бы сравниться съ Библіей по мощности своего вліянія, по той помощи и тому вдохновенію, которыя люди находятъ въ ней. Такія мѣста, какъ нагорная проповѣдь, XIII гл. I Посланія къ Коринѳянамъ, XIV и XVII гл. Ев. Іоанна, XV гл. Ев. Луки, VIII гл. Посланія къ Римлянамъ, V и VI гл. Посланія къ Ефесянамъ, XXIII, XXVII, XXXVII, CIII, CXXXIX и многіе другіе псалмы и отдѣльныя мѣста въ шестнадцати послѣднихъ главахъ Исаіи — содержатъ такія духовныя сокровища, что по всеобщему признанію всѣхъ вѣковъ, у человѣчества никогда не было ничего болѣе драгоцѣннаго. Это — никогда не изся-

кающіе источники, которые, сколько бы изъ нихъ ни черпали, давали и будутъ давать безчисленнымъ милліонамъ людей животворящую воду, способную утолить самую сильную жажду души.

„Мы переворачиваемъ весь міръ въ поискахъ за истиной; съ надгробныхъ памятниковъ, съ пыльныхъ пергаментовъ, бывшихъ нѣкогда цвѣтущими нивами человѣческой души, мы собираемъ крупинки добра, чистоты и красоты; и когда мы — нагруженные и усталые искатели лучшаго — возвращаемся назадъ съ нашихъ поисковъ, мы находимъ все, чему учили насъ величайшіе мудрецы, въ той книгѣ, которую читали наши матери."

Эти слова Уиттіера (Whittier) въ примѣненіи къ нравственнымъ и особенно тѣмъ ученіямъ Библіи, которыя я назвалъ *чисто духовными*, едва-ли могутъ быть названы слишкомъ сильными.

Они указываютъ еще на одно обстоятельство, связанное съ Библіей, о которомъ, можетъ быть, не довольно часто вспоминаютъ, но которое, однако, въ глазахъ многихъ людей придаетъ и всегда будетъ придавать Библіи, если не высшую, то, по крайней мѣрѣ, болѣе дорогую и близкую сердцу цѣнность: я говорю о томъ фактѣ, что это та самая книга, „которую читали наши матери", — другими словами, это великая священная книга, завѣщанная намъ цѣлымъ рядомъ вѣковъ христіанства и освященная самыми великими и дорогими воспоминаніями и ассоціаціями. Библія не только *наше* священное Писаніе, но и книга богатая жизненнымъ сокомъ, питавшимъ все, что было высшаго и самаго священнаго въ надеждахъ и опасеніяхъ, радостяхъ и горестяхъ, въ вѣрѣ, молитвахъ, стремленіяхъ и порывахъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ и почти всѣхъ благороднѣйшихъ мужей и святыхъ женщинъ всѣхъ христіанскихъ вѣковъ. Пусть сердце всякаго человѣка само отвѣтитъ себѣ, много ли это значитъ!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Друзья и враги Библіи. Двѣ крайности.

Библейская критика въ настоящее время находится подъ непріятельскимъ огнемъ. Противъ свѣта, внесеннаго и еще вносимаго наукой въ толкованіе священнаго Писанія, поднялось множество угрожающихъ голосовъ. Смѣлые, сильные и правдивые люди, стоящіе во главѣ прогрессивнаго направленія въ библейской критикѣ, часто поносятся, объявляются разрушителями и осуждаются духовными собратами, какъ еретики. Со всѣхъ сторонъ намъ кричатъ, что они стараются разрушить Библію. Но вѣрно какъ разъ противоположное. Они стараются спасти Библію. Высшая критика созидаетъ, но созидаетъ единственно на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ можетъ быть построено хорошее и прочное зданіе. Мы часто слышимъ о „друзьяхъ“ и „врагахъ“ Библіи. Но нѣтъ враговъ хуже близорукихъ друзей. Истинные друзья Библіи, это — сторонники благоговѣйнаго, но здраваго изученія ея, старающіеся поставить ее на раціональное, истинное и потому непоколебимое основаніе. Тѣ же, которые хотятъ удержать ее на прежнемъ разрушающемся основаніи, тѣ — истинные враги Библіи, ибо это основаніе неминуемо должно съ каждымъ днемъ все больше и больше таять при свѣтѣ свободной мысли и честнаго изслѣдованія, какъ ледъ таетъ отъ огня.

И только враги Библіи могутъ говорить такія безсмысленныя вещи, какъ тѣ слова, которыя намъ такъ часто приходится слышать изъ неразумныхъ и легкомысленныхъ устъ: „Библія или вся — истина, или же она вся — ложь. Мы должны или всему вѣрить, или все отвергнуть.“

Всему вѣрить или все отвергнуть! Поистинѣ это странное правило! Значитъ я долженъ также вѣрить во всемъ Шекспиру или отвергнуть его всего? Долженъ бросить всего Гомера, если въ немъ есть хоть какія-нибудь ошибки? Могу ли я отвѣтить астроному, который покажетъ мнѣ пятна на солнцѣ: „нѣтъ

благодарю, мое правило: все или ничего. Покуда меня не убѣдятъ въ томъ, что вся поверхность солнца свѣтла, я буду утверждать, что она вся темна.“ Можно ли сказать людямъ: „вамъ слѣдуетъ либо отказаться отъ употребленія въ пищу хлѣбнаго зерна, либо ѣсть его вмѣстѣ съ мякиной.“ Неужели разсудительности и здравому смыслу нѣтъ больше мѣста въ мірѣ? Или если мы можемъ пользоваться этими превосходными качествами въ другихъ дѣлахъ, то почему мы не можемъ пользоваться ими въ вопросахъ религіи? Есть ли какое-нибудь основаніе относиться къ Библіи менѣе справедливо, чѣмъ къ Шекспиру, Гомеру или Платону?

Этого страннаго правила: „все, или ничего“, повидимому, придерживаются по отношенію къ священному Писанію главнымъ образомъ въ надеждѣ на то, что люди не захотятъ отказаться отъ всей Библіи и потому, поставленные въ необходимость выбрать между двумя крайностями, принуждены будутъ принять ее всю. Это нѣчто въ родѣ орудія пытки, съ помощью котораго надѣются заставить людей признать догматъ непогрѣшимости Библіи. Но каковъ дѣйствительный результатъ этой уловки? Результатъ довольно печальный. Она дѣлаетъ людей лицемѣрами; подъ такимъ давленіемъ многіе, не вѣрящіе и не могущіе вѣрить, дѣлаютъ видъ, будто они вѣрятъ всему въ Библіи. Такой образъ дѣйствія убиваетъ мысль и критическое изслѣдованіе и дѣлаетъ людей ханжами. Ибо для людей, уже разъ открывшихъ глаза и увидѣвшихъ несовершенства Библіи, существуетъ только одинъ способъ все-таки признать эти несовершенства за совершенства, это впасть въ умственное отупѣніе. Другое слѣдствіе теоріи непогрѣшимости то, что люди совершенно отказываются отъ Библіи и всякой религіи, ибо многіе, слишкомъ честные, чтобы притворяться вѣрующими въ то, во что они въ дѣйствительности не могутъ вѣрить, ловятъ проповѣдниковъ и учителей религіи на словѣ и говорятъ имъ: „хорошо, если ужъ мы непремѣнно должны или всему вѣрить, или все отвергать, то мы предпочитаемъ все отвергнуть. Мы хотимъ мыслить, мы хотимъ разсуждать. Если Библія и религія требуютъ отъ насъ, чтобы мы наложили оковы на свой разумъ и считали бы ложь правдой, то мы лучше повернемся къ нимъ обѣимъ спиной.“ Такъ эта нелѣпая, ни на чемъ не основанная альтернатива, поста-

вленная благонамѣренными, но близорукими и невѣжественными приверженцами устарѣлаго догмата, толкаетъ людей къ невѣрію и отверженію всякой религіи.

Гёте, который ни на минуту не могъ допустить мысли, чтобы Библія была непогрѣшима, написалъ о ней слѣдующее: „Причиной того, что Библія была предметомъ поклоненія у стольких народовъ и поколѣній, была внутренняя цѣнность ея... Чѣмъ выше будетъ подниматься культура другихъ поколѣній, тѣмъ больше будетъ Библія входить въ употребленіе у всѣхъ, кто мудръ въ дѣйствительности, а не только въ своемъ воображеніи.“

Нѣтъ, въ Библіи не все — истина, но и не все въ ней ложь. Она не можетъ быть принята вся, если не хочешь закрыть глаза и попрать не только собственный разумъ, но и всякое научное изслѣдованіе Библіи. Но многое въ ней можетъ быть принято и должно быть принято, если мы не хотимъ нарушить всѣ принципы разумной, литературной и нравственной критики и нанести большой ущербъ себѣ и всему человѣчеству.

Самое вѣрное представленіе о Библіи мы получимъ, можетъ быть, если сравнимъ ее съ золотыми пріисками: какъ бы неистощимы ни были богатства этихъ пріисковъ, онѣ все же остаются *пріисками*, въ которыхъ не мало кварца и земли, какъ и во всѣхъ другихъ рудникахъ. Но есть въ нихъ и золото — настоящее, драгоцѣнное и божественное золото, смѣшанное съ большимъ количествомъ кварца и земли. Очевидно, что разумные люди не должны впадать ни въ то безуміе, которое объявляетъ и землю, и кварцъ золотомъ, ни въ противоположное безуміе тѣхъ, которые все выбрасываютъ и ничего не хотятъ признать золотомъ на томъ основаніи, что они ясно видятъ смѣшанную съ нимъ землю и кварцъ. Задача разумныхъ людей, конечно, состоитъ въ томъ, чтобы серьезно начать разрабатывать золотоносныя жилы, выбрасывая изъ нихъ безъ малѣйшаго колебанія все, что очевидно не есть драгоцѣнный металлъ, но собирая и сохраняя съ радостной признательностью богатыя сокровища, несомнѣнно заключающагося въ нихъ *золота*.